ЗАРУБЕЖНЫЕ ЗАПИСКИ

Журнал русской литературы

КНИГА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений СТЕПАНОВ. **От редакции** 3

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Евгений СТЕПАНОВ. **И все-таки жизнь.** Стихотворения 4
Эдуард ПРОСЕЦКИЙ. **Откровения кота Бенедикта.** Роман *(окончание)* 7
Елена ЛИТИНСКАЯ. **Опыты с дрожжами и не только.** Повесть 33
Лилия ГАЗИЗОВА. **О разных оттенках неба.** Стихотворения 61
Семён КАМИНСКИЙ. **Чья-то прошлая жизнь.** Рассказ 64
Лео БУТНАРУ. **Орфей.** Рассказ. *Перевел с румынского Виталий БАЛТАГ* 68

ПУБЛИЦИСТИКА

Татьяна ЯНКОВСКАЯ. **Искусство в потребительском обществе.** Статья 72

ОЧЕРК

Елена ДАНЧЕНКО. **Мой прапрадед Василий Иванович Немирович-Данченко.** 89

РЕЦЕНЗИИ

Екатерина Ратникова, «Орнамент» (Ольга ЕФИМОВА) 95
Александр Файн, «Кровники» (Марианна МАРГОВСКАЯ) 98

Коротко об авторах 100

август, 2017

ЖУРНАЛ
СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬ
ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ
«ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Главный редактор
Евгений СТЕПАНОВ (Россия)

Заместитель главного редактора
Анна РОЗАНОВА (Россия)

Редакционная коллегия
Людмила АГЕЕВА (Германия)
Борис ВАЙНБЛАТ (Германия)
Лилия ГАЗИЗОВА (Россия)
Андрей ГРИЦМАН (США)
Вера ЗУБАРЕВА (США)
Семён КАМИНСКИЙ (США)
Наталья КРОФТС (Австралия)
Борис ХАЗАНОВ (Германия)

Компьютерная верстка
Ирина РАКИТИНА

Контакты
Бизнес-центр «Калейдоскоп»
Россия, 115230, Москва, Хлебозаводской проезд,
д. 7, стр. 9, офис № 12 (7 этаж)
Редакция журнала «Зарубежные записки»
Степанову Евгению Викторовичу
Тел. в Москве: (495) 978 62 75
Сайт журнала: http://z-zapiski.ru
Эл. адрес редакции: stepanovev@mail.ru

От редакции

Дорогие друзья!

Писатели должны писать. Издатели — издавать. И в метрополии, и в русском зарубежье — невероятное количество талантливых людей. Этот номер «Зарубежных записок», я думаю, подтвердит мои слова.

Оставайтесь с нами!

Главный редактор
Евгений СТЕПАНОВ

Евгений СТЕПАНОВ

И ВСЕ-ТАКИ ЖИЗНЬ

ВРЕМЕНА

музыканты
выступают перед слушателями

артисты
играют для зрителей

а поэты
читают стихи поэтам

o tempora
o mores

* * *

жизнь исчезающая из жизни
как страсть из стародавнего брака
и все-таки жизнь

ЖАРА

в Берлине опять куражится жара
невыносимая
как плохие стихи хорошего поэта

* * *

А мир, как водится, суров.
И ничего здесь не понять.
Как говорит Сергей Лавров,
Дебилы, б.

А все ж душа парить вольна.
И нет у радости забора.
Смотри — опять пришла весна,
Полна надежды и задора!

ПЕРСОНАЖИ ОДНОЙ ПЬЕСЫ

Такие персонажи тут —
Неведомого норова.
И крест наденут, и наврут,
Легко наврут с три короба.

Такие персонажи тут
По этим тропкам топают.
И оболгут, и пасть порвут,
И пасть потом заштопают.

Подарят жемчуг-изумруд,
Дадут с лихвой наличные.
Такие персонажи тут,
Такие необычные.

ПАРТИЗАНСКАЯ

эти маленькие речушки в разливе
и русское поле которое надо перейти
и бунинские цветы и шмели и трава и колосья
и пристанционный магазин
куда ходит вся округа
и радостное гудение поездов
и какие-то неслыханные просторы
и собственный отдельно стоящий домик
в котором знаешь каждую дощечку
и прекрасная женщина
которая терпит меня раздолбая много лет
и маленькая осиновая банька
которая спасает меня от всевозможных хворей
и допотопный колодец
в котором самая чистая в мире вода
и летняя кухня
в которой теперь есть баллонный газ
и подрастающие сосны и елки
которые я сам посадил много лет назад
и стеклянная теплица (сделанная из старых оконных рам)
в которой дурманящий запах помидорной рассады
и костер
и дым от костра
и натопленная целебная печка
и разговоры с очаровательной соседкой Ирой
о смысле жизни
и посаженные мной клубника и кабачки
яблони и березы
дуб и ольха
огурцы и помидоры
лук и укроп
барбарис и ландыши

и какой-то может быть и вредный но любимый влажный микроклимат
и непонятное непостижимое чувство родной земли
своего места на земле
это похоже и есть судьба
моя дача
расположенная возле станции Партизанская
где я живу почти 25 лет
именно здесь
я тот кто я есть на самом деле

СТОТЫСЯЧНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

и вот я старый хрыч московский и мне о чем-то говорят
борисоглебский трубниковский лебяжий знаменский арбат

арбат ар-батя ты босоту и знать шутя объединил
люблю из дома на работу идти счастливый как дебил

люблю арбат не донимая его как хищный гей-маньяк
люблю грозу в начале мая когда в «му-му» я пью коньяк

люблю арбат так любят пешки ферзя ведь он неотразим
люблю и новые кафешки и старый зоомагазин

люблю арбат так шеф газпрома наверно любит уренгой
люблю и выходить из дома люблю и приходить домой

арбат-братан арбат-держава я пред тобой в долгу стократ
понятно я не окуджава но как же не любить арбат

2009-2017

Эдуард ПРОСЕЦКИЙ

ОТКРОВЕНИЯ КОТА БЕНЕДИКТА

(РОМАН)

(Окончание. Начало в № 1–2, 2017.)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НЕОЖИДАННАЯ ОКАЗИЯ

В сентябре я тайно покинул Копыловых и упорно, с передышками на сон и отдых, двигался туда, где багровое зарево закатов указывало на нечистую промышленную жизнь большого города. В пасмурную погоду для ночлега приходилось искать укрытие от дождя, а в ясную, когда земля под безоблачным небом порой выстывала до изморози — надлежало искать теплое убежище, которое чаще всего попадалось возле человеческого жилья.

Октябрь застал меня на невысокой придорожной гряде, в корявом, приморенном автомобильным выхлопом, ельнике. Сверху открывался вид на бурую от осенних трав речную пойму, где среди текучих прядей утреннего тумана загадочно проявлялась, изредка подавая осторожные голоса, наземная стая перелетных журавлей.

Миражное присутствие этих вечных странников укрепило мой дух; я как никогда почувствовал свою обнадеживающую причастность к общему движению жизни. Однако внезапно накативший приступ голода вынудил оставить мысли о вечном и решать практическую задачу насыщения.

Среди многочисленных способов добывания пищи бродягой-котом был один, пожалуй, самый унизительный, но достаточно успешный: попрошайничество.

Спустившись в рассеченную асфальтированным шоссе сирую деревушку с чахлыми палисадниками и щербатой городьбой вылинявших штакетников, я занял позицию на крыльце местного магазина.

Я в совершенстве владел приемами вымогательства, в котором жалостливый голос и понурый вид следовало сочетать с настойчивостью. Но должен заметить, сельские жители беднее горожан, а потому скуповаты; во-вторых, кошка для них вовсе не украшение быта, а работник, который приносит пользу в хозяйстве и кормится самостоятельно; наконец, нынешнее неустойчивое положение России снизило покупательные возможности населения. Словом, несмотря на артистические усилия, мне не удалось получить и крошки хлеба, а один мужик даже пнул меня сапогом.

Я собрался было обойти ближайшие помойки, но тут меня опасно насторожил накативший со стороны шоссе мощный приближающийся гул. Вспугнутые им, в небо с тревожными криками тяжеловато поднялись, покидая место отдыха, журавли, а потом к деревне подкатили и остановились танки длинной, пахнущей удушливым выхлопом, колонны…

Невысокий розовощекий парень в защитном комбинезоне резво вскочил на мое крыльцо, тряхнув светлым чубчиком из-под шлема, а после спешно вернулся из магазина — с двумя бутылками в оттопыренных карманах и толстым

куском вареной колбасы в руках. От ее влажного аромата у меня потекли слюнки; с просительным мяуканьем я устремился за солдатиком.

— Успел первым, товарищ командир! Одна нога здесь, другая там! — весело доложил он, подбегая к боевой машине, где, перекуривая, его поджидали двое сослуживцев.

— Молодец, Поликарпов, оперативно выполнил задачу! — принимая водку, одобрил один из них, усатый сержант. — Одну раскидаем на троих, другую оставим до Москвы.

— Налетай, подешевело, расхватали, не берут! — подключился третий танкист, которого товарищи называли Севой, и принялся проворно нарезать колбасу на танковой броне, ликуя тонким девичьим лицом.

Запах ее сделался таким густым и влекущим, что я окончательно потерял голову и встал передними лапами на гусеницы, требуя подаяние.

— Какой нахальный, — заметил сержант, разливая водку в пластиковые стаканчики.

— Бездомный, видать, — предположил Поликарпов. — Без хвоста и пряжка ошейника ржавая.

— Бездомных жалко, — проговорил командир и бросил мне толстый кусок колбасы. — Я сам детдомовский.

— А мой отец пил шибко, — припомнил Поликарпов. — Как нажрется, сразу за ремень. Мы с мамкой на чердак и лестницу за собой убираем.

— А мы держали в доме кошку Лолу, — мечтательно припомнил Сева и взял меня на руки. — Любила ходить по клавишам пианино.

Допив бутылку, танкисты дали мне кличку Барсик, скормили остатки закуски и посадили на теплую танковую броню.

Пока воины бездельно перекуривали в ожидании приказа продолжить движение, несколько раз оживала тревожным жужжанием радиостанция боевой машины. Сержант после переговоров тугодумно смолил очередную сигарету и сетовал, что штабные, похоже, потеряли управление войсками и сами не знают, куда их направить и в кого стрелять.

Подвыпивший русский человек становится сентиментален, и в нем обостряется краткая любовь к «братьям меньшим». К тому моменту, когда мимо нас с грохотом промчался командирский танк, увлекая за собой колонну, экипаж так привязался ко мне, что взял в тесное чрево боевой машины.

— С ним веселее! — гоготнул сержант.

Я не сопротивлялся. Во-первых, танки двигались на Москву, что вполне совпадало с моими планами. А во-вторых, я ничем не рисковал: хвост был безвозвратно утрачен, а на мое мужское достоинство военные не посягали.

У БЕЛОГО ДОМА

Заняв позицию на городском мосту, переброшенном через темную маслянистую Москву-реку, танкисты развернули смертоносное жерло пушки в сторону уступчатого белого здания Дома Советов, отблескивающего сотами окон.

Меня выпустили на волю до первого выстрела, который огненным смерчем выметнулся в небо. Оглушенный его тугой волной, я в слепой оторопи, словно подброшенный, совершил нелепый заячий прыжок и, панически прижав уши, кинулся прочь. Казалось, я бежал бесконечно долго. В стремительном мелькании мимо проносились столбы электрических фонарей, фигуры прохожих, замершие бурые глыбы армейских грузовиков…

Я миновал толпу зевак, которые наблюдали за происходящим, легкомысленно презирая опасность, точно находились перед домашним телевизором.

Когда же мне преградила путь щетинистая баррикада под красным знаменем, составленная из случайного дворового хлама, моих сил хватило лишь на то, чтобы забраться в помятый корпус от старого холодильника и там затаиться.

Слух возвращался ко мне постепенно, и вскоре я понял, что окрестности наполнены частным стрекотом и тяжелым уханьем стрельбы, ревом моторов, воем сирен, и сквозь эту сумятицу опасных звуков прорываются близкие человеческие голоса.

— По своим — из танков! Вот сволочи!

— На верхних этажах начался пожар!

— Осторожно, товарищи! Не вставайте в полный рост! На крышах снайперы!

— Это предатель Грачёв сколотил бригаду карателей!

— Нарушил присягу и продался Ельцину!

— Надо было арестовать «беспалого» еще в августе девяносто первого!

— Поставить в стенке, и пулю в лоб!

— Вся надежда на Макашова! Возьмет Останкино и обратится к нации!

Когда это рваное многоголосье пронзили жалобные стоны первых раненых, я трусливо покинул свое ненадежное прибежище.

Площадь перед Белым Домом кипела беспорядочной суетой спрыгивающих с грузовиков военных; волоча за собой черный след, по асфальту трудно полз раненый солдатик, потерявший каску. К нему, пригнувшись, поспешали двое с носилками. Поодаль, тревожно помигивая маячком, белела машина скорой помощи с призывно распахнутыми дверями.

А в мутном от разрывов снарядов воздухе, заряженном человеческим страхом и болью, сквозь смрадную копоть пожарища уже явственно ощущался теплый сладковатый запах пролитой крови.

Это напомнило мне о падении Трои, свидетелем которого довелось быть. Тогда в изготовленном по совету Одиссея мастером Эпеем деревянном коне ахейцы проникли в город и сожгли его, беспощадно истребив воинов, а женщин обратили в наложниц…

Несколько позже, спрятавшись, наконец, в подвале жилого дома от очередного проявления людского насилия, я медленно приходил в себя, с горечью убеждаясь, что земное человечество обречено, ибо лишено исторической памяти и коллективного разума.

КОРМИЛИЦА

Не знаю, сколько времени находился я в состоянии тревожной полудремы, постепенно обретая силы для дальнейшего существования в этом жестоком и бессмысленном мире. Когда же полностью выпростался из телесной слабости и бредовых видений прошлого — обнаружил, что в сумрачном, пропахшем подвальной сыростью и едкими чужими метками помещении, я не один.

Несколько моих сородичей недвижно круглились по углам и на трубах отопления. Судя по всему, они тоже перенесли потрясение вооруженных событий и были еще не способны к общению.

В узких окошках с выбитыми стеклами, чуть приподнятых над землей, багровый вечерний закат плавился в настороженной тишине военного замирения.

Неожиданно там прошуршала под легкими шагами палая листва, промелькнул расплывчатый женский лик, и мирный голос позвал:

— Кис, кис, кис… Белочка, Рыжик, Машуля…

Мои соседи мгновенно откликнулись на этот зов и поочередно стали выпрыгивать на волю.

Когда снаружи потянуло теплым запахом мясной похлебки, я последовал за ними.

Нашей кормилицей оказалась блеклая худенькая женщина в сером плаще и косынке, из-под которой слегка волнились слабые русые волосы. Ласково приговаривая, она наполняла из термоса пустые консервные банки, расставленные неподалеку от водосточной трубы. Похоже, она хорошо знала всех своих подопечных, а потому сразу обратила внимание на новичка.

— А кто это у нас такой красавец? — поинтересовалась она, оделяя меня кормом. — И от кого сбежал?

Я употребил все свои уловки, чтобы понравиться женщине: распушил шерсть, приветливо замурлыкал и даже слегка потерся о ее ноги.

Кажется, это произвело впечатление.

— А как ты относишься к перспективе пожить у Ани? — неожиданно спросила она, когда я с голодной поспешностью проглотил еду.

Мне оставалось лишь встретиться с покровительницей взглядом, выражая молчаливую преданность и даже обожание.

— Учитывая повальное увлечение мистикой, идея может оказаться вполне плодотворной, — вслух размышляла она, неся меня на руках мимо сквера с памятником пионерскому герою-предателю Павлику Морозову.

Судя по всему, незнакомка происходила из научных кругов, и я доверился ей, поскольку после всего пережитого нуждался в передышке от скитаний, к тому же этот тип «женщин-кормилиц» был мне хорошо знаком. Их доброе отношение к животным чаще всего было следствием неудач и разочарований в личной жизни и нередко перерастало в фанатизм *зооматеринства*, когда в сожителях у них оказывалось непотребное количество кошек и собак, — с вытекающими последствиями антисанитарии.

Именно этого опасался я больше всего, когда мы поднимались в лифте стандартной кирпичной «башни».

Однако квартирка, состоящая из двух смежных комнат, оказалась чисто прибранной и вкусно пахла молотым кофе. А первое, что сделала Анна, прежде чем запустить уличного бродягу в свои владения — тщательно выкупала меня в ванной с пенным шампунем.

ТАЙНА «МАДАМ ЭЛЬЗЫ»

Всю последующую неделю я отсыпался, вкусно ел и смотрел телевизор. Из новостей стало известно, что противники Ельцина пленены, доставлены в Лефортово, где и дожидаются решения своей судьбы преступников. С балкона, куда моя новая сожительница отпускала меня погулять, было хорошо видно, как рабочие трудолюбивыми насекомыми висят на стенах Дома Советов, очищая от военной копоти и выбеливая верхние этажи здания. Все это вселяло надежду на дальнейшую мирную жизнь, а значит и на осуществление моей главной цели. Пребывание же у Анны я рассматривал как очередной привал на долгом пути.

Из ее случайных телефонных разговоров и кухонных посиделок с подругами я выяснил, что фамилия хозяйки квартиры Виноградова. Многие годы она работала научным сотрудником в отделе прогнозов Гидрометцентра, но было уволена после того, как демократы «убили бюджетную науку» — многие метеостанции были закрыты, а научные корабли отозваны с океанов и проданы за бесценок. Открылась и личная драма женщины: муж Фёдор ушел к молодой аспирантке, а сын занялся компьютерным бизнесом в Венгрии, где женился на вертихвостке из кабаре Жуже…

Между тем, Виноградова не была сломлена ударами судьбы, а совсем напротив — жила какой-то потайной, деятельной, непонятной для меня жизнью.

Каждый день у входной двери раздавалась переливчатая мелодия электрического звонка, и очередная посетительница, переступающая порог, начинала с фразы:

— Я к мадам Эльзе. По объявлению.

Гостью встречала опрятная приветливая старушка Кланя с окающим говорком (как позже выяснилось, дальняя родственница Анны из Перми), вручала тонкие бахилы, после чего сопровождала в мягкое кресло гостиной перед журнальным столиком, предупредив:

— Мадам Эльза медитирует. Вам придется обождать.

Моя спальная плетеная корзинка располагалась в углу возле секретера с парадной невостребованной посудой, и оттуда я видел, как нервничают посетительницы в ожидании приема, рассеянно листая глянцевые журналы и нетерпеливо шурша бахилами.

Наконец, над журнальным столиком вспыхивала синяя лампочка, и Кланя доверительным полушепотом объявляла:

— Подымайтесь. Мадам Эльза вошла в транс и учуяла ваши вибрации.

Она сопровождала гостью в смежную комнату, на дверь которой был прилеплен кроткий лик Богородицы с младенцем, и вскоре оттуда начинал струиться горьковатый кофейный аромат. Старушка же отправлялась на кухню вязать носки и рукавицы на продажу.

Возвращались женщины в гостиную с красными от волнения лицами, иногда в слезах, и загадка происходящего за спиной Богородицы открылась мне лишь через несколько дней, после того, как сидя у вечернего телевизора, Анна взяла меня на руки и ласково проговорила:

— Ну, Милорд, хватит бездельничать и жиреть. Пора отрабатывать полученные блага.

ЧЕРНЫЙ МИЛОРД

Моя служба у Виноградовой в качестве «кота Милорда» началась с того, что я был безжалостно перекрашен в черный цвет. Эту унизительную процедуру пришлось перенести безропотно (как плату за расчетливую человеческую доброту), после чего я был посвящен, наконец, в тайну кофейной комнаты.

В центре ее помещался антикварный стол на львиных резных лапах, над которым висел шелковый абажур, вышитый золотистыми драконами. Его густой багровый свет падал на расставленные по столешнице мистические атрибуты — хрустальный шар, человеческий череп, чешуйчатую медную змею и прочее — и глох на стене с фотообоями в виде ночного неба. Толстые церковные свечи желтели по углам, а на полках стеллажа загадочно отсвечивали бронзовые буддийские фигурки, православные иконы и католическое распятие. Все это было явной эклектикой, но в сочетании с освещением и густым запахом кофе действовало завораживающе.

Моя роль в предстоящих сеансах, как усвоил я из предварительных тренировок, была элементарной: следовало лежать на столе по правую руку от Виноградовой, сохранять важное достоинство и не бояться кинжала.

— Мой дар — от средневековой пророчицы Эльзы, но из поколения в поколение передается по мужской линии, — представлялась очередной посетительнице облаченная в черную мантию и смоляной парик Анна и запаливала свечи со словами: «для начала сожжем темную энергию». — В пятнадцатом веке инквизиторы отправили ее на костер в Равенсбурге вместе с черным котом Милордом…

Слушая, та уважительно глупела лицом, а после излагала свои проблемы (чаще всего это были отношения с мужчинами, неурядицы с детьми либо неприятности по службе).

В это время тихая Кланя включала стоящую в углу на тумбочке кофейную машину, которая, сердито шипя и отплевываясь, выдавала порцию горького напитка.

Когда дымящаяся фарфоровая чашка оказывалась на столе, Виноградова брала в руку антикварный нож для разрезания бумаг и проводила по моей спине со словами:

— Я, мадам Эльза, потомственная провидица, заряжаю этот кинжал от священной ауры кота-индиго Милорда и вступаю в границу Круга Камней. Ничто, кроме любви, не пересечет ее снаружи, ничто, кроме любви, не возникнет внутри нее. Да укрепит мои слова ваша власть, о древние!

После этого Анна зажигала исходящие пряным ароматом курения и касалась острием «кинжала» кофейного блюдца:

Я очищаю и освящаю этот напиток,
Чтобы сосуд с ним мог быть внесен
В священный Круг Камней.
Во имя Матери-Богини и Бога-отца
Я очищаю этот напиток,
Чтобы планеты, светила и созвездия
Благословили мое прозрение.

Далее следовал один и тот же ритуал: выпив кофе, посетительнице надлежало левой рукой опрокинуть чашку в блюдце. По рисунку кофейной гущи «мадам Эльза» давала прогноз на дальнейшую жизнь женщины, а Кланя убирала пустую посуду и прятала в карман байкового халата конверт с оплатой услуги.

Похоже, мое участие в мистических сеансах придало им популярность: поток посетительниц, желающих приобщиться к энергетике кота-индиго уплотнился настолько, что «мадам Эльза» стала принимать заказы по телефону и назначать время приема.

ГОСПОЖА ПОЛУБАТОНОВА

Эта полная крашеная блондинка, вступившая в ту пору зрелости, когда самоуверенность житейского опыта преобладает над возможностями ума, посетила нас уже третий раз за неделю. Казалось, своим напористым многословием, удушающими запахами косметики и избытком фигуры с проступающей сквозь платье тугой нательной амуницией, она заполняла всю комнату, и мне стоило немалого труда терпеть ее громкий, бьющий по ушам, голос.

Раиса Прохоровна была женой «пивного короля» Никиты Полубатонова, который занимал третью строчку среди московских богатеев и в рекламных телевизионных роликах представал в обществе двух полуголых девиц — негритянки и азиатки, олицетворяющих производимое им черное и светлое пиво.

Напряженно примолкла посетительница лишь после того, как отпив кофе и оставив на ободке чашки жирный след губной помады, перевернула ее кверху донцем пухлой рукой в перстнях и, подавшись вперед, стала ждать приговора «мадам Эльзы».

— Все облака, облака... — качала головой прорицательница, изучая фигуру из кофейной гущи. — А это означает сомнения, нерешенные проблемы... И если учесть, что символ расположен близко к ручке, эти проблемы относятся к событиям в вашем доме...

— Еще бы! — подхватила Раиса. — У нас два дома; двухъярусная на Преображенке и вилла на Рублевке, и все на мне! Анжелка в Лондоне учится на менеджера, приезжает только на каникулы, а Никиту, бывает, целыми днями не вижу. То совет директоров, то гольф, то корпоратив, то еще черт знает что... А в доме кто главный? Прислуга! Наймешь, кого ни попадя — обманут, обворуют, да еще и оболгут... Мне советуют филиппинок. Они старательные, едят мало, к тому же по-русски не бум-бум, не станут распускать про хозяев слухи...

У вас там… среди облаков… ничего про филиппинок? — осторожно поинтересовалась Полубатонова.

— А вы знаете… — проговорила Эльза, всматриваясь в изображение. — Сейчас, когда символ устоялся… Над облаками отчетливо вижу пчелу. А это означает успех, хорошая новость… Значит, ваше решение будет удачным…

— Вот видите! — возбудилась Раиса. — Теперь не сомневаюсь! Вы и в прошлый раз дали дельный совет! Выпала развилка, и вы прямо сказали: «Настало время принимать решение»! Дескать, или этот кобель будет и дальше таскаться к молоденькой вихлястой сучке, которой купил квартиру, или струсит и попросит прощения! Так он таки струсил! Испугался, что отсужу половину! А теперь у нас, как вы давеча нагадали, — пятиугольник, полное равновесие в отношениях… И все благодаря вам с Милордом… Я ведь что подумала… — понизила она голос. — У нашей Туськи течка, третий день орет, как резаная, спать не дает, требует мальчика… Может, уступите вашего котика на трое суток? Хочу завести в доме индигов… У них такая полезная аура… Позавчера разрешили погладить Милорда — сразу голова прошла.

— Вы забываете, Раиса Прохоровна, что Милорд на работе, — напомнила Эльза. — С десяти утра до восьми вечера.

— Так я же не бесплатно! — спохватилась Полубатонова. — Напрокат возьму! Как говорит мой Ника, «было бы здоровье, остальное купим». Сколько стоит его рабочий день?

Прорицательница, немного подумав, назвала сумму.

— Ну, это не деньги, — легко согласилась Полубатонова. — А как повяжем, Амирхан привезет Милорда обратно.

— Сейчас соберу его лоточек и две мисочки, — оживилась Виноградова. — Чтобы чувствовал себя комфортно.

Эта сделка больно уязвила меня: я уже начал привыкать к новому жилью и своим сожительницам, и вот меня продавали, словно раба на невольничьем рынке в древнем Вавилоне либо современного футболиста элитного клуба.

А главное — как стремительно перерождался русский человек в условиях «рыночной экономики», о которой твердили по телевизору солидные обозреватели! Ведь совсем недавно, судя по настенным фотографиям и кухонным разговорам обитательниц квартиры за чаем, Анна Виноградова была рядовым специалистом отдела прогнозов в сатиновых нарукавниках, хранила преданность профессии за скромный оклад, а в коммунистическую идею верила вообще бесплатно!

ИЗГНАНИЕ

«Невестой», как ее называла Полубатонова, оказалась голенастая сиамская кошка с круглыми голубыми глазами, замутненными неудовлетворенной страстью. Она подавала откровенные сигналы к спариванию, издавая гортанные звуки открытым, а затем медленно закрывающимся ртом, в которых смешивались плотское возбуждение, жалоба и даже что-то похожее на растерянность.

Забившись в угол с моим появлением, она выглядела почти угрожающе и едва ли в таком состоянии могла оценить достоинства моего экстерьера, а тем более интеллекта.

Что же касается меня, мне никогда не нравились сиамки — с их худобой, черными пятнами на щеках и огромными, как у летучих мышей, ушами. К тому же у них был недоверчивый, капризный и даже злобный нрав.

Впрочем, вся эта эстетика — ничто иное, как результат планомерного *очеловечивания*, которому мы подвергаемся на протяжении веков. К счастью, это не до конца разрушило нашу изначальную природу, и уловив ноздрями зна-

комый, вековечный запах самки, я вскоре ощутил способность завладеть ею, заодно отработав для Виноградовой назначенную сумму.

Я не успел толком освоиться в незнакомом жилище, поразившем избыточной, аляповатой роскошью хрустальных светильников, статуэток и ковров, как явилась молоденькая ветеринар и успокоила взволнованную предстоящим действом хозяйку:

— Вы поступаете, госпожа Полубатонова, совершенно правильно: третья течка — лучшее время для спаривания. Сначала сделаем «молодоженам» прививки от инфекционных заболеваний, а после подстрижем коготки на передних лапах, чтобы не причинили друг другу вреда.

У девушки были ласковые, уверенные руки профессионалки, и даже истеричная Туська в конце концов подчинилась им.

— Вы так ловко, милочка, с ними управляетесь, — расплылась в льстивой улыбке Полубатонова. — Попрошу еще об одной услуге: искупайте нашего «жениха». Взяла его из чужого дома, мало ли что... Я все оплачу.

Я не любил подобные процедуры, но деваться было некуда.

Когда трясущийся мелкой дрожью от испытания водой, взъерошенный после обтирания махровым полотенцем, я наконец выскочил из ванной — первое, что увидел, были стоячие, расширенные в замешательстве глаза Полубатоновой.

— Милочка... — задохнулась она. — А где же... Милорд?

— Так он и есть, — отозвалась девушка. — Судя по всему...

— Сука Эльза! — взорвалась Полубатонова, не дав ей договорить. — Аферистка! Я тебе покажу индигу! Засужу проходимку! Нашлю братков, мало не покажется!

Почти неосознанно, в слепой оторопи я кинулся прочь; входная дверь с лязгом распахнулась передо мною, и я кубарем скатился по лестнице, получив ускорение под зад домашним тапком.

Ночь провел я на теплой батарее парового отопления между вторым и третьим этажами, вылизываясь и приводя в порядок шерстку, которая после купания приобрела первоначальный голубовато-серый окрас. Привычный к невзгодам самостоятельной жизни, я давно уже научился искать позитив в самых безнадежных, казалось бы, ситуациях. Вот и сейчас — при нынешних не лучших обстоятельствах — было чему и порадоваться: из крутых житейских передряг бродяжничества (да славится наша великая богиня Баст!) я, во-первых, выбрался живым, а во-вторых, вновь обрел свободу — самое дорогое, что может быть в земной жизни.

Наутро, выбравшись из подъезда с первыми жильцами, поспешающими на работу, я и вовсе возликовал, учуяв давно знакомые запахи маринованного чеснока и квашеной капусты: на другой стороне улицы голубели торговые ряды Преображенского рынка, куда мы частенько ездили с Козловыми за дешевыми овощами и рыбой.

ВСЕ БЛИЖЕ К ДОМУ

Мне знакомы головокружительные глубины пепельно-серебристого астрального мира, полного потайных, вкрадчивых сигналов переговаривающихся светил и планет; мира, куда в сопровождении богини Баст моя душа всякий раз возносилась перед новым воплощением в телесную оболочку. Я помню ставшее роковым для человека Древо познания, цветущие и плодоносящие кущи Рая с мириадами ярких птиц, ангелов, бесшумно парящих в воздухе, сотканном из благоденствия и любви, любви к ближнему и любви к Богу. И тем не менее, из этих мудро выстроенных вселенских горних высей, где получал

я просветление и очищение, меня всегда неукоснительно тянуло назад, в духовно нечистые земные сферы, с их необъяснимой притягательностью порока.

Быть может, все дело в загадочной непредсказуемости земных законов и событий?

Как часто мои самые сокровенные мечты и благие замыслы соприкасаясь с грубой реальностью людского существования, разбивались вдрызг, подобно волнам в скалистых берегах...

Впервые за время долгого своего пути я двигался в сторону дома Козловых осмысленно и даже вдохновенно: вокруг простирались знакомые городские застройки, которые много раз видел я из окна «москвича»!

Бодрой трусцой миновал я Преображенскую площадь, предпочитая безопасный тротуар с редкими прохожими, где не грозила встреча с дворовыми собаками, промахнул натруженные трамвайные рельсы Халтуринской улицы, вознесенную над железной дорогой эстакаду у стадиона «Локомотив», и, зашмыгнув со студентами в щедро остекленное здание института Физкультуры, обосновался ночевать на толстых матах борцовского зала, пропахшего потом напряженных телесных усилий.

В озабоченной толчее городских пешеходов нас чаще всего не замечают, разве что кто-то случайно пнет тебя торопливым ботинком. Когда же оказываешься с человеком один на один, — порою в нем пробуждаются неожиданные добрые чувства.

Такое произошло с тучной, трудно шагающей вперевалку, пожилой гардеробщицей в урологическом центре, стоящем на моем пути: сердобольная женщина не только отдала мне ливерную колбасу со своего бутерброда и угостила молоком, но позволила переночевать на поднадзорной площади.

После всего, что я претерпел и понял в земной юдоли, порою приходит в голову ответ велеречивым телевизионным вещателям, озабоченным спасением России: ее спасут тихие старушки в синих сатиновых халатах, отдавшие активный труд государству и подрабатывающие уборщицами, лифтершами и гардеробщицами, чтобы выжить.

И еще в одном убедил меня опыт: чтобы жизнь не превратилась серую скуку, в ней должны быть события и праздники.

Событий на мою долю за последнее время выпало с лихвой, а праздником виделась предстоящая встреча с Козловыми.

КОЗЛОВЫ

На Сиреневом бульваре, по которому пролегал мой путь, прибавилось пестрых киосков, возле которых лепились пьяницы, и огромных рекламных щитов с голыми девицами на фоне длинных лимузинов и приморских пальм, а над бывшим кинотеатром весело плясали праздничные огни казино. На краю тротуара щебетала стайка проституток в мини-юбках и сетчатых чулках, азартно зазывая проезжих автомобилистов. Раньше таких девиц я видел лишь в центре города, когда мы развозили по издательствам сочинения Петра Козлова. Выходит, их бизнес расширялся, значит, покупательная способность населения росла и, возможно, Россия начала подниматься с колен. А в знакомом дворе, где мы так часто гуляли с Софьей Яновной, ничего не изменилось. Как и прежде, молодые мамаши катали толстощеких младенцев, в мусорных баках рылся пенсионер с наградными колодками на мятом пиджаке, и все еще краснел напыленный из баллончика детворой ромб команды «Спартак» на двери нашего подъезда.

Когда она, наконец, распахнулась, откуда-то сверху из нее выметнулась рыжая лисица; я чуть не кинулся наутек, но вскоре узнал вышедшую наружу

нашу соседку по этажу Фриду Дорман — в легком облачке нафталина, меховом воротнике и кокетливой шляпке с пером. Когда-то она работала примой в балете цирка, объехала весь мир, но от былого остались лишь старые афиши, прямая осанка да эта приобретенная в Канаде лисица, которую танцовщица надевала задолго до наступления зимы.

Фрида была доверчивым, светлым человеком и почитательницей писателя Козлова, творчество которого уважала за «правду жизни, несмотря ни на что». Меня же она любила и баловала то ли потому, что я умный и красивый, то ли потому что Беня.

Сейчас женщина кинулась ко мне с восторженными охами и ахами, дескать, «мы уже не надеялись» и все таком духе, а закончила радостную тираду признанием, что мой подвиг «достоин книги рекордов Гиннеса», и она обязательно свяжется с бывшим поклонником Николаем Николаевичем Дроздовым, который на телевидении в «Мире животных».

Когда же на третьем этаже после звонка перед нами распахнулась обитая черным дерматином дверь Козловых, Фрида, удерживая меня на руках, неуверенно пролепетала:

— Вот, Беничка вернулся… Мы, наверное, не во время…

В глубине квартиры, сидя на диване гостиной, плачущая Софья Яновна торопливо и беспорядочно бросала свои вещи в распахнутый чемодан.

Вышедший к нам взъерошенный, багровый Пётр Алексеевич, свирепо сипел дымящейся трубкой и нервно сучил ногами в домашних тапочках.

— Спасибо, Фридик,— хрипловато пробасил он.— Вот так сюрприз… Соня! — крикнул он, обернувшись.— Тут тебя спрашивает какой-то Бенедикт!

Неожиданный юмор Козлова во время семейных раздоров всегда действовал на жену благотворно; так рыдания ребенка можно остановить удачной шуткой. Вот и сейчас Софья Яновна просветленно улыбнулась, увидев меня, и кинулась навстречу; а когда подхватила, возбужденно тиская, ее слезы обиды обернулись слезами радости.

— Почему же ты сбежал, проказник? — укоряла она, целуя меня в лоб.— В ту осень мы трижды приезжали за тобой, и не нашли! Господи, два года прошло! Как нашел нас? И где же твой хвостик?

— Кошачья преданность… Кот-путешественник…— раздумчиво проговорил Козлов, словно подбирая название для новой книги.— Гениальный сюжет.

В этот вечер я сполна получил блага оседлой семейной жизни: был выкупан, накормлен любимым минтаем и устроился на ночлег в мягком кресле гостиной.

За ужином Козловы отметили мое «невероятное возвращение» бутылкой шампанского, и праздничное застолье, подогретое алкоголем, перетекло в продолжение дневной ссоры.

— Пойми, Пётр! — долетал с кухни надрывный голос Софьи Яновны.— Это не вина твоя, а беда! Большевики, расправившись с истинной русской интеллигенцией, сознательно и планомерно выращивали из вас, крестьянских и рабочих парней, своих идеологических лакеев, «пролетарских художников», творцов соцреализма… Прислуживать власти, чтобы кормиться с ее стола — у вас в крови… Вот пришли демократы, и ты превратил пламенного революционера Криницкого в душегуба, ответственного за красный террор в Туле… И опять сидишь в президиумах и ресторане Дома писателей… А каково мне было печатать все это? Я могла простить тебе бытовую неряшливость, неумеренное пьянство, даже следы помады на рубашке и чужие женские волосы на пиджаке… Но простить идейного оборотня не могу… Потому что рядом с тобой начинаю терять веру в людей и новую власть…

Ответное глухое бухтение писателя звучало неуверенно, а попытка примирения в постели и вовсе кончилась тем, что Софья Яновна закрылась в своей комнате на ключ.

Дальнейшие события убедили меня в том, что кот, конечно, способен утеплить супружеские отношения, но не может сохранить, когда они распадаются.

ПЬЯНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ

Наутро, после молчаливого семейного завтрака, хмурый Козлов помог жене вынести из квартиры громоздкий чемодан и увез ее на «москвиче» в неизвестном направлении.

Домой писатель вернулся лишь под вечер и поступил так, как во все века поступали мужчины в его положении — тяжело и мрачно напился.

— Ты что думаешь, Бенедикт, — разглагольствовал он, наваливаясь на кухонный стол и назидательно тыча в меня нетрезвым пальцем. — Ты действительно думаешь, причина ее ухода в том, что я пересмотрел явление большевизма? Что всем сердцем принял демократическую революцию? А как переходили на сторону новой власти достойнейшие художники в семнадцатом году?! Не знаешь? Впрочем, ты кот, с тебя и не спрашивается… Думаешь, дело в том, что у меня крестьянские корни, а она из мелкопоместной шляхты? Беня, ты не прав! Трижды, четырежды… и… пятирежды… неправ. Не знаю, как там у твоих кошек… Но в природе женщины политические взгляды — далеко не главное… Возьми ту же Александру Коллонтай, о которой я написал книгу. Пламенная революционерка, соратница Ленина, единственная женщина в новом революционном правительстве… И при том — выдвигает для пролетариата теорию, по которой — заняться сексом, это как выпить стакан воды… А отказ женщины в близости — проявление мещанства… Оказывается, вот что занимало ее по-настоящему! Я давно уже понял: женщина всегда чувствует *одним местом*, мыслит одним местом и этим же местом принимает решения… И это, кстати, блистательно подтверждает гениальный (ты его, к сожалению, не знаешь) Отто Вейнингер: «Женщина бесконечно благодарна мужчине за совокупление, и когда в нее втекает мужское семя, то это — кульминационная точка ее существования»… А ты говоришь — «идейный оборотень», «вера в людей»… да чушь все это…

Допив бутылку и даже не убрав остатки пищи со стола, он грузно повалился на свою постель в кабинете, где и продолжил монолог.

— Ты посмотри на современное российское общество… Это же дикие джунгли, где хруст костей… вопли пожираемых и довольное урчание хищников… Олигархи с их криминальными миллиардами, государственные чиновники — казнокрады, «братки» преступных группировок… И вокруг всех этих сомнительных персонажей всегда вьются женщины… Матерые депутатки Госдумы и юные студентки, королевы красоты и дурнушки… Вьются и получают от них всеми способами и во все места вожделенное мужское семя… И плевать им, на какие деньги повезет самец на Мальдивы и с какого пальчика убитой снято подаренное кольцо. Соня ушла из-за нашего изначального несовпадения, когда я пылал от страсти, а она спокойно вешала юбку на спинку кровати… Перестройка… ускорение… блеф… — сменил он тему, все глубже опускаясь в омут опьянения. — «Все для народа, все для блага народа»… ложь… «Народ освобожден, но счастлив ли народ»?!

Речь его становилась горячечной и рваной, в ней смешивались политические лозунги разных времен, нецензурная брань и женские имена. Козлов тяжело, хрипло дышал, проваливаясь в забытье, а потом вдруг вскинулся, направив на меня странно заострившийся взгляд:

— Бенедикт, как нам реорганизовать рабкрин?

Я понял, что дело близко к белой горячке; запрыгнув на писателя, обратился к великой богине Баст и выложил своим телом на его рыхлой груди животворный крест.

ХОЛОСТЯЦКАЯ ЖИЗНЬ

К счастью, Пётр Козлов не был запойным пьяницей. Его плотное общение с Бахусом и последующая похмельная хандра продолжались два дня, а на третий он принял холодный душ, обмотал голову полотенцем и сел за пишущую машинку.

Зима тихо подкрадывалась ночными заморозками, полирующими лужи ненадежным ледком, бесшумным кружением легких снежинок за окном и прибавлением тепла в комнатных отопительных батареях.

День наш начинался с агрессивного шипения яичницы на кухонной сковородке, полдень был отмечен густым паром над клокочущей кастрюлей с пельменями, а вечер — запахом черного чая с дачной мелиссой.

Погруженный в творчество, Пётр Алексеевич не всегда удосуживался купить кошачьего корма, иногда по нескольку дней не выходя из дома, и мне пришлось привыкать к его непритязательной пище.

Оказалось, выживание в доме без хозяйки требует навыков и напряжения, поскольку неприметный вроде бы труд охранительницы очага совсем не легок и далеко не прост.

Первыми на отсутствие Софьи Яновны откликнулись комнатные цветы — стали вянуть, а после и засыхать. Потом отказалась работать стиральная машина. Козлов, чадя трубкой, вдоль и поперек перечитывал инструкцию, чертыхался и даже бил по бытовому прибору кулаком, но ничего не помогало. Лишь приглашенная для консультации Фрида Дорман, пробежав подагрическими пальчиками по кнопкам панели, легко оживила заупрямившийся агрегат. Она же научила писателя варить гречневую кашу и кисель из дачных ягод и фруктов, в изобилии заготовленных Соней в сушеном, замороженном и консервированном виде.

Выяснилось, что за электричество, отопление, воду и дачный участок надлежит регулярно платить; более того — следить за показаниями счетчиков. Все это приводило Петра Алексеевича в замешательство.

— Для меня проще написать роман, чем заполнить эти чертовы бумажки! — жаловался он, глыбясь над россыпью квитанций.

Чего греха таить, — без Сони мы в бытовом отношении неуклонно и безнадежно опускались. Хотя Козлов время от времени — лениво, почти с отвращением, — и шаркал по коврам щеткой пылесоса, в квартире накапливалось все больше пыли; ванна и раковина утратили прежний фарфоровый блеск, а унитаз и вовсе покрылся желтым налетом…

Чтобы лишний раз не ходить в магазин, Пётр Алексеевич вскрывал заготовленные на даче женой соления и варенья, а на подоконниках держал проросшие луковицы в баночках из-под майонеза.

Не радовала и политическая обстановка в стране.

По вечерам мы смотрели в гостиной телевизор, и писатель, «всем сердцем принявший демократическую революцию», все чаще недовольно сопел трубкой, подавая недоуменные, а порой и саркастические реплики по поводу происходящего на экране.

— Нет, ты только подумай, Бенедикт! — возмущался он. — Один безропотно принял развал Союза и сдал власть, имея под собой армию, репрессивный аппарат госбезопасности, все средства пропаганды… А другой просто пьяница,

посмотри, что вытворяет за границей… Как может управлять великой страной больной человек? Ведь опьянение — это измененное состояние сознания… Гласность — единственное, за что я благодарен этим двум политическим гномам. Полная свобода творчества, никакой политической цензуры. «Знай, работай, да не трусь»! Мы еще скажем свое слово, Бенедикт!

КРИЗИС ЖАНРА

— Да, Бенедикт… — говорил Пётр Алексеевич, в хмельной кручине горбясь за кухонным столом над бутылкой «Косорыловки писательской». — Прав был поэт: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется»…

Из Дома литераторов вернулся он в мрачном подпитии и в сердцах бросил на пол прихожей нераспечатанную пачку своих книг о Криницком, чуть припорошенную искристым декабрьским снежком.

— А как оно может отозваться, — мрачно продолжал он, опрокидывая очередную рюмку, — когда читательская культура упала ниже плинтуса? Когда замордованный реформами и нуждой народ не способен потреблять «разумное, доброе, вечное» и спасается духовными наркотиками в виде дамских детективов и любовных романов?

Пётр Алексеевич нервно раскурил погасшую трубку, я же в знак солидарности переместился с кушетки на колени писателя.

— Знаю, Бенедикт, ты мудрый, даже таинственный кот, хотя и шельма, можешь прикинуться простаком, когда это выгодно… И ты должен понимать: чтобы читать Козлова, нужно иметь хотя бы поверхностное представление о новейшей истории России… Чтобы читать Дарью Перуанскую — достаточно знать буквы алфавита… После книги Козлова у читателя могут возникнуть неудобные мысли о нашем прошлом, настоящем и будущем. После очередного детектива Дарьи приходит лишь одна мысль, где найти ближайшую урну для мусора…

За вечер он опростал бутылку и лег спать в состоянии раздраженной и мутной неудовлетворенности.

Перед тем, как уснуть, Пётр Алексеевич метался в душной постели и бормотал невнятицу, из которой я смог заключить, что нынешняя кручина сожителя связана с тем, что в писательской книжной лавке на Кузнецком мосту за месяц не продано ни одного тома «Криницкого»…

Опасаясь его сердечного приступа во сне, я осторожно устроился на груди страдальца.

— Но если тебя не читают и не платят, — пробормотал он, засыпая. — Не послать ли на хрен все это творчество…

Ночью эта фраза не выходила из головы, и древняя память, пролистнув пестрые страницы прежних жизней, вернула меня во времена Ренессанса, когда я лежал у теплого потрескивающего камина на коленях у герцога Франсуа, а сеттер Цезарь мирно дремал на полу, положив голову на передние лапы… На обтянутом зеленым сукном ломберном столике чуть подрагивали огоньки свечей в бронзовом канделябре и отражались в хрустальном бокале с алым бургундским. Герцог, удовлетворенно поигрывая голосом, перечитывал свои «Максимы», еще пахнущие типографской краской, и, как обычно во время мыслительного процесса, непроизвольно накручивал на палец прядь черных вьющихся волос.

Это были редкие часы покоя и благоденствия, согласия с миром, где, казалось, правит одно добро. Мы так устроены, что осознаем благо, когда оно уже осталось в прошлом. Впрочем, и в той моей жизни не все было безоблачно. Меня не любила служанка Жозефина, поскольку при мне стеснялась забавляться с Франсуа в постели. Иногда мы не могли поделить с Цезарем ку-

сок мяса на косточке. Я завидовал его звучному имени и поначалу обижался на герцога за то что, увлекаясь немецкими сатирическими рассказами, назвал меня Шванк. Хотя со временем привык к этой кличке и даже находил ее в чем-то соответствующей моему критическому характеру.

Герцог был меланхоличен, замкнут, а порою даже угрюм, но при этом признавался: «Беседа с достойными людьми — одно из величайших моих удовольствий». Когда же рядом не было таких собеседников — творец охотно озвучивал свои соображения нам с Цезарем.

— А ведь достойная мысль, мои четвероногие друзья, — обращался он к нам, шелестя страницами книги: «Когда великие люди наконец сгибаются под тяжестью длительных невзгод, они этим показывают, что прежде их поддерживала не столько сила духа, сколько сила честолюбия».

Это ночное воспоминание сорвало с меня остатки дремы: а не Петра ли Алексеевича Козлова имел в виду великий французский интеллектуал?!

КАЛАЧЁВ И КУБАНСКИЙ

Публицисты в этот раз явились со спиртом «ройял» и бычками в томатном соусе, но без хризантем для Софьи Яновны, из чего я сделал вывод, что нынешнее семейное положение Петра Алексеевича им хорошо известно. Помнил Семён Кубанский и о моем давнем дерзком поступке, а потому, разуваясь в прихожей, подковырнул:

— Надеюсь, Бенедикт, мать твою, сегодня не осквернишь мои ботинки.

— Был наказан и осознал, — шутливо отозвался Козлов.

На кухне спирт был разбавлен водопроводной водой и перелит в бутылку «Косорыловки писательской».

— Наконец-то вспомню, что я писатель, — иронично покривился Иннокентий Калачёв. — Год не брался за перо в этом реформаторском бардаке.

В квартиру писатели привнесли вместе с морозным угаром городской улицы сумрачный, линялый запах житейской безнадеги.

Залоснившаяся замшевая куртка теперь стала Калачёву слишком свободной, некогда полные веселые щечки опали, и общую повадку его я бы определил как «смех сквозь слезы» состарившегося подростка.

Явно не преуспевающим выглядел и Семён Кубанский: в густой проволочной бороде прибавилось седины, вытянутый свитер домашней вязки был заштопан на локтях, а привычка сдабривать речь матерной бранью выявлялась даже в трезвом виде.

— У нас с Бенедиктом без изысков, по-холостяцки — предупредил Козлов, выставляя дымящиеся пельмени к дачным соленьям.

— Баба, она любую компанию деформирует, — добродушно заметил Кубанский. — Начинаем перед ней выеживаться и теряем всякую искренность.

— Не знаю ничего лучше мужских посиделок! — подхватил Иннокентий.

Лежа на кухонной кушетке, я вполне разделял их взгляды, но даже в эти минуты скучал по Соне и сопутствующему ей бытовому комфорту.

После того, как было выпито «за встречу», «за страдалицу Россию», а нынешние коммунисты и демократы уравнены тостом «чума на оба ваши дома», Кубанский с мрачным достоинством произнес:

— За Карла Маркса!

Пётр Алексеевич напряженно засопел трубкой, а Калачёв изобразил на поношенном личике некое смущение.

— Сегодняшние события наглядно подтверждают его гениальную формулировку: экономика базис, а политика надстройка, — пояснил Семён.

— Это верно! — поддержал Калачёв. — Политика, братцы, для нас с вами кончилась. Началась экономика. Мне, к примеру, нечем кормить семью. Издательства рухнули, наш прежде богатый профсоюз Литфонд на ладан дышит. Оплаченные творческие командировки накрылись. Надо как-то выживать.

— А главное — не успели оглянуться, как нашу общую писательскую собственность — поликлинику, дома творчества и даже ресторан — «прихватизировали» недавние наши гребаные единомышленники! — гневно пробасил Кубанский. — А мы с Кешей остались не при делах. Потому что верили в коммунистическую идею искренне!

— Коммунист ты или демократ, а кушать всем хочется, — заметил Калачёв с вымученной улыбкой.

— В общем, Пётр Алексеевич, у нас к тебе деловое предложение. — Семён извлек из портфеля потрепанную папку и зачитал: «Торгово-производственный кооператив "Треска" ведет свою деятельность на основании указа президента Российской Федерации от двадцать девятого января девяносто второго года "О свободе торговли". На основании этого судьбоносного для россиян документа предприятиям и гражданам предоставлено право вести торговую, посредническую и закупочную деятельность».

— Сечешь, Алексеич? — поднял глаза от текста Кубанский.

Козлов растерянно засопел трубкой:

— Признаться… как нынче говорят… что-то «не въезжаю»…

— Можно неплохо заработать! — возбужденно зачастил Калачёв, округлив взгляд. — Треска, пикша, минтай — в наше голодное время самый ходовой товар! Берем ссуду, арендуем рефрижератор, пригоняем на Москву-товарную, а дальше — наши постоянные клиенты… самовывозом… по торговым точкам столицы!

— У Кеши в Мурманске свояк в рыбном порту, — пояснил Семён. Мы с ним уже перетерли тему. Будет получать свою долю прибыли. А тебя сделаем председателем кооператива. Твое участие особенно важно сейчас, на этапе прохождения инстанций. У тебя имя, можешь поднять старые связи…

— Тем более, что на местах еще остались чиновники коммунистического разлива, — подхватил Инокентий. — А рулит кооперативным движением Юрий Лужков, он неплохой мужик и любит историческую прозу.

— Как-то все это неожиданно, братцы… — усомнился Козлов. И потом — что за название — «Треска»… А ведь как корабль назовешь, так он и поплывет…

— Есть соображения? — навострился Кубанский.

— Хотя бы «Трика»… Что означает Калачев, Кубанский, Козлов.

— Гениально! — одобрили коллеги. — На том и порешим.

— За удачное плавание корабля «Трика» по волнам, мать ее, российской экономики! — провозгласил заключительный тост Кубанский, передавая папку Петру Алексеевичу. Изучи внимательно Устав, а мы с Кешей на днях махнем в Мурманск.

В прихожей, попрощавшись с хозяином и уже взявшись за дверную ручку, Семён неожиданно обернулся:

— Да, чуть не забыл. Вчера видел, как твои книги вывозили со склада на свалку. Ну, не бля.ство ли? Варварские времена!

НИКОЛАЙ НИКОДИМОВИЧ

— На нашу передачу о кошках сегодня мы пригласили Бенедикта, уникального представителя этого семейства. Вы, дорогие телезрители, можете хорошо рассмотреть его мощное телосложение, которое позволило за два года преодолеть расстояние около пятисот километров и вернуться к хозяевам в московскую квартиру на Сиреневом бульваре.

Дроздов поставил меня перед собой на стол, под избыточное сухое тепло осветительной аппаратуры, и его большая добрая рука легонько прошлась по моей шерстке.

Фрида Дорман все-таки выполнила свое обещание: позвонила бывшему поклоннику, и вот мы оказались в его уютной, жаркой студии.

— Так оно и было, Николай Никодимович, — подтвердил сидящий в гостевом кресле напротив ведущего Козлов. — По моим прикидкам, Беня прошел даже больше. К несчастью, он увлекся охотой и заплутал в дачном лесу, а мы в связи с событиями у Белого Дома срочно сорвались в Москву, чтобы быть со своим народом в лихую годину. Так мы его потеряли.

Нет, эти писатели просто неисправимы! Рождать фантазию и дурить простаков — неистребимое свойство их натуры. Вот и сейчас — Пётр Алексеевич нес про меня всякую околесицу, солидно сопя незажженной трубкой, а Николай Никодимович внимал ему с доверчивой уважительностью.

— Случай с Бенедиктом уникален, но не единичен, — продолжал между тем Дроздов. — Классический пример преданности — кошка Лиза из Норвегии. Хозяйка вместе с ней отправилась из провинции в Осло навестить семью жениха, где и оставила свою питомицу. Через несколько месяцев — отощавшая, голодная Лиза появилась перед дверью своего бывшего жилища, пройдя путь от Северного Фьорда до Осло, а это около шестисот километров.

— И никто не знает, как они ориентируются в пути, — заметил Козлов.

— Возможно, это навигация по магнитным полям, — предположил Дроздов. — Подобно перелетным птицам.

Мне оставалось лишь посочувствовать этим умным людям: даже им неведомы были тайны астрального мира, которые постигаются через чарующую тайну смерти и очередного возрождения.

— Кошки — загадочные существа, дорогие телезрители, — продолжал между тем Николай Никодимович, словно угадав мои мысли. — По некоторым свидетельствам, они обладают телепатическими способностями, а также вхожи в параллельный мир.

— Джордж Оруэлл отмечал способность кошек исчезать бесследно, — подтвердил Козлов. — Особенно, когда приближаются нежелательные для них события. То же происходит и с нашим Бенедиктом. Надо ехать за город — а его и след простыл. Не любит автомобильную езду!

— Эти удивительные создания, — журчал Николай Никодимович, ласково теребя меня, — способны вывести человека из депрессии. У вас хандра после дня неудач? Рука тянется к рюмке? Лучше погладьте кота. Как установили нейрофизиологи, мурлыканье кошек активизирует в мозге человека те же центры удовольствия, что вкусная пища и алкоголь. Хозяева кошек на двадцать процентов реже становятся жертвой инфарктов и инсультов. Эти симпатичные «усатые-полосатые» продлевают жизнь сильному полу. Доказано: большинство мужчин, доживших до восьмидесяти пяти лет, держали в доме кошек.

Гладить кошек полезно гипертоникам и людям, страдающим от перемены погоды, это снижает артериальное давление. Мне кажется, и люди творческих профессий испытывают на себе благотворное влияние этих домашних питомцев. — Перевел Дроздов взгляд на Козлова. — Вы согласны, Пётр Алексеевич?

— Безусловно! — с готовностью поддержал тот. — Все эти два года… в отсутствие Бенедикта… у меня частенько случались творческие неудачи. А теперь он вновь занимает привычное место под настольной лампой на письменном столе, и я работаю с вдохновением!

Ну, это уж был чистейший вымысел: за последнее время письменный стол Петра Алексеевича с каждым днем все больше покрывался пылью. Неудача с «Криницким» и уход Сони выбили Козлова из творческой колеи. Но главное,

мне кажется, эти два события вызвали у писателя жесточайший *мировоззренческий кризис*, самое страшное, что может случиться с творческим человеком.

Пожелав телезрителям «с заботой и вниманием относиться к «братьям меньшим», Николай Никодимович завершил передачу словами:

— У нас в гостях был выдающийся путешественник и преданный друг человека кот Бенедикт. Поблагодарим нашего известного прозаика Петра Алексеевича Козлова за то, что предоставил нам возможность этой встречи и принял в ней участие.

Я распушил шерсть и согласно замурлыкал под деликатной рукой Дроздова, сознавая свою значимость в пространстве сущего. Но, очутившись в салоне нашего старенького «москвича», устыдился: ведь мой безупречный образ, разлетевшийся по многочисленным телевизионным экранам, во многом был создан сомнительными творческими фантазиями Петра Алексеевича Козлова…

Но поистине непостижимы законы земной жизни!

Именно эти писательские фантазии впоследствии стали причиной непредсказуемых и даже ошеломляющих событий.

БАЛАШИХА

— Пойми, Бенедикт, — тоскливо размышлял под «косорыловку» Пётр Алексеевич во время одной из наших вечерних кухонных посиделок. — Женщина никогда не уходит от мужа *в никуда*… Временно она может перекантоваться в гостинице, у подруги, да мало ли где… Но потом обязательно вернется, если уход носил театрально-показательный, а точнее, *наказательный* для супруга характер… Но навсегда она может уйти лишь к другому мужчине. Соня — домашнее существо, раз не вернулась до сих пор, значит, свила где-то новое гнездо… Хотел бы знать: кто этот коварный захватчик, похититель моего семейного счастья?!

Вскоре эти лирические терзания творца были попраны грубой прозой жизни: Софья Яновна подала на развод и раздел имущества.

— Прав, как же прав был Михаил Афанасьевич Булгаков, — сетовал писатель, — когда утверждал, москвичей испортил квартирный вопрос!

С имуществом Козловы разобрались мирно (кухонную утварь поделили пополам, обстановка Сониной спальни отошла к ней; «москвич» и дача, приобретенные Петром Алексеевичем до женитьбы, достались ему, как и кабинетная мебель с библиотекой), но с городской жилплощадью возникли проблемы. Дело в том, что материально оскудевшие в нынешние трудные времена бывшие супруги в Москве могли разменять трехкомнатную на Сиреневом бульваре лишь на однокомнатную и комнату в коммуналке. И тут Софья Яновна повела себя с неожиданной, жесткой непреклонностью: она намерена жить лишь в изолированной квартире и «ни за какие коврижки» не уедет за Кольцевую дорогу…

В конце концов, претерпев все невзгоды переезда, мы с Петром Алексеевичем оказались на улице Советской подмосковной Балашихи, в «однушке» на третьем этаже облезлой пятиэтажки без лифта.

Полученные за телепередачу у Дроздова деньги ушли на «грузоперевозки», но главное — у Петра Алексеевича рухнула надежда на кооператив «Трика»: публицисты Калачёв и Кубанский были убиты в Мурманске при невыясненных обстоятельствах, о чем скупо сообщили в теленовостях.

— Это все «рыбная мафия», — кручинился писатель, поминая коллег на тесной кухоньке. — Либо их с кем-то спутали, либо они перешли дорогу местному «авторитету»…

В результате всех этих событий мы с Петром Алексеевичем впали в глухую нужду.

На окраине нашего поселения, по другую сторону шумного Щелковского шоссе, в густой майской зелени лесопарка Лосиного Острова празднично поблескивал водоем, образованный запрудой речки Пехорки. По берегам его голубели осыпающейся краской старые беседки, от летнего кафе стелился смешанный с музыкой запах шашлыка, с волейбольной площадки доносились хлопки по мячу, крики команд и женский смех, а сквозь полуденную дрему застывшего воздуха медленно скользили по воде прогулочные лодки, радужно искря веслами.

— Мы чужие на этом празднике жизни, Бенедикт, — невесело шутил Козлов, оставляя «москвич» на прибрежной асфальтированной стоянке.

И мы углублялись в лесную чащу, в неподконтрольные властям потайные «зоны отдыха». Стараясь не вспугнуть целующиеся парочки и минуя стороной опасные, шумно матерящиеся компании, мы обследовали безлюдные, густо замусоренные кострища, где и осуществляли свой промысел.

— Причудливо устроена жизнь, Бенедикт! — иронизировал Козлов, пряча очередную найденную бутылку в линялый рюкзак. — Если бы русские были немцами и не гадили там, где пируют, мы бы с тобой подохли с голоду!

Во время этих походов я охотился на мелких лесных мышей с полосатыми спинками, выгоняя их из-под палой листвы, а после наловчился отыскивать стеклотару по солнечному просверку среди кустов либо остаточному запаху спиртного.

— Только ленивый ум не делает выводов и обобщений из мелочей жизни, — рассуждал Пётр Алексеевич, усаживаясь на приглянувшийся пенек и раскуривая трубку. — Посмотри, Бенедикт, чем захламлены сегодня благодатные кущи Лосиного Острова. Литровки из-под спирта «ройял», банки импортного пива, греческая «Метакса»... польские подделки под «Амаретто» с винтовой крышкой... шведская водка «Абсолют» в граненой бутылке... итальянский «Мартини»... немецкий «Шнапс»... А что представлено отечественной продукцией? «Московская» да «Столичная», портвейн «Агдам», «Жигулевское» и отвратительный «Солнцедар», которым впору красить заборы... А в царские времена, между прочим, одной водки, которая называлась «белым вином», производилось более ста сортов! Так что оно такое — исторический путь России?

Насчет исторического пути — не моего ума дело, а что касается нашего с Козловым положения — оно представлялось удручающим: мы не могли даже посетить дачу, поскольку нечем было оплатить бензин.

СУДЬБОНОСНЫЙ ЗВОНОК

Собранную стеклотару Пётр Алексеевич тщательно прополаскивал в ванне. Затем, в соответствии с профессиональной терминологией, сортировал на «огнетушители», «гранаты», «чебурашки» и «чекушки»; все это, сверкающее влагой богатство, он выставлял на кухонный подоконник перед тем, как снести в приемный пункт.

Именно в тот момент, когда мой сожитель, попыхивая трубкой, пересчитывал добытое и прикидывал выручку на бумажке, в комнате раздался телефонный звонок.

— Да, я — это он, — отозвался писатель своей обычной шуткой. — Козлов Пётр Алексеевич... Не понял... Какой трэвел... какой кэт? — Густые подстриженные брови его поползли вверх, лицо начало наливаться краснотой волнения, и Козлов непроизвольно начал освобождаться от клеенчатого фартука, словно на другом конце провода могли его увидеть. — Понял! Все понял! Записываю ваши координаты!

Таким окрыленным я видел Петра Алексеевича лишь однажды, когда он принес домой «сигнальный экземпляр» своего «Криницкого» вместе с бутылкой шампанского и объемистым пакетом всяких яств, которые Софья Яновна с ликованием стала выгружать на стол.

После сдачи стеклотары Козлов, судя по всему, посетил парикмахерскую и, укоротив бороду и кудри, приобрел кургузую, несколько отчужденную внешность, к тому же парящую ядовитым одеколоном.

В ванной он бодро напевал сквозь тугое шипение душа, за ужином ограничился лишь рюмкой «косорыловки» (хотя обычно употреблял три), а утром, чертыхаясь и обжигая об утюг пальцы, погладил белую сорочку.

— Ну, как я выгляжу, Беня? — спрашивал он, завязывая галстук перед зеркалом гардероба и облачаясь в свою вельветовую блузу. — Дела у мужчины могут быть из рук вон, но выглядеть он должен преуспевающим.

Потом, сидя на подоконнике, я видел, как, испражнившись сизым дымком, наш «москвич» натужно завелся и уехал со двора — за какой-то очень нужной, но неясной надеждой.

Оставшись в одиночестве, я отчетливо почувствовал грядущие перемены в нашей жизни подобно тому, как прежде угадывал приближение стихийных событий.

Перемены эти должен был привезти из Москвы мой сожитель, который — я вынужден был это признать — при всех своих амбициях и пьяных завихрениях характера, переносил свалившиеся на нас дрянные подробности жизни весьма достойно. Так может, в роковой размолвке между супругами неправа обожаемая мною Софья Яновна? А что, если Пётр Алексеевич как художник слова по-настоящему верит в свои фантазии и любит придуманного героя в любой его ипостаси? Тогда писатель-приспособленец оказывается всего лишь доверчивым большим ребенком, искушенным исторической сменой времен, а его бескомпромиссная супруга — жестоким и несправедливым судьей…

Вернулся Пётр Алексеевич из столицы к вечеру — подвижный, весело-возбужденный, с целой сумкой всяких вкусностей, и, выставляя на стол золотистую граненую бутылку с белой лошадью на этикетке, пошутил:

— Ну, Бенедикт, впредь никаких «косорыловок! Мы пьем виски, а закусываем «Вискасом»!

ФОТОСЕССИЯ

— Машенька, вдох, грудь повыше! Подобрали животик… Коленочки развели… шире, шире… А теперь улыбочку… Маша, я прошу улыбку, а не оскал! — Мелковатый, расторопный пожилой мастер, напряженно припадая к фотокамере, сновал перед девицей в бикини, которая, с очищенным бананом у рта, порочно изгибалась на низком ложе. Увлеченный съемкой, он даже не заметил нашего появления.

— Лев Борисович освободится и займется вами,— встретил нас парень с залакированным рыжим «ирокезом» на голове.

Пётр Алексеевич устроился на продавленном кресле перед журнальным столиком и принялся нехотя листать пестрые рекламные буклеты.

Сидя у него на коленях, я исподволь знакомился с необычной обстановкой студии.

Высокое, продувное помещение с воркующими голубями на потолочных перекрытиях походило на склад, захламленный самым разнообразным реквизитом — от лодки с косым парусом и сверкающего никелировкой мотоцикла до искусственной зелени и гипсовых копий классических скульптур древности.

— Маша, если хочешь стать актрисой… Ты должна изобразить не просто желание, но вожделение… при этом заигрывать с тропическим плодом, пред-

варяя поглощение! Боже ж мой, куда мы катимся… — доносился чуть надтреснутый голос Льва Борисовича.

Освободившись, он предстал перед нами в своей джинсовой жилетке с многочисленными, туго набитыми карманами — разгоряченный, с жесткими взъерошенными волосами, в которых, казалось, искрило электричество. Привычно откинул темные очки на лоб, а таившиеся под ними прозрачные водрузил на кончик носа и, пролистнув замызганный блокнот, деловито констатировал:

— Так. Вы у меня турфирма «Кэтс травел». Изготовление рекламы и логотипа. Это, как я понимаю, наш знаменитый Бенедикт, прославившийся после передачи Дроздова. А вы, Пётр Алексеевич, стало быть, его хозяин.

— Как раз наоборот. Он мой хозяин, — уточнил Козлов.

— Юмор оценил! — просиял Лев Борисович, сразу сделавшись доступным, почти домашним. — Между прочим, читал вашу «Коллонтай», для советских времен смелая книга. Пламенная революционерка и шлюха в одном флаконе! И никакой пошлости в тексте! Это сейчас наши уважаемые авторы гуляют по литературе с расстегнутой ширинкой. Все дозволено! Только почему-то не создают шедевров! А вы, значит, теперь при котике… Я вас так понимаю… Сам двадцать лет оттрубил кинооператором на Ялтинской студии… А теперь — чья это Ялта, где эта студия…

— Кто же не знает Льва Маргулиса, — польстил мастеру Пётр Алексеевич. — «Подвиг "Стерегущего"». Это же советская классика.

— Значит, и вы меня помните?! — подскочил от радости Лев Борисович.

Съемки проходили на фоне заснеженных гор, щедрого южного солнца и под зелеными веерами искусственных пальм; с помощью Мити с ирокезом (он выступал ассистентом и осветителем) Маргулис вдохновенно составлял композиции, в которых мы с Козловым рассекали под парусом морскую лазурь, мчались на мотоцикле через пустыню и даже любовались величественными руинами римского Колизея.

— Конечно, Пётр Алексеевич, — сокрушался Лев Борисович, — море, горы, пальмы — все это банальность. Подобную атрибутику используют многие туристические фирмы. Но те, кто пытался эту банальность обойти, — прогорели. Потребителю нужен простой, красочный и интригующий посыл. Думаю, у вашей «Кэтс трэвел» хорошая перспектива. Во-первых, они первые сочинили слоган: «Путешествуйте вместе с домашними питомцами», а во вторых — ваш Бенедикт — симпатичнейший кот.

НА ДАЧЕ

Дача встретила нас прозрачной печалью осеннего угасания и полным запустением. Полуголые березы у забора зябко подрагивали на ветру, на террасе корчились нанесенные ветром сухие листья, в углах покачивалась серая паутина, а двускатную дощатую кровлю колодца зимой проломил свалившийся с дома снежный пласт.

Едва придя в себя после утомительной дороги (наконец-то кончилась наша нужда и стал доступен бензин!), я помчался искать друзей.

Вилла мусорного магната Лаптева стояла с заколоченными крест накрест окнами, а вокруг зияла звенящая пустота безлюдья. Я обошел весь участок и надворные постройки, но не нашел даже застарелых следов Бакса. Нежилым и заброшенным предстал и домишко поэта Радия Гальперина, где мне удалось отыскать единственный след добряка Посейдона — пластмассовую мисочку, забытую под ржавым осеним дубком.

Я невольно вспомнил сценку из давней своей жизни в Малой Азии у меланхоличного и вздорного старика Гераклита (который презирал людей, а потому любил меня), когда он, выйдя на берег ручья на окраине родного Эфеса после омовения отекших от водянки ног, с трудом надел сандалии и, воздев торжествующий палец, изрек: «Эврика! Нельзя дважды вступить в одну и ту же реку»…

Когда я вернулся к себе, Пётр Алексеевич, попадая молотком то по гвоздям, то по пальцам, чинил колодец. На стук его неумелой работы явился с соседнего участка, как всегда чуть подвыпивший, Иван Семёнович Курной — в неизменном камуфляжном костюме и с банкой варенья в руках.

— Слышу, слышу, наконец-то приехали! — воскликнул он, радостно сияя бритой головой. — Я уж не знал, что думать! Звоню по вашему домашнему — отвечает какой-то чучмек! А где ж наша Сонюрочка? Я тут ей любимого крыжовенного варенья…

Узнав про развод, воин сильно огорчился и заключил потускневшим голосом, передавая писателю гостинец:

— Все одно, забери. Не нести же назад…

Целью нашей дачной поездки было «посмотреть, что там к чему», а еще собрать урожай антоновки с двух старых яблонь.

Заскучавший, судя по всему, от однообразной дачной обстановки Курной сообщил, что поставил свой дом на газовое отопление и теперь проживает тут круглогодично. Видимо, желая продлить общение со свежим человеком, он взялся помогать Козлову в сборе урожая.

— Видел, видел вас в передаче Дроздова,— докладывал он, загружая в сумки ядреные солнечные плоды. — Молодец, Бенедикт… Вернулся домой… Несмотря, понимаешь, ни на что, проявил мужество и добросовестность… А у нас все поменялось против прежнего. Лаптев схлопотал срок. Хотел «прихватизировать» еще одну свалку, да там мужик оказался со связями… Подкупил «зеленых», те стали митинговать да бить в кастрюли, дескать экология и тому подобное… А потом и уголовное дело завели. Певичка от него, понятное дело, сразу слиняла. Какое-то время хохлы еще охраняли участок, а сейчас их след простыл, все ветшает и растаскивается…

— Ну, а Гальперин? — поинтересовался Пётр Алексеевич.

— Говорят, нашел какую-то молоденькую и укатил в Израиль на постоянное жительство. Разочаровался в своих демократах.

Прощаясь, они дружески обнялись, и Козлов севшим голосом проговорил:

— Будто окунулся в прошлое… Ты, Семёныч, остальное-то собери с яблонь, там еще много осталось.

— Подберу, подберу, — отозвался тот. — Самогон из антоновки первоклассный получается. Настоящий кальвадос.

На обратном пути Козлов включил какую-то классическую музыкальную тягомотину, напряженно пыхтел трубкой и даже уронил скупую слезу. Когда проезжали поворот на Красногорск, мужики в синих комбинезонах уже завершили монтаж придорожного рекламного щита и запрыгивали в грузовик с выдвижной вышкой.

— Ну, Бенедикт, можешь считать, твоя жизнь удалась! — воскликнул Пётр Алексеевич, останавливаясь на обочине Новорижского шоссе.— Пусть неудачник плачет, кляня свою судьбу!

С переднего сиденья, где теперь ездил в отсутствие Софьи Яновны, я увидел на громадном плакате скользящую по морской лазури лодку под белым парусом на фоне заснеженных гор и прибрежных пальм. С кормы ею правил улыбающийся во всю бороду Козлов в фирменной фуражке яхтсмена, а на носу стоял на задних лапах я, Великий Кот, и всматривался в даль через театральный бинокль.

ЖИЗНЬ УДАЛАСЬ?

Близкое дыхание славы я ощутил, когда меня признали сидящие у нашего подъезда старушки.

— Глядите, это ж кот, что тыщу километров пробежал и домой вернулся! — встрепенулась одна из них, едва я вышел во двор.

— Да не тыщу, а полтыщи, Дроздов сказывал.

— А хотя бы и полтыщи. Где такую верность среди людей сыщешь?

— Какая там верность, когда девки мечтают стать проститутками, а парни бандюгами!

— Антихристово время. В Писании так и сказано: придет, мол, лжепророк и обольстит сладкими речами.

— Хорошо, хоть у кошек совесть осталась.

— Я тут намедни в магазине встретила его хозяина, новосела нашего с третьего. Балуете, говорю, сваво котика: и минтай ему, и говяжье сердце берете... И знаете, что ответил? Чем лучше узнаю людей, Фёдоровна, тем больше люблю кошек!

— Писатель. Умственный мужчина.

— Да и как такого котика не любить...

Эти преданные охранительницы подъезда и в самом деле возлюбили меня, и к моему очередному выходу на прогулку по двору припасали что-нибудь съестное.

Завоевал я авторитет и в местном кошачьем братстве, отвоевав право альфа-самца.

Пётр Алексеевич теперь много времени проводил в Москве, отстаивая мои интересы. В течение зимы выходили с моим изображением и занимали почетное место под стеклом в домашнем шкафу маечки, бейсболки, туристские термосы и даже «сухой корм для котов-путешественников» под названием «БенЯдиктин»...

Нередко мы с Козловым обедали в частном ресторане «Пехорка», где нас встречали как почетных гостей: официанты накрывали в отдельном кабинете, повар Алишер готовил для писателя шашлык по-узбекски, а мне подавал сырую баранью печенку.

К весне венцом нашего материального благополучие стала замена старенького «москвича» на вишневую «ладу», празднично пахнущую обивкой необношенного салона.

По вечерам, сопя трубкой и потягивая виски, Пётр Алексеевич заводил несколько неожиданные для меня разговоры о сути литературного творчества:

— Прихожу к выводу, Бенедикт, что писатель не должен обслуживать даже самую прогрессивную идею, а тем более быть членом какой-либо партии. Что такое идея? Очередное заблуждение несовершенного человеческого ума. Со временем она неизбежно устаревает и заменяется новым наивным домыслом. Что такое партия? Сообщество интеллектуальных недоносков, которых вождь подгребает под себя, как наседка яйца. По нынешним временам заносчивая бронзовая фигура Маяковского на Триумфальной может вызвать лишь горькую усмешку... А ведь начинал гениально... Писатель должен стоять над схваткой идейных противников и быть объективным летописцем времени.

Слушая все это и согласно мурлыча под тяжелой рукой писателя, я, конечно, не мог даже предположить, какие практические выводы сделает Козлов из этих теоретических размышлений и как это отзовется на нашей общей судьбе.

ДАЛЬНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ

В конце зимы Балашиха напоминала растревоженное пчелиное гнездо. Прошел громкий судебный процесс над местным мэром Фёдором Аллилуевым, который совместно с милицией «крышевал» подпольный игорный бизнес. Дело, как выражался Пётр Алексеевич, оказалось *резонансным,* было упомянуто даже центральным телевидением, а для старух у подъезда явилось желанной темой обсуждений.

Сосредоточенный Козлов наконец-то стер пыль со своего письменного стола и сел за составление каких-то документов, а после мы с ним остановились возле нотариальной конторы на улице Космонавтов, и мне пришлось долго ожидать в салоне автомобиля, пока он выйдет с целой кипой бумаг.

Следующим событием стало появление в нашей квартире Льва Борисовича Маргулиса. Расторопный мастер сделал целую серию снимков Козлова. А когда фотографировал писателя на фоне книжных полок, посоветовал:

— Возьмите на руки Бенедикта, Пётр Алексеевич. Котик утепляет ваш образ интеллектуала и делает домашним, доступным… Для обывателя это важно.

А после, во время чаепития за кухонным столом, рассуждал:

— Чем мельче населенный пункт, тем значительнее в нем столичный человек. Для Балашихи вы, несомненно, крупная фигура. При вашей-то всесоюзной известности. Искренне желаю вам удачи. В нынешней власти страшный дефицит порядочных людей.

Вслед за этим Козлов выступил по местному телевидению в передаче «Я знаю, город будет, я знаю, саду цвесть» про городскую экологию и засветился в диспуте о неудовлетворительной работе местных коммунальщиков.

Обе эти передачи мы смотрели с ним в записи на кухне, и Пётр Алексеевич, ополовинив бутылку виски и «раскочегарив» трубку, открыл, наконец, свои далеко идущие планы.

— Творческий кризис, Бенедикт, это когда понимаешь, что писать, как раньше, нельзя, а по-другому не можешь. Прежде, по сути, я создавал беллетризованные биографии своих героев… — признавался он. — Чтобы написать настоящую книгу, надо вывариться в горниле… активно включиться в современные социальные процессы… И — объективно и со знанием дела — показать *природу власти* и вечную трагедию маленького человека… Это будет, уверяю тебя, великая книга, *новая проз*а Петра Козлова.

Не знаю, был ли это выстраданный творческий порыв писателя или в нем проснулся глубоко утаенный вирус власти (получал же он удовольствие, управляя секцией публицистов и заседая в президиумах!), а может, совпали оба мотива, но однажды, проезжая с ним по улицам Балашихи, я увидел, что заборы, павильоны автобусных остановок и даже стены домов обильно залеплены его портретами, «утепленные» моим присутствием у писательского живота…

Теперь он частенько ездил в свой «избирательный штаб», отпуская меня погулять и поохотиться в сквере у здания с колоннами, а на квартиру к нам зачастили прибывающие на поржавевшем «мерсе» лохматые молодые люди в майках с изображением Козлова и безумными глазами. Они охотно выпивали на кухне под пельмени и красную икру, читали тексты своих хвалебных статей о хозяине и составляли «компромат» на главного конкурента Петра Алексеевиче — директора птицефабрики Степана Краковяка, который, как выяснилось, под прикрытием птичьего гриппа продал на сторону целую партию ощипанных и вполне пригодных кур.

— А теперь, — ликовали гости, — когда мы его подловили в сауне с проститутками, Краковяк политический труп!

ВЫБОР НАРОДА

Весна — время кошачьих свадеб. Требовательную готовность к плотской любви выявила на этот раз беспородная, палевой масти, мурка со второго подъезда, которая избрала потайное место на задворках между гаражами и подавала оттуда зазывные сигналы.

На ее голос постепенно собралась вся компания нашего дворового братства; я использовал свое право первенства вожака и после уступил изнемогающую самку товарищам.

А площадь перед памятником Ленину (что неподалеку) кипела совсем другими, митинговыми страстями, и отголоски мегафонных речей доносил влажный апрельский ветер.

Где-то там был мой верный сожитель, и когда я услышал его уверенный глуховатый баритон, устремился навстречу, движимый тревожным любопытством.

Мне удалось благополучно обогнуть гаражи, избежав встреч с собаками, которых часто выгуливали соседи без поводков, не попасть под колеса при пересечении улицы Героев Арктики, но когда затаился в декоративных кустах на безопасном расстоянии от ревущей человеческой толпы, Козлов уже закончил выступление и покинул трибуну, осененную двуглавым российским орлом.

— Товарищи! Граждане! — звонко выкрикнула занявшая его место розовощекая девушка в берете. — Доколе?! Доколе мы будем покорно следовать за политиканами, с их щедрыми предвыборными обещаниями?! Политиканами, у которых одно на уме — обогатиться за счет народа, как происходит это сейчас на всех этажах власти! Новоявленные олигархи беспардонно разворовывают Россию, растаскивают по карманам наше всенародное достояние, все, заработанное потом и кровью наших отцов и дедов! Присмотритесь к нашим нынешним кандидатам! Один ворует государственных кур и имеет аморальный облик! Другой — при всем уважении к его регалиям — по сути своей — политический оборотень! Вчера был с коммунистами, сегодня с демократами! Как можно верить такому человеку?! Вот он на агитационном портрете снят со своим котом. Так вот что я скажу: этот, прославившейся своей верностью Бенедикт достойнее его! Преодолел все невзгоды дальнего пути и вернулся в дом, не предал близких! Так почему бы нам не избрать мэром его? По крайней мере, не станет обманывать электорат и воровать! Тем более, что подобные прецеденты в мире уже есть. Я могу привести в пример кота Фредди, избранного мэром американского города Шарон! На Аляске кот Саббс стал мэром города Талкитн! В конце концов, чем мы хуже американцев?!

«А ведь могут и пришибить, если заметят», — трусовато подумал я и поспешно ретировался, понимая, насколько неоднозначной может быть реакция митингующих на это предложение.

В день голосования радиоприемник надрывался патриотическими песнями и маршами, по улицам были расставлены палатки с пивом, а у нас во дворе парни и девки в национальных одеждах распевали под гармонь скабрезные частушки.

Усталый, потный и не слишком трезвый, Пётр Алексеевич явился домой под утро, с отвращением выпутался из выходного переливчатого пиджака, а галстук зашвырнул в угол комнаты.

— Бенедикт, — с болезненной гримасой проговорил он, приняв на кухне дозу виски. — Бенедикт, ты будешь смеяться… но они выбрали тебя.

ВО ВЛАСТИ И СМЕРТИ

— Ты должен понимать, Бенедикт, — размышлял Козлов по дороге в мэрию, — их выбор может показаться абсурдным только с первого взгляда. А по существу это ярчайшее *протестное голосование*, и оно говорит о том, что — после всех социальных и политических потрясений — народ больше не верит власти. На твоем месте мог оказаться козел или даже кенгуру.

Кабинет мэра был обширным, с несколькими телефонными аппаратами на громадном столе под портретом Ельцина, мариной Айвазовского, а также дипломами и грамотами в рамках на стенах. Но меня вполне устроило мягкое кресло в углу возле кадки с фикусом, где можно было уютно свернуться калачиком и предаваться мыслям о новом повороте судьбы.

В полдень, четко цокая каблучками туфель-шпилек, в кабинет вошла стройная шатенка в узком деловом костюме и представилась, бросив на столешницу желтый кожаный кейс: — Будем знакомы, Бенедикт Петрович! Я ваш наемный сити-менеджер Тамара Викторовна Краевая. Заключила контракт на год, буду отвечать за энергетику, транспорт и прочие аспекты городского хозяйства. Надеюсь, мы с вами сработаемся. — С этими словами она ловко нацепила на меня галстук-бабочку и легонько пощекотала ухоженными, с алым маникюром, пальцами. Конечно, сработаемся, котик, — проворковала она, заговорщически понизив голос. — Ты позволишь мне подворовывать, а я буду давать тебе *откаты* — хочешь, «Вискас», а хочешь — «Китикэт»…

С крутыми скулами, зелеными, умело подкрашенными глазами и точеным носиком, — вся в облачке косметических ароматов, — она была так безупречно, самоуверенно хороша, что я на время потерял всякие нравственные ориентиры и даже ответил на беспардонное предложение почти согласным урчанием.

Пётр Алексеевич привозил меня на работу к девяти утра и забирал в шесть вечера. Особых служебных обязанностей, кроме, пожалуй, встреч с фоторепортерами, у меня не было. Пронырливые папарацци наводнили таблоиды моими снимками, и популярность моя возросла настолько, что в угоду моде некоторые горожане начали рубить своим питомцам хвосты. Из-за наплыва журналистов Тамара переселила меня в приемную, где трещала на машинке худая прокуренная секретарша Полина Ниловна с лиловым бантом на груди. Я развлекался тем, что давил мух на оконном стекле либо гонял бабочек в небольшом цветнике перед зданием мэрии.

Пётр Алексеевич постепенно смирился со своим поражением на выборах, более того — утешился литературным трудом: совершенно неожиданно затеял книгу обо мне. То ли это была дань нашей верной дружбе, то ли в нем вновь пробудился творческий рефлекс писать о тех, кто у власти…

Однажды он не приехал за мной в конце рабочего дня. Ночь без сна я промаялся в приемной, одолеваемый самыми дурными предчувствиями, а наутро Тамара Викторовна посадила меня в свою черную иномарку и привезла домой, где у входной двери в квартиру нас ожидали милиционер, похмельный мужик с пилой-болгаркой и двое понятых.

За своим письменным столом, залитым кофе из опрокинутой чашки, сидел, уронив большую голову на пишущую машинку, недвижный Пётр Алексеевич Козлов, и его измученная душа, легонько мерцая, в растерянности парила над ним.

ЭПИЛОГ

Блистающие Врата торжественно высились в благолепной голубизне Рая. Огненные письмена, коих не было прежде, светились над ними непонятным, но грозным предостережением. Знакомый Херувим с карающим мечом сидел рядом на низкой скамеечке, бездельно сложив крылья.

Невольно оробев при виде его сурового, замкнутого лика, я послал трепетную заискивающую мысль:

— «Давно тут у вас не был… Со мной доподлинно известная мне душа… Прошедшая земные муки и испытания»…

— «Да помню я тебя, помню, — послал страж обнадеживающий ответ. — Сопровождал Адама и Еву в изгнании их. Не так уж много воды утекло. Мало, мало наказывает вас Отец наш Небесный… Все норовите в обход да не по правилам. Дошло до того — хотят попасть в Рай по фальшивым отпущениям грехов»!

— «Непорядок», — поспешно согласился я.

Судя по всему, Херувим наскучался в райском своем одиночестве и охотно вступил со мной в мысленную беседу.

— «Грешите непомерно, осерчал на вас Господь, — продолжил он. — И воскорбел в гневе своем»…

— «Подобно временам Потопа»? — поинтересовался я для продолжения диалога.

— «И даже более».

— «Между прочим, тогда я спас Ноев ковчег от мышей», — напомнил я в надежде как-то договориться с неприступным стражем.

— «То была воля Отца Небесного, — напомнил Херувим. — Все на Земле и Небесах вершится по воле Его. Видишь сии огненные письмена над Вратами? Ведаешь ли, что они означают»?

— «Вижу, но не ведаю», — смиренно отозвался я.

— «А означают они: грешникам нет места в райской благодати».

— «На страдание дана человекам земная юдоль, — заметил я. — Через страдания они очищаются от грехов. Вот и мой Козлов…»

— «А мне что Козлов, что Баранов — все едино, — отрезал Херувим. — Есть повеление Господне, — указал он мечом на огненные знаки. — И оно гласит: «Прием в райскую обитель прекращен ввиду отсутствия истинных праведников».

— «А как же мне… с этим»? — растерялся я, имея в виду душу писателя.

— «Как, как, — с легким раздражением отозвался небесный страж. — Есть же Мир Духов (куда тебе следовало для начала обратиться!), где душе усопшего по благу и истине в ней, обретенным в земной жизни, назначается место дальнейшего пребывания. Есть, наконец, Ад, он же Преисподняя… Там, конечно, не того… Но если не злобиться сверх меры и не подличать… Все одно, лучше, чем на Земле… И вообще… дались тебе эти человеки, — продолжил он. — Ошибочная ветвь в мироздании! Видишь, сам Господь отказался…»

Понурившись, я развернулся, чтобы уходить. Да, похоже, дело швах: весь опыт моих прежних воплощений подсказывал, что для людей именно этим может все и кончиться.

— «Погоди, Великий Кот! — послал мне вдогонку мысленный оклик Херувим. — Ладно, оставь пока тут, у порожка. Писатель все-таки… Глядишь, придут иные времена».

Октябрь 2015 — февраль 2017

Москва — Раково

Елена ЛИТИНСКАЯ

ОПЫТЫ С ДРОЖЖАМИ И НЕ ТОЛЬКО

(ПОВЕСТЬ)

Стоял май 1999 года. Весна готовилась резко перейти в лето. Россия медленно приходила в себя после дефолта 1998 года. Ирине, можно сказать, повезло. Она потеряла банковские вклады, но сохранила работу в лаборатории одного из московских НИИ. И ученую степень кандидата биологических наук пока еще никто не отменял. Правда, зарплату не платили и даже отключили газ. Свет еще горел, но вполнакала. Сотрудники по привычке продолжали приходить в лабораторию с надеждой: а вдруг что-то изменится к лучшему? Но к лучшему ничего не менялось. Некоторые мрачно шутили, что скоро будут брать с работников НИИ плату просто за вход в институт.

Продовольственные магазины вновь зияли пустотой полок. Семья Ирины не голодала благодаря приусадебному участку, на котором отец с матерью (пенсионеры) развели настоящее натуральное хозяйство: сад, огород и даже кур с петухом, который неукоснительно оглашал приближающийся рассвет. (Как же без петуха? Без него несушкам не обойтись!) Сад и огород давали плоды, куры несли яйца, простые, не золотые, но все же домашние, без антибиотиков и прочей химии. Правда, кур, чтобы они не болели и не передохли, надо было кормить золотистым пшеном. Отец Ирины, используя старые связи, пока с этой проблемой справлялся. А о том, что случится завтра, родители отказывались думать. Надо было как-то справится с днем сегодняшним.

Ирина была биолог, но отнюдь не с фермерским уклоном. Садоводство и животноводство ее не привлекало. Она привыкла копаться в науке, а не в земле и, уж точно, не в навозе. Подвешенное безденежное состояние ей порядком надоело. Натуру тридцатишестилетней женщины определяли смелость и деловитость... с примесью некого авантюризма, если копнуть глубже. Надо было предпринимать какие-то решительные действия, ведущие к кардинальным, жизненно важным переменам. Например, попытаться уехать на заработки за границу. Многие так и поступали. Уезжали за кордон по различным визам и приглашениям. Оставались там легально или нелегально, это уж как у кого получалось... У Ирины получилось легально. На доске объявлений в институте она заметила небольшое сообщение о том, что в США, в городе Нью-Йорке, в известном университете NYU требуется научный сотрудник на хорошую должность.

Ирина летела в самолете компанией Аэрофлот из Москвы в Нью-Йорк. Везла с собой лишь дорожную сумку и небольшой чемодан с самыми необходимыми вещами, так как надеялась, что сразу начнет прилично зарабатывать и полностью обновит свой более чем скромный гардероб. В кошельке было восемьсот долларов наличными. (Ирина еле наскребла эту сумму перед отъездом, частично одолжив у родителей и родственников.) Целых восемьсот долларов! Сумма для среднего россиянина немалая, а для американца — так, ерунда, месячная рента маленькой квартирки в дешевом районе. Даже на депозит не хватит. Но Ирина тогда всех этих нюансов про размеры нью-йоркской

ренты, дешевые или дорогие (опасные или спокойные) районы и необходимые депозиты не знала. Она чувствовала себя если не богачкой, то во всяком случае — женщиной состоятельной.

Кроме наличных, в сумочке Ирины был новенький российский загранпаспорт и договор на работу в лаборатории Нью-Йоркского университета (NYU) — аж на целых четыре года в должности postdoctoral researcher, или как эту работу сокращенно называли в профессионально научных кругах, postdoc. (Оказывается, американцы страсть как любят сокращать названия и вообще слова.) Должность невысокая, но и не какая-нибудь там лаборантка на подхвате. Чтобы получить аккредитацию на американского постдока, одной только степени кандидата наук было недостаточно. Нужно было иметь некоторый опыт научной работы (непременно с позитивными результатами), а также выдержать весьма серьезный отборочный конкурс, ибо желающих называться этим самым заветным американским постдоком среди молодых (и не очень) российских научных работников было немало.

Ирина успешно прошла все препоны, конкурсы и собеседования и довольная и, скажем прямо, гордая собой, отправилась за океан, оставив в Москве, скрепя сердце и вздыхая, пожилых родителей, двенадцатилетнюю дочь, бывшего мужа и последнего бойфренда. За бывшего мужа у нее душа не болела, ибо он отбыл в Ирининой личной жизни десятилетний отрезок времени (в постоянных запоях и последовательных просыханиях) и выброшенный с семейного корабля на волю волн мог тонуть или плыть, уцепившись за случайное спасительное бревно, куда дул ветер. Ирина знала, что будет скучать по дочери и родителям, но по контракту ей полагался ежегодный двухнедельный отпуск, который она, само собой, планировала провести в Москве среди своей семьи. А время летит быстро, особенно, когда ты уже не самой первой молодости и тебе за тридцать пять…

Еще только за тридцать пять или уже за тридцать пять. В зависимости от настроения Ирина применяла к своему возрасту то одно, то другое определяющее наречие. Будучи оптимисткой, она чаще выбирала наречие *еще*, которое не замыкало ее в тупиковом, ограниченном возрастном пространстве и сулило расширенные горизонты и приятные сюрпризы-приключения.

История отношений с последним бойфрендом Алексеем носила сложный характер и прямо-таки негуманный конец. Они встречались уже два года: с надеждами на будущее, сопряженными со сценами признания в любви, а заодно и приступами беспричинной ревности с Алёшиной стороны и защитной реакцией — со стороны Ирины. Предложения руки и сердца Алексей Ирине не делал. Да и какое он мог ей сделать предложение, когда они оба перебивались, как говорится, с хлеба на квас. Алексей, инженер по образованию, трудился на грошовых сезонных подработках: то садовником, то дворником, то истопником. Отсутствовала материальная база, а без нее — какая семейная жизнь! (Они часто ссорились, потом мирились, словом, безжалостно трепали друг другу нервы.) Наперекор пословице: с милым рай в шалаше, суровая реальность показывала, что в шалаше не может быть рая! В крайнем случае, надолго затянутое чистилище.

Другого бойфренда для Ирины на горизонте в то время не виделось и не предвиделось. Ирин любовный настрой менялся чуть ли не с частотой перемены погоды и фазами Луны. То ей казалось, что она любит Алёшку, и у них полная гармония чувств, то она говорила себе, что он не приспособлен для перестроечного периода дикого внедрения в капитализм, и она, Ирина, достойна лучшего избранника. Старалась уверить себя, что Алексей, такой неумеха, тютя и ревнивец в придачу, ей не очень-то и нужен, да выбросить жалко. И вот, после очередной ссоры и затянувшегося упрямства с обеих сторон (кто первым, проглотив гордость, пойдет на попятную, простит и позвонит), пред-

ставился случай выбросить. На кону стояли две важные составляющие жизни образованной женщины-научного работника: бедность и любовь с препятствиями в Москве или карьера и устойчивый заработок (а в последствии, может, и ПМЖ) в Америке. (И даже новая американская любовь! Почему бы и нет? Ведь она, Ирина, хороша собой и по современным возрастным критериям — еще молода. Бальзаковский возраст отодвинулся лет на двадцать.) Америка — страна реализации человеческих способностей и возможностей — победила. Ирина собирала документы и готовилась к отъезду втайне от Алексея и так и упорхнула в Нью-Йорк, без лишних объяснений и «слезоточивых» прощаний. За что себя, сидя в самолете, копаясь в прошлом, упрекала в неправильном решении, бессердечии и даже в непорядочности.

Зачем я с ним так? Ведь он мне ничего плохого не сделал. Да, ревновал, да, не давал продыху. Да, собственник! Вот такое проявление любви. Но я же не виновата, что не смогла его полюбить с той же силой чувств, что мне нужен более активный, деловой партнер. И он не виноват, что натура у него такая. Никто не виноват! И все же нельзя так резко, бесчеловечно обрывать отношения. Надо было как-то серьезно поговорить с ним перед отлетом, объясниться... Да, но тогда он, возможно, поставил бы вопрос ребром: почему я, уезжая на целых четыре года, бросаю его, вместо того чтобы выйти за него замуж и тогда, может быть, ему впоследствии была бы тоже открыта дорога в Америку. Пришлось бы признаться, что любовь и замужество для меня отошли на задний план. И Алёша был бы вправе упрекнуть меня в том, что я его социально и сексуально использовала, что он служил для меня лишь временным заменителем, суррогатным бойфрендом. Но ведь это не так! Как все сложно и неоднозначно! Скверно! Чувствую себя предательницей. Непременно позвоню ему из Нью-Йорка, все как-то улажу, пошлю подарочек, чтобы я, чтобы он... В общем, чтобы он не поминал меня лихом.

На мысли о том, что она непременно позвонит Алёше, как только ситуация позволит, Ирина в конце концов успокоила свою бунтующую совесть, прикрыла глаза черной маской и попыталась уснуть. Но сон бродил где-то рядом и упрямо не шел к ней. Возбуждение пересиливало усталость. (Используя авторские возможности предвидения, украдкой заглянем на несколько месяцев вперед и отметим, отнюдь не в упрек нашей героине, а просто как констатацию факта, что она так и не позвонила Алексею, хотя ситуация позволяла сделать это нужное и благородное дело, и не раз. Просто вихрь нью-йоркской жизни подхватил и так сильно закружил Ирину, что она об Алёше не то чтобы забыла, но, скажем, недостаточно много думала, чтобы позвонить. И все откладывала это благородное дело до более подходящего случая. Не будем осуждать Ирину. Автору этой повести трудно разобраться в тонкостях душевных переживаний главной героини, и он предоставляет сию возможность тебе, вдумчивый и уважаемый читатель.)

В аэропорту JFK Ирину никто не встречал. В общем, она и не рассчитывала на эту роскошь, хотя подспудно все же надеялась... Подошла к телефону-автомату (в то, не так уж и далекое, но технологически не столь продвинутое время, мобильные телефоны были не то чтобы редкостью, но водились не у всякого американца, а уж тем более не у российской гражданки, научного работника без постоянной зарплаты, да еще после дефолта) и позвонила дочери своей московской подруги. Эта самая дочь, Маша, студентка Колумбийского университета, волею счастливых обстоятельств проживала в собственной двуспальной кооперативной манхэттенской квартире. (Получила по наследству от одинокой двоюродной бабушки, которая уехала из России в 1922 году. Бывает же такое везение!) Ирина сообщила Маше о своем прибытии, и та затарахтела:

— Тетя Ира, я вас встретить не смогла. Извините! У меня завтра очень важная презентация, и я готовлюсь, волнуюсь. Ни минуты свободного времени! Берите такси и приезжайте ко мне. Адрес у вас есть. Это не так далеко и со-

всем недорого. Всего-то долларов пятьдесят плюс tip, не больше. Я вам обещаю оплатить половину. Честное слово!

— Да, да! Конечно, совсем недорого. А что такое tip?

— Ну, чаевые. Полагается же дать водителю на чай, хотя бы десять процентов.

— Да, конечно, обязательно! Я понимаю, — выдохнула Ирина, которая сразу в уме перевела доллары на рубли по тогдашнему курсу один к тридцати и ужаснулась полученной цифре в тысячу пятьсот рублей плюс чаевые.

Машина квартира находилась в районе Челси, известном колоритным скоплением разнообразных кафе, забегаловок, ресторанов, магазинов, лавочек и картинных галерей. Ирине выделили небольшую, скромно обставленную спальню с окном, выходящим во двор-колодец.

Какой мрак! Депрессивно! Интересно, заглядывает ли сюда когда-нибудь солнце? Ой, что это я привередничаю! Скажи спасибо, что приютили, и радуйся жизни, дура!

— Располагайтесь, тетя Ира. Ваша ванная и туалет рядом (у нас две ванных комнаты и два туалета), кухня — прямо по коридору и направо. В гостиной — телевизор. Пожалуйста, включайте, смотрите. Если что надо, спрашивайте, не стесняйтесь. Скоро придет Баб. Будем ужинать. Готовить не было времени. Я заказала Chinese. Вы любите китайскую еду? — спросила Маша, критически осматривая круглыми голубыми глазами из-под такого же цвета челки уставшую от перелета, бледную, помятую Ирину.

— Спасибо, Машуня! Я люблю все, кроме вареной курицы с лапшой. А кто такой Баб?

— Баб — это мой бойфренд. Мы вместе учимся в Columbia University и... вместе живем уже целый год. А разве мама вам о нем не говорила? Странно!

— Говорила, говорила про Боба. Я просто не поняла, что Баб — это Боб. И... пожалуйста, не называй меня тетей. Просто Ира. Разве я такая старая? — Ирина попыталась игриво улыбнуться, но улыбка вышла натянутой, жалким подобием игривости.

Маша еще раз пристально, с ног до головы, оглядела Ирину и снисходительно, с категоричной юношеской прямотой двадцатилетней девицы, изрекла:

— OK! Нет, еще не очень старая. Ну, я пошла. Отдыхай-те, Ира.

Ирина открыла чемодан, нашла в нем легкий ситцевый халатик и тапочки, переоделась и бухнулась на кровать. Разбирать вещи не было сил.

Занятная девочка. С голубыми глазами, голубыми волосами и серьгой в носу. Испортила такой хорошенький, аккуратный носик. Наверное, и в пупке сережка, и татуировка в каком-нибудь укромном месте. Какой смешной у нее акцент! Всего-то пару лет в Америке, а уже по-русски говорит с акцентом. Как быстро русские дети превращаются в американцев! Ну, вот я и в Манхэттене. Даже не верится. Девять часов в облаках — и по другую сторону океана. Сегодня суббота. Один день на отдых и приведение в порядок тела и мыслей. А в понедельник надо явиться на место работы в NYU. Наведу марафет и...

Ирина закрыла глаза и только хотела обдумать детали предстоящего важного разговора по-английски с будущей начальницей, как сон моментально сморил ее. Она так и уснула, в халатике, прямо на покрывале, не расстелив постель. Пришла Маша и безрезультатно пыталась разбудить гостью к ужину, но разумно оставила это дело, так как поняла, что для измотанной полетом Ирины сон был важнее еды, хоть китайской, хоть какой... Маша накрыла гостью пледом, сочувственно покачала голубой головой и пошла ужинать.

* * *

Ирина проспала двенадцать часов подряд, крепким, беспробудным сном, как спят только в детстве или в юности после бессонной ночи подготовки к экзамену и удачной его сдачи. Она проснулась в пять утра с первыми лучами солнца, отдохнувшая, полная энергии, планов и надежд на новую жизнь без дефолтов и с постоянной зарплатой. Молодая женщина еще часок понежилась в постели, затем встала, сменила старенький халатик на совсем новое шелковистое кимоно, купленное на барахолке в Измайлове, и пошла принимать душ. Благоухающая шампунем и гелем для мытья, она направилась на кухню, где столкнулась нос к носу с Бобом, которого надо было называть Баб. Он нарезал в миску со взбитыми яйцами помидоры и разные другие овощи, видимо, намереваясь приготовить мощный омлет with everything (со всем). Боб был в наушниках, слушал музыку, идущую из портативного плеера и слегка пританцовывал, передвигая длинными худыми, неспортивными ногами. Увидев Иру, он отодвинул один наушник и представился:

— Привет, Айрин! Я — Баб, Машин бойфренд.

Боб посмотрел на Ирину сверху вниз, ничуть не смущаясь своего полуголого вида перед заморской гостьей. (На нем были лишь коротенькие шорты. Гладкую, редковолосую грудь пересекала татуировка с призывом Leave me alone! (*Оставьте меня в покое!*) Этот емкий, но выразительный лозунг, четко и всеобъемлюще отражал отношение юноши к окружающему миру.)

— Как там в Москве с погодой? Перестройка и гласность закончились? Снег уже растаял? Вы любите омлет with everything? — молодой человек задал все эти вопросы монотонно, поспешно, без выражения любознательности, просто как дань знакомству.

— Привет, Баб! В Москве — весна, почти лето. Перестройка и гласность закончились, в стране экономический кризис. Снег давно растаял. Я бы съела омлет, но у меня аллергия на яичный белок, — кратко и исчерпывающе, в тон Бобу, ответила Ира.

— Жаль! Омлет будет потрясающе вкусный. Тогда вам придется есть овсяные хлопья с молоком. Это скучная Машина диета, но другого ничего нет. Маша уехала в университет, просила вас покормить. У нее сегодня какая-то важная презентация.

— Да, да! Я знаю. Спасибо! Овсяные хлопья — то, что надо. Еще бы чашечку крепкого кофе, если можно, пожалуйста!

— OK! Сделаю, — изрек Боб, снова прикрыл ухо наушником и жестом пригласил Ирину к столу.

Знакомство состоялось. Боб уже сказал все, что полагалось из вежливости и благополучно умолк, оказавшись, мягко говоря, немногословным. Он уплетал омлет, не снимая наушников, не проявляя в дальнейшем ни малейшего интереса к заморской гостье. Не обращал на нее никакого внимания, как будто она была неодушевленным предметом. Погруженный в поедание пищи и слушание музыки, он в такт нервно подрыгивал ногой и изредка улыбался своим мыслям.

— Ну, что же... Так оно даже лучше, меньше слов — меньше ошибок в английском. Мой английский еще не созрел для более глубокой беседы. Кроме того, видимо, придется переучиваться на американский манер произношения: там, где краткий звук О, они произносят краткое А. Типа: pat (pot), Scatt (Scott), dat (dot) и т. д. А то, чего доброго, меня аборигены не поймут, — решила Ирина.

Завтрак прошел в обоюдном молчании. Боб так и не снял наушники и, почавкивая от двойного наслаждения и насыщения музыкой и пищей, уминал многоэтажный омлет, который изначально был щедро рассчитан на двоих. Ирина скромно сыпанула себе в тарелку горсть овсяных хлопьев, залила их холодным молоком пониженной жирности (видно, Маша, в отличие от Боба,

все же сидела на диете, так как в холодильнике другого молока не было) и, быстро поглотив этот традиционный американский завтрак, запила его растворимым кофе с молоком без сахара, так как настоящий крепкий кофе Боб все же не приготовил. Потом она честно вымыла посуду (свою и Боба), помахала ему рукой и показала на пальцах, что собирается уходить. Он понял, оценил ее «sign language» (язык знаков) и тоже помахал ей в ответ, типа «пока, пока».

Ну и бойфренда Машка себе нашла! Она — яркая девочка с голубыми волосами, современная Мальвина, а он — ни то, ни се. Ни Пьеро, ни Буратино. Совсем не герой из сказки. Нелепый какой-то паренек, и никакой культуры поведения за столом! Даже футболку не надел к завтраку. Нью-Йоркский дикарь! Не понимаю, как она могла в него влюбиться! Я бы точно не влюбилась! А может, они здесь все такие, с вывертом, «псевдокультурные» студенты Колумбийского университета? Впрочем, это меня не касается. Я — отнюдь не почетный гость, скорее, тип бедной родственницы, и свое место знаю. Не возникай и молчи в тряпочку. Скажи «спасибо», что не берут денег за постой.

Ирина надела свои лучшие джинсы, купленные на той же самой толкучке в Измайлове, и ветровку. Достала путеводитель по Манхэттену и двинулась для начала обозревать окрестности района Челси. Вышла на Шестую авеню, и аж дух перехватило от обилия людей, магазинов, выставочных залов, ресторанов, кафе, забегаловок и прочих элементов, составляющих бурный поток, бегущий по одной из артерий живого существа, именуемого Манхэттен.

Что делать? С чего начать свой первый день в Нью-Йорке? Жадно хотелось всего и сразу. Глаза разбегались. Сердце колотилось. Мысли путались. Просто идти по улице и подгоняемой людским течением останавливаться поглазеть на витрины? Может, заскочить в какой-нибудь магазин одежды, например вот этот — Burlington Factory — и присмотреть себе новый недорогой прикид, в котором не стыдно будет в понедельник явиться на работу? Встречают ведь по одежке. Или ну их, магазины! Еще успеется. У меня ведь есть польский брючный костюмчик, вполне приличный... В нем и поеду завтра в NYU. Не лучше ли устроить себе культурно-развлекательную программу: нырнуть в подземку, доехать до остановки Columbus Circle, заскочить в Central Park, погулять там немного по аллеям, потом подняться наверх до Metropolitan музея и прислониться к искусству? Да, да! Успею еще по магазинам. Тем более они тут рядом с домом и в таком большом количестве, аж глаза разбегаются.

Ирина достала карту метрополитена Манхэттена и попыталась понять, в какую сторону идти, чтобы попасть в сабвей. Сабвей оказался рядом. Она спустилась вниз по лестнице сомнительной чистоты, купила metrocard и стала ждать электрички. На узкой платформе, с грязными, уродливыми стенами, от которых отколупывалась штукатурка, было тесно и страшно душно. Ирина, конечно же, вспомнила московское метро с его мраморными стенами, мозаикой, барельефами и скульптурами. Как она любила родное метро за радующий глаз антураж и чистоту, за четкость почти поминутно прибывающих поездов и одновременно ненавидела за толпы бесцеремонных москвичей и иногородних, отпихивающих друг друга в часы пик, продирающихся сквозь людскую живую стену, словно сквозь джунгли, работая ногами и локтями, как мачете, лишь бы поскорей добраться до вагона и, если повезет, плюхнуться на свободное сиденье. А потом нарочно прикрыть глаза, чтобы не увидеть старушку, старичка или беременную женщину, которым надо бы уступить место.

Здесь в Нью-Йорке все спокойно, терпеливо ожидали поезда. А любоваться было прямо-таки нечем. Мозаики и барельефов — ноль. К тому же в жаркол липком воздухе стоял отвратительный запах мочи, пота, человеческих и животных выделений. Абсолютно никакой вентиляции. Чтобы как-то перефокусировать ощущения и мысли и убить время, Ирина принялась разглядывать пассажиров нью-йоркской подземки.

Какое разнообразие рас, этнических групп, религий и социальных слоев! Кого тут только нет! Настоящий человеческий винегрет! Чернокожие, белые, латинос, азиаты, мусульмане, религиозные евреи в кипах, аккуратные стройные молодые люди в костюмах, супермодные двухметровые девицы на каблуках с невообразимыми прическами (некоторые бритые наголо с огромными серьгами в ушах), неряшливые, безобразно толстые мужчины и женщины в шортах, дети в колясках и на руках у мамаш... Куда я приехала? Это и есть настоящая Америка или передо мной пока только разноцветный мультикультурный Нью-Йорк как преддверие страны.

Наконец-то подъехала электричка. И снова Ирину приятно поразило, что никто никого не отпихивал и, если случайно задевал, говорил sorry! В ответ слышалось: It's OK!

— OK! Sorry! OK! Sorry! — как музыкальное сопровождение.

Одни пассажиры спокойно вышли из вагона, другие также спокойно вошли в вагон. В поезде было прохладно, даже холодновато: кондиционер работал на полную мощность. Ирина поежилась, застегнула куртку на молнию и, на всякий случай, снова развернула перед собой карту сабвея, чтобы не пропустить нужную остановку.

Не по сезону жаркий день — не лучшее время для прогулки по Центральному парку, который находится в низине. Но Ирина была настолько очарована аллеями, причудливыми мостами, арками, идеально выстриженными лужайками, прудами и даже коваными скамейками, разбросанными вдоль дорожек и уютно притулившимися в укромных уголках огромной территории парка, что абсолютно забыла о погоде, магазинах, покупках, сабвее, мрачной спальне, выходящей окном во двор-колодец, девочке с голубыми глазами и волосами, завтраке с нелепым юнцом по имени Баб, предстоящей встрече с начальницей лаборатории... и о многом другом, что теперь заполняло ее новую жизнь. Молодая женщина гуляла по парку, вдыхала запахи густой листвы и распустившихся тюльпанов, присаживалась на скамейку и снова бродила по аллеям. И все это — парк и прогулка по нему — казались Ирине нереальным театральным действом или предысторией в сказку, в которой она была принцессой, идущей навстречу волшебным приключениям и, если повезет, то и прекрасному принцу.

На лужайках, подстелив одеяла или махровые простыни, сидели и лежали влюбленные парочки, обнимаясь и целуясь — в пределах дозволенных социальных условностей. (Без интимных ласк...) Глядя на них, Ирина остро почувствовала свое одиночество и чужестранность. Непрошенными гостями явились картинки-воспоминания прошлого: Алёша, поездки на дачу, прогулки по лесу, купание в озере, любовь на террасе под звездным небом...

Не замечая времени, она провела в парке семь часов, наскоро перекусив булочкой с сосиской в сладковатой, неострой горчице и по-немецки тушеной капусте, купленной у уличного торговца, и запила этот примитивный «ланч» пепси-колой со льдом. Идти в Metropolitan Museum уже не было сил. Да и поздновато: день перетекал в вечер.

Ирина приехала «домой» на Машину квартиру где-то в девятом часу. Позвонила в домофон. Ответом на звонок была абсолютная тишина. Ирина позвонила еще и еще раз. Никакой реакции. Неизвестно, сколько бы она еще в растерянности стояла перед входом, если бы один из жильцов дома не открыл дверь себе и ей. Поднялась на десятый этаж, позвонила в квартиру. За дверью послышалось некое шевеление, приглушенные голоса, шлепанье босых ног и, наконец, громкий Машин голос:

— Ира, это вы?

— Да!

— Я иду. Подождите минуту!

Голая Маша, завернутая в простыню, как римлянка в тогу, с тюрбаном из полотенца на голове, одной рукой открыла дверь, другой, придерживая свое одеяние, чтоб не свалилось, наскоро бросила «проходите» и пошлепала обратно в ванную. Вода продолжала литься.

— Закрой дверь! Дует! — раздался голос Боба.

Ирина поняла, что невзначай прервала какой-то весьма важный в Машиной жизни ритуал: то ли секс под душем, то ли просто душ вдвоем.

Как неловко получилась! Нет, так не годится. Маша еще чего доброго рассердится на меня за такое непрошенное вторжение в ее частное пространство. Надо попросить ключ от квартиры. Иначе наши добрые отношения будут испорчены.

Ирина так и не узнала, какое важное действо она прервала своим приходом. Просто через некоторое время в гостиной появилась почти одетая Маша и без объяснений вручила Ирине ключи от подъезда и квартиры, таким образом официально признав ее статус квартирантки.

* * *

На следующее утро Ирина, соорудив на голове при помощи бигуди, фена и мусса для укладки волос вполне профессионально-салонную прическу и добавив нежно-интеллигентный, неброский макияж, надела польский летний костюмчик х/б и отправилась в NYU на встречу со своей будущей начальницей.

Начальница, миз Тейлор (хоть и весьма далекая от красоты звездной Лиз), при первом впечатлении показалась приятной во всех отношениях женщиной лет сорока пяти. Сосредоточенность ее лица и четкость движений (ничего лишнего) выражали «одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть» — к научной работе. Она приветливо встретила Ирину, но сразу же дала понять, что ожидает от нее столь же сильной, самоотверженной, не зависящей от условий и обстоятельств, любви к науке и преданности общему делу. И вообще, рабочий день постдока не нормирован. Мол, частенько придется задерживаться до десяти вечера, а то и позже, если того требуют опыты.

— Готовы ли вы к этому, Айрин? Подумайте! Чтобы потом — ни сожаления, ни разочарования, ни жалоб!

Ирина, естественно, отчеканила:

— Yes, Madam! Биология — это смысл моей жизни. Другой жизни я себе не представляю.

Начальница обрадовалась такой пылкой готовности новой сотрудницы служить науке, коротко и понятно объяснила суть проблемы, ввела в курс дела, показала устройство лаборатории и выделила Ирине рабочее место.

Объектом исследования оставался любимый Ириной организм — пекарские дрожжи, упоминание о котором у простого обывателя мужского пола обычно вызывало прилив энтузиазма и вопросы о том, как приготовить бражку. Но для биологов это был незаменимый объект фундаментальных исследований.

На следующий день Ирина приступила к работе. Зарплату назначили аж тридцать тысяч долларов в год. (По российским меркам той поры — целое состояние!) Ирине предстояло заниматься привычным делом. И потекли рабочие будни, наполненные интенсивной лабораторной рутиной, выращиванием культур, выделением ДНК, изготовлением рекомбинантных структур, конструированием штампов, несущих заданные точечные мутации и бесконечные рассевы мутантных штампов с последующими подсчетами тысяч колоний на чашках Петри, которые небоскребами громоздились на лабораторном столе.

Первое время работать было интересно и легко. Поражала доступность всего: расходных материалов, энзимов, новейшего оборудования. Давно уже

Ирина не трудилась на таком подъеме. Она чувствовала себя нужной, компетентной, творчески активной и безмерно счастливой. А ненормированный рабочий день она воспринимала как необходимую данность, без которой в настоящей науке просто не обойтись. Ирина приходила в лабораторию к десяти утра и возвращалась домой иногда в десять, а то и в одиннадцать вечера, наскоро съедала купленный в кулинарии ужин, смотрела телевизионные новости в Машиной гостиной и где-то к часу ночи ложилась спать, чтобы завтра снова на таком же энтузиазме повторить трудовой день.

На работе царила исключительно деловая обстановка. Каждому сотруднику полагался один час на ланч и два брейка по пятнадцать минут. И все. Иногда не удавалось использовать даже это официально свободное время. Ирина частенько заказывала на ланч Chinese и быстро поглощала ломейн или чоумейн с мясом или креветками в предбаннике к лаборатории, так как по времени не успевала в университетскую столовую.

Лимитированный английский язык и чужестранный менталитет Ирины порождал некую скованность и замкнутость в отношениях с коллегами. В результате — дружбы с сотрудниками внутри лаборатории Ирина так и не завела, хотя люди вокруг были вежливые, доброжелательные и столь же преданные биологии. Она с ностальгической печалью вспоминала московские институтские чаепития и задушевные разговоры: о личном, литературе, культуре и политике.

Однажды Ирине все же повезло: в университетской столовой она познакомилась с молодой русскоязычной женщиной из соседней лаборатории — Светланой, по-здешнему — Ланой. Несмотря на разницу в возрасте (Лана была на восемь лет моложе), они сразу подружились. Теперь почти все уикенды проводили вместе. Лана, по сравнению с Ириной, была настоящей «старожилкой» Нью-Йорка (работала в университете уже целых два года), знала, куда пойти в выходной, чтобы наилучшим образом провести досуг. Правда, понятие «наилучший досуг» у них часто не совпадало. Ирина предпочитала прогулки и интеллектуальные развлечения: музеи, кино и картинные галереи, а Лана — кафе, бары, шоппинг и ночные клубы. Поэтому, чтобы не ссориться, одной из них (по очереди) приходилось идти на компромисс в выборе, куда податься.

Сближало женщин одиночество. Лана недавно рассталась со своим американским другом, не оправдавшим ее надежд на замужество или хотя бы более прочные партнерские отношения, чтобы жить в одной квартире и вести общее хозяйство. Ирина еще не успела приобрести бойфренда, но сначала подспудно, а потом настоятельно, осознанно начала уже об этом подумывать... Алёша был за пределом физической досягаемости и на ночном небосклоне Нью-Йорка тускло светился маленькой далекой планетой. Хотелось надежного друга рядом и сейчас.

Женщины зарегистрировались в русском брачном агентстве на Брайтоне. Составили сногсшибательные биографии, сфотографировались у профи-фотографа. Ждали... Одновременно покупали русские газеты и воскресное издание Daily News и New York Post с объявлениями знакомств. Выбирали кандидатов, подходящих обеим, звонили, писали. Русскоязычным мужчинам звонила Ирина, с англоязычными вступала в «дипломатические переговоры» Лана (у нее был расширенный английский словарный запас и бо́льший опыт общения с американцами). Если мужчина нравился на слух, бросали жребий, кому идти на свидание. Благо внешним обликом Ирина с Ланой были схожи: обе высокие, кареглазые шатенки с длинными волосами до плеч.

Первым кандидатом наметился сорокалетний американский почтальон. Лана провела с ним несколько вступительно-ознакомительных бесед и в итоге благожелательно изрекла:

— OK! Надо рискнуть. Голос приятный, молодой. Говорит вроде грамотно. Здешние почтальоны в почете, не то что у нас в России. На почтовой службе

в Америке держится бизнес и вообще… вся страна. Желающие стать почтальонами сдают трудный государственный экзамен, их тщательно отбирают. Это — ответственные, надежные люди и, кстати, они неплохо зарабатывают, что немаловажно в дальнейшем… общении.

Ирина засомневалась, иронически улыбнулась, но потом все же согласилась, что попробовать можно.

С кого-то ведь надо начинать… Лане он пришелся по душе. Пусть она и идет в разведку.

Но так случилось, что в назначенный день Лана заболела. Насморк, кашель, распухший нос, отечные веки… Куда там идти знакомиться! Можно было, конечно, почтальону все объяснить и перенести свидание на следующий уикенд, но женщин распирало любопытство, и они решили не терять времени даром для прояснения ситуации и вынесения «приговора». Значит, знакомиться должна пойти Ирина. Будет меньше говорить, больше слушать.

Встретились в кафе на Шестой авеню. Почтальон оказался мощных размеров в высоту, широкоплечий, с большими ладонями и бицепсами, выпирающими из рубашки с коротким рукавом. Наверное, мог толкать тележку с почтой играючи. В общем, пан спортсмен.

— Привет! Я — Майк, — представился мужчина и сразу с важностью уточнил, что он католик ирландского происхождения. Его этническую принадлежность наглядно иллюстрировали рыжина шевелюры и зелень глаз.

— А я — Ири-Лана, — вырвалось у покрасневшей Ирины.

— Не понял. Как вас зовут? Вы вроде по телефону другое имя называли, и голос у вас был более низкий с хрипотцой, — почтальон почесал огненный затылок, удивился и слегка нахмурился, подозревая подвох.

— Вам показалось, Майк. Меня зовут Ирилана! — уже более уверенно врала Ира. — Назвали в честь прабабушки. Она была известная актриса. Это полное имя. Можно сокращенно называть Ирой или Ланой. Как вам больше нравится. А голос… наверное телефон искажает. И-и-и… у меня в этот день болело горло. — Ира постепенно входила в роль женщины с новоизобретенным экзотическим именем Ирилана и перестала запинаться и краснеть.

— А вам самой какое имя больше нравится?

— Зовите лучше Ирой, — благоразумно решили Ирина.

Так, на всякий случай. Может, это не последнее наше свидание. Впрочем, огненно-рыжие мне никогда не нравились. Не мой типаж. Я люблю шатенов с голубыми глазами, как у бывшего мужа и у Алёши. Но нельзя вот так просто взять и уйти. Надо пообщаться, подумать, прислушаться к своей интуиции. Получить какой-то американский опыт blind date. Пока что я успешно проделывала опыты исключительно с дрожжами.

Они заказали по чашечке кофе с итальянскими пирожными канноли. Ирина сразу заявила, что будет платить за себя. Майк не возражал и даже как будто обрадовался.

О американская скаредность! Вот уже и ярлыки вешаю местным мужчинам. Назову это качество бережливостью.

Особого общения не получилось. Ирина пила кофе, заедая любимым пирожным, и молчала, предоставляя инициативу беседы Майку. А Майк оказался не только скупым на деньги, но и на слова. После несколькоминутного молчания Майк заговорил о своей службе.

— Отлично у нас почта работает, правда?

— О да! — с готовностью и несколько восторженно подтвердила Ирина.

— А как у вас там в России дела обстоят с почтовым сервисом?

— Плохо! Даже ужасно, можно сказать, — совершенно искренне пожаловалась Ирина. Тут врать не пришлось. — Письма теряются, посылки крадут. Осо-

бенно, если из-за границы. Почтальоны зарабатывают жалкие гроши и сильно не напрягаются.

— Да что вы! Значит, в стране беспорядок.

— Беспорядок — не то слово! Полный… э-э-э бардак! — резюмировала печально Ирина без преувеличения и развела руками. Слово «бардак» она так прямо и перевела «brothel», так как другого подходящего эквивалента не нашла. Не хватило словарного запаса. А могла бы сказать просто mess (беспорядок).

Майк удивился такой резко отрицательной оценке почтового сервиса и позволил себе усомниться:

— Значит, в стране сплошная проституция. Не может быть! Куда смотрит полиция и правительство?

— Полиция и правительство тоже продажны.

— Это все последствия перестройки и гласности! — уверенно резюмировал почтальон.

— Именно! Как вы догадались? У вас потрясающая проницательность!

— Я не только почту разношу! Смотрю телевизионные новости и читаю газеты, — с гордостью и достоинством сказал Майк.

Исчерпав тему почтового сервиса и покончив с пирожным, Майк ощутил физическую и духовную брешь в дальнейшей беседе. Он посмотрел на часы и покачал головой. Возможно, спешил по делам или на другое свидание.

— Простите, Ира, но мне пора. Вы очень красивая русская девушка, и я вам непременно позвоню, — подвел итог встречи Майк.

— Звоните! Буду ждать! — с деланным энтузиазмом, торжественно пообещала Ирина.

Они попрощались у выхода из кафе. Майк уехал на велосипеде. Ирина погрустнела, осознав ненужность и бесперспективность дальнейшего общения с представителем почтового ведомства. Приговор был окончательным и обжалованию не подлежал.

Непривлекателен внешне, к тому же абсолютный примитив. Конечно, внешность по телефону не распознаешь. Но тут же явное отсутствие интеллекта. (И… у него даже машины нет. Приехать на свидание с девушкой на велосипеде! Оригинально до идиотизма. А если бы я захотела куда-нибудь с ним поехать! Он что, на багажнике бы меня повез по Манхэттену или на раме? Беден и скуп в придачу.) Узкий кругозор и полное отсутствие юмора. Не понял мою иронию по поводу проницательности. Неужели Ланка этого не почувствовала, когда разговаривала с ним по телефону? И ведь она целых пятнадцать минут на него потратила. Интересно, о чем они говорили? Ну, я ей устрою!

Майк, слава богу, больше не звонил. Видно, нашел себе другую девушку, ближе по сердцу и уму, спортсменку-велосипедистку.

Решимость наказать Лану за свиданье с рыжим почтальоном сразу отошла на задний план, когда вечером совершенно неожиданно Маша открытым текстом заявила Ирине, что ей «придется подыскать себе новое жилье, так как они с Бабом (и прежде всего он, Баб) ощущают нехватку личного пространства и комфорта. Проще говоря, присутствие Ирины нарушает их privacy и они не могут испытать счастье и любовь в полной мере своих чувств. И это может отрицательно сказаться прежде всего на э-э-э… потенции Баба, преждевременной эякуляции, отсутствии оргазма у нее, Маши, и в итоге — на угасании их отношений». Маша, как будущий психолог, любила употреблять научные термины и ставить точки над i.

— Да, да! Я понимаю. Конечно. Спасибо, Машенька, что ты приютила меня на первые несколько месяцев. С сегодняшнего дня начинаю искать квартиру, — растерянно пробормотала Ирина.

— Вы на меня не обижаетесь? Если бы не Баб, я бы…

— Ну, что ты, детка! Какие могут быть обиды? Женское счастье превыше всего, — уже бодрее сказала Ирина и обняла Машины костлявые плечи, таким образом закрепив дружбу и выразив благодарность за гостеприимство.

* * *

И начались поиски нового жилья: недорогой студии (по-русски — однушки) или, на худой конец, отдельной комнаты в квартире. Манхэттенский район Челси в связи с дороговизной жилья сразу отпал. Оставались Бруклин, Квинс или Вашингтон-Хайтс, что на севере Манхэттена. Уезжать из Манхэттена — центра культурной жизни большого Нью-Йорка — не хотелось. Ирина выбрала Вашингтон-Хайтс.

Приемлемая студия, по Ириным понятиям и финансовым возможностям, должна быть не дороже семисот долларов в месяц. Нашлась таковая на третьем этаже четырехэтажного дома без лифта в смешанном черно-латино-белом районе, слава богу, рядом с сабвеем. После артистического Челси это был значительный шаг назад, почти сдача позиций.

Дом недавно отметил свое столетие. Он был стар, увы, не той благородной старостью, которую берегут, поддерживают, сохраняют и демонстрируют как памятник архитектуры, с гордостью называя landmark. Хозяин дома обращал на свою собственность катастрофически мало внимания, разве что регулярно взимал ренту с жильцов и, когда жильцы менялись, приказывал суперу сделать легкий, так называемый суперский ремонт квартиры, так как этого требовал закон о сдаче жилья в аренду. Стены фойе и лестничной клетки выцвели и потрескались, обнажая серую штукатурку. Пыльные, местами отколотые ступени мылись исключительно по большим праздникам, но мусор все же исправно сортировался, собирался в черные и голубые мешки и в определенные дни выставлялся перед фасадом на тротуаре, так как рачительный хозяин старался избежать штрафа от городской службы. Супер — широкоплечий, низенький, квадратный мексиканец, чья непомерно густая шевелюра оставляла лишь узкую полоску лба — занимал бесплатную трехспальную квартиру на первом этаже, где проживал вместе с огромной семьей. Зыбкое количество членов этого клана никто из жильцов не мог определить и подсчитать. Одни убывали, другие прибывали. Одни рождались, другие исчезали, навеки растворялись в городской толпе. Легальность их статуса никто не проверял.

Супер явно не был членом профсоюза. Он получал мизерную зарплату, мягко говоря, не трудился на совесть и большую часть рабочего времени пил текилу, спал, плодил детей или находился на разных подработках вне досягаемости жильцов. Когда в квартирах что-то выходило из строя: текли трубы, краны, засорялись стоки, перегорали лампочки на лестничной клетке (а случалось это довольно часто), дозвониться ему не было никакой возможности. А если дозванивались, меньше чем за десятидолларовый «аванс» он с места не сдвигался.

Какое убожество! Настоящее дно! Отстой! Особенно по сравнению с Машиным престижным кооперативным домом. И даже по сравнению с нашей безликой блочной высоткой в Измайлове. Докатилась! Кому рассказать в Москве, не поверят, а если и поверят, посоветуют возвращаться домой. Но почему я должна об этом писать в Москву? Через год я непременно выберусь из этого стойла. А пока на более дорогой вариант я претендовать не могу, иначе на жизнь останутся копейки. Я ведь еще хочу подарки в Москву посылать и подкопить денег на жизнь. Но квартиру обустроить все же надо, создав себе минимум, нет, максимум удобств. Иначе зачем я тогда в Америку приехала? Работать и страдать? — рассуждала Ирина и хмурила мягко подведенные брови.

Лана активно помогала Ире обставить квартирку. Вместе они выбрали недорогой диван-кровать и небольшой стол с четырьмя стульями. (Вдруг кто-то в гости соберется? Например Маша с Бобом или новоявленный бойфренд.) Накупили разных хозяйственных причиндалов и мелочей для кухни и ванной. Наведение уюта завершилось пластиковой шторкой-жалюзи в кухне и веселенькой (для поднятия настроения) занавеской в комнате.

Отмечали новоселье вдвоем за бутылкой шампанского, с удовольствием уминая ностальгический *Киевский торт* производства местной русской пекарни. Лана произнесла тост:

— Пусть в этой непритязательной студии, которую мы превратили в уютное гнездышко, тебе, подруга, будет тепло и хорошо, физически и душевно. Отдыхай, высыпайся и не думай о дрожжах. Клетки в итоге все равно вырастут. Это их единственная жизненная функция. А у тебя еще есть функции другие... Пусть тебе здесь улыбнется счастье! Завтра же продолжаем охоту на слонов, то есть на бойфрендов.

— Спасибо, Ланочка! Как хорошо, что ты у меня есть! — Ирина почти прослезилась, хоть и не отличалась сентиментальностью.

В девять вечера Лана уехала к себе, оставив Иру наедине с размышлениями о том, что день грядущий ей готовит. Но сначала была ночь...

Усталая Ира приняла душ, разложила диван-кровать, постелила новое постельное белье и легла спать. Только она уснула, как над ее головой что-то бухнуло, да так громко, будто произошел взрыв или уронили шкаф. Далее послышались удары кулаков и пинков о человеческое тело, ругань и истошные женские вопли. «A-a-a! Fuck off, you stupid drunk! It hurts! My God!» (Отъе...сь, пьяный дурак! Мне больно! О Боже!)

Ну прямо, как у нас в Измайлове. Разве что матерятся и призывают высшие силы по-английски. Что делать? Может, вызвать полицию? Или подождать, пока драчун выдохнется и ситуация рассосется сама по себе?

Удары и вопли продолжались. Ирина смотрела на часы и чертыхалась. В конце концов кто-то все же вызвал полицию. Послышался пронзительный вой сирены. Громкие голоса полицейских. И снова женский плач. Грохнула входная дверь. Потом все затихло.

Наверное, чей-то разбушевавшийся муж или бойфренд загремел в участок. Какая здесь жуткая слышимость! Как будто все происходит у меня в квартире. Интересно, кто живет надо мной и как часто они выясняют отношения. Влипла я с этой дешевой студией! Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной! Подписала договор на год. Дала депозит. Придется потерпеть... Ох! Вот не везет!

На этой неутешительной мысли Ирина снова заснула. И приснился ей огромный рыжий почтальон Майк. Он протягивал ей письмо из Москвы, качал головой и говорил:

— Вот письмо из Москвы от Алёши. Возвращайся домой. Зачем ты меня обманула? В России почта отлично работает.

Почтальон Майк, письмо от Алёшки. Какой бред! Что бы это значило? Надо позвонить Алёше. Но не сегодня. Для такого тонкого дела нужен особый настрой. Как-нибудь потом...

В эту первую ночь на новой квартире выспаться как следует не удалось. В семь утра привычно зазвонил будильник. Нужно было вставать, приводить себя в рабочую готовность и ехать в NYU. В квартире наверху стояла зловещая тишина, как это бывает после погромов и боев на поле сражения.

Когда Ирина выходила из подъезда дома, к ней обратилась молодая чернокожая женщина с вытравленными в желтый цвет спутанными волосами и распухшим (в синяках) лицом. Один черный глаз казался огромным по сравнению с другим, заплывшим от фингала:

— Это ты — новенькая русская, которая живет под нами в квартире 3 В?

— Да, я! А что?

— Это ты вчера вызвала полицию? Признавайся!

— Нет, полицию вызвал кто-то другой.

— Врешь, сука! Fuck you! Мы слегка выпили вчера с мужем, повеселились и поспорили. Наверное, разбудили тебя, и ты вызвала полицию. Моего мужа из-за тебя забрали в участок. Сечешь?

— Никакой полиции я не вызывала, хотя, честно говоря, хотела. Извините, мне пора на работу. Дайте пройти, пожалуйста!

— Да кто ж тебя держит! Значит, это сделала гадина Долорес с нашего этажа. Ладно, я с ней потом поговорю. Поверю тебе, ради знакомства, на первый раз. Только смотри, на будущее, никакой полиции не вызывай, лучше постучи нам в потолок. Мы сами без полиции разберемся в наших семейных делах. Вызовешь копов, тебе же будет хуже. Такую ночку тебе устроим — пожалеешь, что на свет родилась! Это я обещаю. Сечешь?

— Ага! Куда уж яснее?

— Ну все! Не злись. Меня зовут Дороти, а тебя? — уже миролюбиво добавила соседка сверху и улыбнулась, обнажая дырку от, видимо, выбитого зуба. Она была на редкость отходчива.

— А меня — Айрин.

— Соседи должны быть друзьями и помогать друг другу. Если что надо, заходи. Без проблем! Выпьем пивка, поболтаем. Я почти всегда дома, смотрю видик и жду, когда забеременею. Что-то у нас с этим делом не клеится, — подытожила Дороти.

— Забеременеешь. Какие твои годы! Хорошего дня!

— What a day! (Ну и денек!) Хорошим его точно не назовешь. Пропащий, гребаный день. Сейчас поеду мужа из участка вытаскивать.

— Ты бы сначала съездила в больницу, показалась врачу или хотя бы синяки замазала жидкой пудрой. Заявишься в участок в таком виде, мужу точно не поможешь. Твое лицо — наглядное свидетельство побоев, — участливо посоветовала Ирина.

— И то правда! А ты, оказывается, девка что надо. Мы непременно подружимся.

— Сто процентов! — подтвердила Ирина и в который раз подумала:

О Господи! В какое дерьмо я влипла! Не за этим я в Америку ехала. Придется как-то приспосабливаться...

Во время ланча Ирина встретилась в кафе с Ланой, чтобы продолжить разработку плана поисков подходящих бойфрендов. Она рассказала подруге о событиях прошедшей ночи, ожидая сочувствия и совета, как ей теперь быть с соседями. Реакция Ланы была для Ирины неожиданной:

— Ну что ж, ты начинаешь познавать глубины нью-йоркского дна. Держись, подруга! То ли еще будет! — в голосе Ланы вместо сочувствия прозвучала ирония и даже насмешка. Ее словно подменили. Прежде округло молодое, с натуральным (без макияжа) румянцем лицо, побледнело, осунулось и «потекло» вниз. Носогубные складки обострились, под глазами чернели мешки. Глаза сузились и вместо обычной доброжелательности сверкали сердитыми огоньками.

— Что ты имеешь в виду? Зачем ты меня пугаешь? Ты заболела? Неважно выглядишь, — участливо сказала Ирина.

— Я вполне здорова. Просто не выспалась, как и ты, но по другой причине. Мама звонила из Питера: папа в больнице. Плохие дела... Нет рабочего настроя. Я хотела даже остаться сегодня дома и взять больничный, но все же решила идти на работу, чтобы отвлечься от грустных мыслей. И... я тебя не пугаю, а предупреждаю. Этот город — далеко не райский сад. Кто назвал его «городом желтого дьявола»?

— Максим Горький.

— Вот именно! Я знала, но забыла. Не питай иллюзий, что все у тебя будет гладко, — Лана криво усмехнулась. — Так, я, кажется, завелась. Давай лучше сменим тему. Что там у нас на мужском фронте?

На «мужском фронте» были две кандидатуры: клиент брачного агентства, тридцативосьмилетний русскоязычный инженер Влад и автор газетного объявления — американский сорокапятилетний бизнесмен Гарри. Ирина позвонит Владу, Лана берет на себя обработку Гарри. Потом они обменяются впечатлениями. Все, казалось бы, шло по плану, по накатанным рельсам, но настрой активного поиска счастья явно дал сбой. То ли бессонные ночи лишили наших героинь авантюрного драйва, то ли августовская жара ударила в голову.

Зачем мне нужен этот русскоязычный Влад? Наверное, типичный советский инженер. Примитив с высшим образованием. (Но мой Алёша тоже инженер и вовсе не примитив!) Пустая трата времени. Найти подходящего по всем параметрам бойфренда — все равно что выиграть миллион в лотерею. Я — кандидат наук, самостоятельная, самодостаточная женщина и прекрасно могу обойтись без пары брюк, шагающих рядом. И вообще, я совсем не хочу закрепляться в Америке. Моя семья в России. И Алексей! Вот заработаю побольше денег и вернусь домой. А куда я вернусь? В науку, которая там никому сейчас не нужна и за которую не платят денег? — рефлексировала Ирина.

— На кой черт мне нужен этот Гарри? Наверное, еще один тупой, самодовольный, развратный американский козел. Как тот меня вчера… Еле ноги унесла! Как же мне все это осточертело! Идеалистка Ирка думает, что американское счастье ждет ее за углом, дождаться не может! Даже не смешно! Сначала тебя вываляют в грязи, унизят, потом будешь долго отмываться и только, если очень повезет, после многочисленных проб и ошибок, найдешь подходящего мужика, и тот жениться не захочет. И никакой там не принц-миллионер в белом Кадиллаке, а просто обычный средний мужчина. Фильм «Pretty Woman» — сказка для наивных дурочек, — думала с горечью Лана.

* * *

Где-то неделю в доме было тихо, если не считать равномерного поздне-вечернего скрипа кровати, сопровождаемого любовными стонами.

Дороти активно старается забеременеть. Но тут уж ничего не поделаешь! Как же без секса? Секс — основополагающая сторона жизни. Да, но я же обхожусь без него. Обходишься пока, но все равно ищешь достойного самца. Не строй иллюзий по поводу своей исключительности. Научные опыты с дрожжами не заменят личную жизнь.

Ирина относилась к сексуальным играм соседей с пониманием и даже слегка заводилась сама. Наивная, она хотела верить, что впредь так и будет: сначала секс со стонами, потом тишина. Приходила домой, принимала душ, переодевалась в любимое кимоно, ужинала и расслаблялась за сериалом перед маленьким телевизором с антенной, который нашла на улице рядом с домом. И — о, радость! Телевизор работал! Напрашивался вывод:

Если в нашем районе народ выбрасывает на улицу хорошие телевизоры, значит, этот народ не такой уж и бедный. Или… я чего-то недопонимаю в менталитете аборигенов?

«Небедный» народ днем не показывался, отсыпался или отбывал на заработки и выползал на улицу только ближе к закату. Выносили складные стулья, усаживались семьями перед домом для общения и распития пива в приятной вечерней прохладе. Из раскрытых настежь окон грохотала зажигательная латиноамериканская музыка или ненавистный Ирине рэп. Иногда это происходи-

ло одновременно из двух окон, одна мелодия уродливо накладывалась на другую. Рождалась музыкальная какофония, но это обитателей дома не смущало. Покой нашей героине только снился. По субботам и воскресеньям музыкальная программа начиналась где-то в полдень и продолжалась аж до поздней ночи. И стар и млад выносили мангалы, готовили BBQ. Чтобы не оглохнуть, избежать головной боли и не свихнуться, Ирина старалась по уикендам как можно раньше убежать из дому и как можно позже вернуться домой. Ночные поездки в сабвее ее не смущали.

— Эй, Айрин, куда спешишь, девушка? Посиди с нами, выпей пивка! — звала Дороти.

— Спасибо! Сегодня не могу. Как-нибудь потом, — изворачивалась Ирина, чтобы не обидеть соседку.

Встречу с русскоговорящим Владом Ирина назначила у входа в Брайант парк, что за углом от Центрального здания Нью-Йоркской публичной библиотеки.

Убить сразу трех зайцев. Познакомиться с Владом, поланчевать на свежем воздухе на фоне приятного ландшафта и заскочить в библиотеку.

Будучи научным работником, Ирина продолжала оставаться книжным червем, в чем они с Ланой кардинально расходились. Последняя, живя в Америке, книжного червя из себя решительно выдавила, отдавая предпочтение тряпкам и развлечениям. Напрашивались сомнения:

Может, и выдавливать было нечего? Может, и диссертацию за нее написал кто-то другой. Такое в России случалось сплошь и рядом. За приличные деньги там для тебя накатают хоть кандидатскую, хоть докторскую. Но мне-то какое дело? Я Ланку ценю как подругу, а не как научного работника! А вот, кажется, и Влад подошел. По описанию похож. Симпатичный, слегка лысеющий, в очках. С букетом цветов! Галантный! Это не почтальон Майк!

— Простите, вы — Ирина?

— Да! А вы — Влад?

— Он самый. Букет вам, — он протянул Ире цветы. Его рука заметно дрожала.

Волнуется… Это хорошо или плохо? Не уверен в себе. Что лучше: неуверенность в себе или самоуверенность? Не знаю. И то и другое — недостаток для самоутверждения личности. Почтальон был довольно самоуверен. И что? Алёше не хватало уверенности в себе, и меня это раздражало. Зато я была уверена в его любви ко мне.

— Спасибо за цветы!

— My pleasure. I am glad you like it. (Мне приятно. Я рад, что вам нравится.)

У него отличное произношение, и он хочет это продемонстрировать. Хвастунишка!

— Мы с вами будем говорить по-английски? Русского языка вам для общения недостаточно? — Спросила Ирина.

— Да нет! Зачем же? Это я так… Просто я в Америке очень давно живу, и английские слова иногда сами по себе вылетают. Я приехал сюда подростком, окончил здесь школу и колледж. Английский язык стал первым. Чудом удалось сохранить русский. За это я благодарен своим родителям. У нас дома говорили по-русски, — охотно объяснил Влад.

— А я приехала сюда в мае по рабочей визе. К сожалению, у меня пока английский не на высоте. Но ведь вы мне сможете помочь, если мы э-э-э… подружимся. — Ирина улыбнулась. Ей понравилось вступление к знакомству — с букетом цветов. И сам Влад производил приятное впечатление воспитанного человека.

Не красавец! (Так! Красивый муж-алкоголик у меня уже был. И Алёшка тоже не красавец, просто симпатичный, но я его любила. Любила, да разлюбила? Не хочу анализировать свои чувства. Мне вполне хватает научного анализа на работе.) Зато симпатичный, интеллигент. Похоже, неглупый и мягкого характера. Продолжим знакомство.

— Что за вопрос? Конечно помогу, если мы… подружимся. Как вы хотите провести время? Предлагаю прогулку по городу, кафе, кино, музей.

— Отличная программа! Начнем с прогулки.

Они провели вместе целый день: выпили по чашечке кофе за столиком в Брайант парке, прошвырнулись по Пятой авеню, заскочили в кинотеатр на новомодный боевик и завершили выходной день ужином в итальянском ресторане. Ирина хотела заплатить за себя, но Влад, как истинный джентльмен, не позволил ей это сделать. Довольные знакомством, они договорились созвониться на неделе. Влад предложил проводить ее до дому, но она отказалась, мотивируя тем что еще не так поздно и от сабвея до ее дома всего-то пять минут ходьбы. На самом деле, ей не хотелось в первый день знакомства показывать Владу, в каком отстойнике она живет.

В девять вечера Ирина вышла из сабвея и не спеша направилась к дому, прокручивая в голове приятные события прошедшего дня. Она не успела сделать и десяти шагов, как кто-то сзади грубо, удушающе обхватил ее за шею:

— Молчи, сука! Будешь орать — прирежу!

— Чего тебе надо? — пробормотала она.

— Сумочку давай. А дальше посмотрим, — многозначительно сказал молодой чернокожий парень, мигом развернул Ирину к себе лицом и рванул ее сумку.

Ирина была крупной женщиной, в юности она занималась художественной гимнастикой, играла в волейбол, и сила в мышцах еще не ослабла. Не так-то легко было с ней справиться, да и не привыкла она по жизни сдаваться без борьбы. В сумке лежало удостоверение личности NYU, кошелек с двадцатидолларовой купюрой, кредитная карточка, metrocard и косметичка. Не такие уж большие ценности, чтобы из-за них подвергать свою жизнь опасности. Но Ирина об этом не думала, она инстинктивно еще крепче вцепилась в сумочку, наподдала грабителю коленом в пах и закричала:

— На помощь! Помогите кто-нибудь!

— Ах ты, сука, сама напросилась! — рявкнул парень и, превозмогая боль в паху, ударом кулака под дых свалил Ирину на землю. Ударившись головой о мостовую, женщина потеряла сознание.

* * *

Очнулась Ирина в отделении скорой помощи городской больницы. Открыла затуманенные глаза и увидела рядом на стуле около своей кровати соседку Дороти, которую муж отколошматил, «подарив» Ирине первую бессонную ночь на новой квартире.

— Ой, гляди-ка, очнулась наша Айрин. Ну, слава богу!

— А что произошло? Я смутно помню.

— Какой-то подонок тебя ограбил и избил. Мы с мужем вышли вечером на улицу прохладиться и увидели тебя лежащей в отключке на мостовой. Сразу вызвали полицию и *Скорую*.

— Спасибо, Дороти! Но ты же вроде не любишь вызывать полицию, — Ирина попыталась улыбнуться.

— Да, не люблю, когда копы влезают в наши семейные разборки, но когда я вижу свою соседку, избитую и ограбленную на мостовой, я сама вызываю полицию. Разницу сечешь?

— Секу. Спасибо! — еще раз сказала Ирина.

— Не за что! Я все рассказала полицейским, как мы тебя нашли… Ты можешь описать того гада, который на тебя напал?

Ирина закрыла глаза, пытаясь вспомнить лицо преступника.

— Нет, не могу. Как-то все очень быстро произошло. Моментально. Да и темно было.

— Ну хоть какой он был: черный, белый, азиат, латинос?

— Чернокожий, Дороти. Я... без расистских предрассудков. Мне очень жаль... Но парень был чернокожий.

— Ха! Удивила! А я и не сомневалась, так спросила, на всякий случай! Сколько этих ублюдков среди наших! Ты больше так поздно ночью одна не ходи. У тебя муж есть или бойфренд какой-нибудь? Пусть он тебя встречает.

— Пока нет. Не завела. Но работаю над этим.

— Давай, работай быстрей! А то того и гляди можно на тот свет отправиться раньше времени или оказаться по гроб жизни в инвалидном кресле. В нашем райончике это проще простого. Ну ладно, я поехала домой. Давай, выздоравливай. Когда выпишут, если что надо, заходи в любое время.

— Спасибо, Дороти! Ты — настоящий друг!

Ирина пролежала в больнице несколько дней. Оказалось, что она еще легко отделалась — обычным сотрясением мозга. Череп и позвоночник остались целы.

Приходили полицейские, задавали вопросы, принесли с собой альбом с фотографиями местных грабителей, которые уже привлекались к суду по схожим обвинениям и отсидели свой срок. Ирина пристально вглядывалась в их лица, вспоминала детали того злополучного вечера, но так и не смогла опознать преступника по фотографии.

Они все для меня почти на одно лицо. Ну, допустим, вот этот с мерзкой рожей вроде похож на того гада. Допустим, я скажу «да, он самый!» и покажу на него пальцем. Его посадят, а, на самом деле, окажется, что парень в моем случае не виноват. Меня же совесть замучает. Нет, я так не могу!

— Темно было. Трудно разглядеть черты лица в темноте, — повторяла Ирина.

* * *

Лана, хоть и не желала больше никому звонить, но пересилила себя и набрала номер Гарри. Она ожидала услышать простоватую речь с характерными бруклинскими словечками, типа «I aks» вместо «I ask» и т. д. Но мужчина неожиданно заговорил приятным баритоном на грамотном английском языке не с бруклинским, а скорее с классическим бостонским произношением. Гарри предложил встретиться в русском ресторане «Татьяна», что на Бордвоке. Он даже сказал, что может заехать за Ланой на машине и отвезти ее в Бруклин, но Лана отказалась.

Все же надо сначала познакомиться с мужчиной, а потом уж садиться в его машину. Осторожность не помешает. Сколько раз я уже нарывалась на неприятные ситуации...

Гарри обещал, что закажет столик на свое имя и будет ждать Лану. Ее такой вариант вполне устраивал.

Ресторан «Татьяна» довольно дорогой, славится вкусной и разнообразной пищей. Не какая-нибудь там забегаловка. Значит, этот Гарри не жлоб, разбирается в ресторанах и знает, как ублажить душу и желудок русской женщины. Может, мне наконец-то повезет, — надеялась Лана.

Лана намеренно слегка припозднилась и приехала на место не к восьми вечера, как было условлено, а в полдевятого.

Пусть подождет — радостнее встретит.

Официант подвел ее к столику, заказанному на имя Гарри. При виде Ланы Гарри встал, вежливо поклонился и даже ручку ей поцеловал на европейский манер. Среднего роста, плотной комплекции голубоглазый шатен с несколько размытыми чертами лица, незапоминающейся внешности. Одет с иголочки

в дорогой костюм модного покроя. На мизинце правой руки нарочито сверкал зеленым камнем массивный перстень.

Кто он? Богатый бизнесмен с честно нажитым капиталом, аферист, игрок, мафиози, альфонс, брачный аферист, ловец красивых женщин? Посижу в ресторане, познакомлюсь, потанцую. Кругом люди. Уйти всегда успею. От меня не убудет. Почему он так пристально смотрит на меня?

— Дорогая Лана, вы неотразимы. Я счастлив провести с вами этот вечер.

— Спасибо! Красиво говорите! Похоже, вы опытный ловелас, — хихикнула Лана.

— Вы правы, в мои года, мужчина естественно приобретает некий опыт общения с хорошенькими женщинами. Разве это плохо? — он буквально впился в нее взглядом.

— Я не говорю, что это плохо. Почему вы на меня так пристально смотрите?

— Мне кажется, я вас где-то видел, мы с вами где-то пересекались или встречались в одной компании.

— Не думаю. Впрочем, все возможно. Но я точно вас не знаю!

— Да? — Гарри закрыл глаза, пытаясь вспомнить, где он видел эту молодую яркую женщину. Он сидел с закрытыми глазами довольно долго, целую минуту. Потом, видно, что-то вспомнил, открыл глаза и улыбнулся, нет, скорее ухмыльнулся, осененный догадкой, но вслух ничего не сказал.

Гарри заказал плотный изысканный ужин с красной икрой, разными салатами, шашлыками и шампанским. Не пожалел денег. Поговорили о том, как трудно в жизни отыскать свою вторую половину, о том, что счастье постоянно ускользает из рук, но мы не теряем надежды и продолжаем его бесконечные поиски. Больше говорил он, она отпускала короткие ремарки, кокетничала, играя броско подведенными глазами. Немного потанцевали, выпили дополнительно по рюмке коньяка, заказали на десерт кофе с пирожными и в первом часу ночи собрались уходить.

— Я вас подвезу. Не могу отпустить женщину одну в сабвей в такой поздний час.

— Спасибо! Я воспользуюсь вашим любезным предложением. Лана расслабилась, села в его машину и назвала свой манхэттенский адрес. Она была слегка пьяна и то ли от смеси шампанского с коньяком, то ли от усталости задремала.

— Просыпайся, красотка! Все! Приехали. — Услышала она голос Гарри. Машина резко затормозила.

— Где мы? Я что-то не узнаю этот район.

— Мы на Лонг-Айленде у моего дома.

— Но я же просила вас отвезти меня домой и сказала свой адрес в Манхэттене. Зачем вы привезли меня сюда?

— Ты мне понравилась. Не строй из себя невинную овечку. Я тебя знаю. Очень хорошо запомнил. Ты танцуешь go-go-dancing в ночном клубе на 50-й улице. Сколько раз я сувал доллары в твои очаровательные бикини и трогал твою попку и животик! Ты меня до чертиков возбуждала, киска!

— Вы ошибаетесь! Я серьезный научный работник в NYU и не танцую go-go dancing в ночном клубе. Вы принимаете меня за другую.

— Не морочь мне голову, детка! Вот мы сейчас проверим, какой ты научный работник, — Гарри рванул ее платье на груди и запустил туда свою увесистую волосатую руку.

— Пошел к черту, старый вонючий козел! — огрызнулась Лана и начала отпихивать от себя Гарри.

— Ах, вот ты как! Я не люблю, когда бляди строят из себя недотрог, — сказал Гарри, залепил Лане пощечину, оставив кровавую вмятину от перстня, и порвал платье.

— Отпусти меня немедленно, скотина! Я хорошо запомнила твою рожу. Заявлю в полицию, и тебя посадят за изнасилование.

Слова «полиция» и «изнасилование» несколько охладили намерения Гарри. Видимо, он уже имел неприятности с законом и решил не связываться с этой «русской девкой». Игра не стоит свеч. Отвесив Лане еще одну затрещину на память, Гарри отъехал от своего дома на шоссе, открыл дверцу машины и выбросил женщину и ее сумочку на обочину со словами:

— Вали отсюда и не попадайся мне больше на глаза, блядь. Поняла? Следующий раз так легко не отделаешься.

Лана молча кивнула. Она села на землю и зарыдала. От обиды на весь мужской пол, на судьбу, на себя, такую униженную, несчастную и невезучую. Избитое, расцарапанное лицо припухло и горело, новое дорогое платье порвано и в конец испорчено. На душе так тошно, что хоть бросайся на шоссе под машину и заканчивай это гнусное существование, именуемое жизнь..

Опять влипла в историю. Почему, почему я постоянно наступаю на одни и те же грабли? Неужели мне это на роду написано? Ну, танцую иногда в ночном клубе go-go. Что тут непристойного? Многие девушки так зарабатывают. Мне хочется какой-то разрядки, движения. Не могу постоянно быть сушеной ученой воблой, как Ирка. Я же в клубе маскируюсь, надеваю светлый парик. Никто на работе даже не догадывается. Как этот мерзкий, вонючий козел узнал меня без парика? Но он никому не расскажет, не посмеет. У него рыло в пуху. Я не могу даже заявить на него в полицию. Информация просочится на работу. Им в NYU такие «горе научные работники» не нужны. Меня просто уволят под любым предлогом. Все! Больше никаких поисков бойфрендов! Только по рекомендации или если кто-то познакомит лично. И с ночным клубом завязываю. Что я буду делать, если меня уволят с работы? Вернусь в Питер и наймусь няней к слюнявому, капризному отпрыску какого-нибудь олигарха? Няня со знанием английского языка и опытом работы в Америке — мечта всей моей жизни! Надо как-то выбираться отсюда. Я даже не знаю, в какой части Лонг-Айленда нахожусь.

Лана решительно встала, отряхнулась от налипших придорожных травинок и опавших листьев, запахнула платье на груди и медленно побрела вдоль шоссе. Стояла глубокая ночь. Редкие фонари давали слабое освещение: штат Нью-Йорк экономил электроэнергию. Несколько машин остановились, и водители предложили подвезти девушку до города. Она в испуге отшатнулась. Ей только не хватало новых злоключений! Лана скинула туфли на каблуках и прямо в колготках пошлепала по обочине. К утру девушка доплелась до какого-то торгового центра в Квинсе. Мелкими камушками стерла в кровь ноги. Купила себе закрытое платье, колготки, кроссовки и черный платок. Потом умылась в городском туалете, повязала голову платком, закрывая лоб и нижнюю часть лица. То ли монастырская послушница, то ли мусульманка. Никто не обращал на нее внимания. Нашла станцию сабвея, села на поезд и поехала домой. Надо было звонить в лабораторию и брать больничный или персональные дни, чтобы привести тело и душу в рабочее состояние.

* * *

После недельного перерыва Ирина поехала на работу, но не могла сосредоточиться на своих обычных, рутинных обязанностях. Все у нее валилось из рук, проливалось, не слаживалось, не срабатывало... Даже дрожжи ее не слушались, клетки не хотели расти. Она с ужасом думала о том, что ей придется возвращаться поздно домой и идти той же дорогой от сабвея, мимо того же места, где на нее напал этот подонок. Ни о чем другом думать не могла. Страх перед возможностью повторно пережить нападение в бессилии себя обезопасить и защитить проник глубоко в подсознание, под кожу, в мышцы рук, даже в дрожащие пальцы, из которых выскальзывали пробирки. Участился пульс, повысилось давление...

Я всегда думала о себе как о сильном, выносливом человеке. А тут абсолютно расклеилась, раскисла. Не могу работать, не могу сконцентрироваться. Валерьянка не помогает. Корвалол тоже. Что мне делать? Слава богу, начальницы нет: уехала на очередную конференцию. Но остальные сотрудники, они же все замечают, смотрят на меня как-то подозрительно и одновременно жалостливо. Мол, все! Скопытилась наша русская постдокша, пришел конец ее карьере. Не хочу больше никаких бойфрендов! И в эту квартиру тоже возвращаться не хочу! Надо поговорить с Ланой, посоветоваться. Она — девица смышленая. Что-нибудь придумает.

В перерыве на ланч Ирина забежала в лабораторию к подруге. Там ей сказали, что Лана уже неделю как в отпуске за свой счет или на больничном, ну, что-то в этом роде. Решает личные проблемы.

Ах вот оно что! А я-то удивлялась, почему она не пришла ко мне в больницу и вообще словно пропала. Какие персональные проблемы она решает? Интересно, встречалась ли она с этим типом Гарри и что из этого вышло.

Ирина позвонила Лане. К телефону долго никто не подходил, потом все же Лана сняла трубку:

— Хелло! — слабо прозвучал Ланин голос.

— Ланочка, ты что, болеешь?

— Вроде того. Просто решила немного отдохнуть.

— Можно я к тебе сегодня приеду? Я не помешаю. Надо поговорить.

— Ну, приезжай. Только не поздно!

— Нет, я на работе задерживаться не буду. Приеду часов в семь.

— OK!

Лана жила в крохотной студии в юго-восточном Манхэттене (Lower East Side). У нее истекал срок договора на квартиру, и хозяин собирался повысить квартплату. Она подумывала о поисках нового жилья.

Ирина поведала подруге о том, что с ней приключилось, поплакалась в жилетку. Лана тоже всплакнула, в свою очередь рассказала Ире о Гарри, как с ней обошелся этот тип, правда, умолчала, что танцует в ночном клубе. Незачем пока Ире об этом знать! Потом как-нибудь. Ей кроме дрожжей, книг и музеев ничего не нужно. Ну, еще мужичка приличного. И то, наверное, только по выходным.

— Подумать только! А ты говорила, что он по телефону звучал как истинный интеллигент и джентльмен. Попробуй, разберись тут, — Ирина развела руками.

— Я еле ноги унесла. Чувствую себя оплеванной, униженной. Как хочется ему отомстить!

— Не думай о мести! Думай о том, чтобы такие уроды тебе больше не попадались.

— Я уже вообще не хочу думать о мужиках. Ничего хорошего мне, видно, не светит. А что этот Влад? Почему он тебя не проводил до дому?

— Он-то предложил меня проводить, да я по дурости отказалась. Мы провели вместе воскресный день. Понравился он мне. По всем пунктам подошел. Но после твоего рассказа и моих злоключений мне что-то расхотелось с кем-либо встречаться.

— У тебя будет все OK. Просто другая карма.

— Откуда ты знаешь, какая у меня карма?

— Опыт. Обычный жизненный опыт. Позвони этому Владу. Когда ты была в больнице, он, наверное, трезвонил вовсю, разыскивал тебя. Ты сообщения с автоответчика сняла?

— Да, он оставлял сообщения, но я не перезванивала. Не тот настрой был. Да и сейчас не до него мне. Как подумаю, что надо вечером возвращаться в этот райончик, руки холодеют, сердце трепещет. Прямо кошмарики!

— Это типичная anxiety (тревожное состояние). Дыши глубже, займись йогой. Постепенно пройдет. Хочешь, я тебе дам пару таблеток одного волшебно-

го лекарства. Называется xanax, типа валиума. Примешь таблеточку — и все сразу становится по фигу.

— А что сама-то не берешь этот волшебный xanax?

— Я уже принимала. Боюсь привыкнуть.

— Ну, дай мне таблеточку. Я попробую. Слушай, можно я сегодня у тебя останусь ночевать?

— Оставайся, пожалуйста. Но это не решение проблемы. Знаешь, у меня есть телефон хозяйки студии на цокольном этаже, недалеко от NYU. Я, правда, этой квартиры сама еще не видела, но хозяйку знаю. Она нормальная деловая тетка. С ней можно договориться. Позвони, съезди, посмотри. Что ты теряешь?

— Отличная идея! Я ничего не потеряю, кроме своего депозита. Ну, да черт с ним, с этим депозитом. Здоровье дороже.

* * *

Квартира, что недалеко от университета на вроде бы цокольном этаже, оказалась помещением, которое может привидеться разве что в страшном сне. Она находилась в подвале под пивным баром: десять слабо освещенных каменных ступеней вели во чрево земли, словно дорога в преисподнюю, в мрачное царство Аида. Уже на лестнице веяло жутким холодом и пахло плесенью. Так называемая студия служила прежде обычным погребом, в котором хранились вина и некоторые продукты. В стене под потолком было вырезано узкое окошко, прикрытое ржавой решеткой, окутанной паутиной. Огромный паук, испугавшись электрического света, беспокойно зашевелил отвратительными конечностями. Вдоль плинтуса пронеслась довольно крупная мышь. Или это была крыса?

— А-а-а! — завизжала Ира. — Крыса, крыса! Куда вы меня привели?

— Что ты орешь? Это всего лишь упитанная мышка. Я тебе дам капкан. Совершенно бесплатно!

— Не нужен мне ваш бесплатный капкан! И эта страшная дыра не нужна!

— Ты хотела дешевую тихую квартиру. Ты ее будешь иметь. Мы, само собой, сделаем небольшой ремонт, подкрасим стены, подключим отопление, все вымоем, выскребем. Рента пятьсот долларов в месяц вместе со светом и газом. Дешевле не бывает. Здесь полная изоляция. Никто тебя беспокоить не будет.

— Это точно. Здесь абсолютная тишина, как в могиле. Спасибо!

— Спасибо — да! Или спасибо — нет?!

— Спасибо, нет! Проводите меня, пожалуйста, к выходу! Как вам не стыдно предлагать приличным людям такую мерзкую берлогу!

— Лучшую хату ты не потянешь, детка! Сначала найди себе богатого папика, — съехидничала хозяйка погреба.

Ирина ничего не ответила наглой тетке. Проглотила обиду и вышла на улицу. На свет из тьмы.

Откуда эта наглая тварь знает, что я потяну, а что нет? Тоже мне ясновидящая нашлась! Впрочем, чем дольше я живу в Нью-Йорке, тем становится страшнее, как в фильме ужасов. Качусь по наклонной плоскости. Сначала Машина кооперативная квартира — предел мечтаний, потом отстойник в Вашингтон-Хайтс, потом ограбление с последующим сотрясением мозга, теперь эта жуткая квартира-колодец. Что же делать? Неужели нельзя найти какой-нибудь недорогой и приличный вариант? Чтобы по карману и по душе. Чтобы без крыс, бандитов и без мордобоя в соседней квартире над потолком? Чтобы ни рэпа, ни румбы по выходным? Неужели нельзя?

* * *

— Ланка, куда ты меня послала? В черную дыру? Это же погреб! Это, это… У меня даже слов нет! — негодовала Ирина.

— Ну, извини, подруга! Я не знала. Говорила же я тебе, что этой хаты не видела. Слушай, а может, нам снять квартиру одну на двоих? Будем руммейтс. У тебя одна спальня, у меня — другая. Гостиная, кухня и ванная с туалетом общие. Мы уже друг к другу вроде притерлись. Думаю, поладим. Во всяком случае, я возникать не буду. У меня легкий характер. Что скажешь?

— У меня характер тоже не скандальный. По-моему, сейчас это единственный выход из положения. Надо посмотреть на доске объявлений в NYU. Некоторые профессора уезжают на год заграницу и сдают квартиру коллегам. Даже с мебелью. Ну, может, кое-что придется докупить.

— Гениальное решение проблемы! Ты, Ирка, настоящий исследователь, постдок высшей квалификации.

Все получилось, как они планировали. Что называется, подфартило. Нашли двуспальную квартиру в хорошем доме недалеко от университета. Рента тысяча триста долларов в месяц плюс электричество. Сумму поделили пополам. Оказалось: можно жить.

* * *

— Что так быстро сматываешься? Испугалась? — спросила Дороти, увидев, как загружают в машину Ирины вещи. Дороти прикрывала рукой распухший рот. Не успели одни синяки зажить, как появились другие.

— Да нет! Просто буду делить квартиру с подругой. Руммейтс. Так дешевле и к работе ближе.

— Врешь! Ты испугалась. Оно и понятно. Кому охота сдохнуть молодой!

— Но ведь ты же подвергаешь свою жизнь опасности и не боишься умереть. Эк твой муженек опять тебя разукрасил!

— Я — другое дело! Муж меня жутко любит и постоянно ревнует. Стоит мне улыбнуться какому-либо симпатичному мужику или нарядиться в новую сексуальную тряпку, как мой муженек пускает в ход кулаки. Я привыкла. Деваться некуда. Он работает санитаром в больнице, а у меня профессии нет, даже High School не окончила. Я — dropout (бросила школу). Хотела поступить на курсы и сдать GED (экзамен за среднюю школу), но пока не получается. Приличная работа мне не светит. Неохота вкалывать судомойкой или мыть общественные сортиры. И мать моя так живет, и сестра, — сказала Дороти деланно бодрым голосом. И в ее огромных черных глазах отразилась безнадежность и беспросветная тоска…

* * *

Ира и Лана принялись с энтузиазмом обустраивать квартиру. Скинулись на новый телевизор и микроволновку. Первое время все вечера проводили дома. Стояла глубокая промозглая осень, почти зима. Погода не располагала к прогулкам. Ира уходила в свою комнату, занималась английским, читала профессиональные книги и американскую классику. Рьяно повышала словарный запас. Лана валялась на диване в гостиной, смотрела сериалы и любимые мыльные оперы, скучала. Скука — болезнь заразная. Скоро заскучала Ира. Двум молодым птицам захотелось снова вылететь из удобной клетки и вкусить плодов опасной свободы. Они даже зачирикали одновременно о своих желаниях.

— Может, снова позвонить в брачное агентство или хоть вечером сходить в бар? Так и засохнуть можно на корню. Молодость уходит, — начала зондировать почву Лана.

— Можно и то, и другое… А то так и просидим здесь всю зиму. Рождество на носу, Новый год, а у нас даже маленькой елочки нет. Я в Москве всегда елку наряжала. — Ирина вздохнула и в который раз перечитала письмо от родителей:

Дорогая наша доченька, Ирочка!

Что-то ты стала так редко писать. Раньше хоть звонила иногда, а теперь и не звонишь. Мы понимаем, как ты занята на работе, и все же можно выкроить полчаса для письма старикам-родителям. Так одиноко и беспокойно без весточек от тебя. Может, ты болеешь или, наоборот, здорова и строишь новую личную жизнь. Мы же волнуемся за тебя. Кстати о твоей личной жизни. Алексей несколько раз звонил и спрашивал о тебе. Мы ему рассказали все, как было, без утайки, что ты уехала работать по контракту в Америку и приедешь весной в отпуск. Он сначала расстроился, что ты его так вот бросила, а потом превозмог обиду и даже порадовался за тебя. Передайте, мол, Ирочке, «что я ее хоть и попрежнему люблю, но я не сволочь, не эгоист, и желаю ей от всей души большого американского счастья, раз она такую дорогу выбрала. Еще передайте ей, что, если так случится, и она не найдет свое американское личное счастье, я буду ждать ее возвращения». Вот такой прекрасный человек твой Алексей, и ты его напрасно вычеркнула из своей жизни. (Не то, что твой бывший пьяница муж! Прости Господи!) Таких любящих и порядочных мужчин, как Алёша, в наше время днем с огнем не сыщешь ни в России, ни даже в твоей Америке!

У нас все по-старому. Пенсию платят нерегулярно. Но урожай этим летом в саду и на огороде был хороший, и зиму мы продержимся. Накопали картошки, нарубили капусты, заквасили, засолили огурцы и наварили вишневого варенья и яблочного повидла. Иногда едим курятину. Говорят, говядину есть вредно. От мяса забиваются сосуды и повышается холестерин. Здоровье — это главное. А оно у нас, слава богу, пока в порядке.

Подарки нам не посылай, не трать деньги попусту. Ну, разве что купи какую-нибудь одежду для внученьки нашей Танечки. Ей ведь уже тринадцать исполнилось, совсем взрослая девица. Хочет модно одеваться, чтоб не стыдно было показаться перед подружками. А джинсы импортные, ты сама знаешь, сколько у нас на толкучке стоят. И импорт этот весьма сомнительный, сшитый какой-нибудь местной подпольной артелью в подвале. Один раз постираешь, и можно сразу на помойку выбрасывать. Линяют и рвутся, да не по шву!

Танечка по тебе очень скучает и просит поцеловать маму. Пиши, доченька и звони. С наступающим тебя Новым годом и Рождеством Христовым! Мы на даче во дворе нарядили елку, и папа с Танечкой слепили снеговика. Такая красота, как в сказке!

Ждем не дождемся твоего приезда в отпуск.

Обнимаем тебя и целуем, родная наша девочка!

Твои любящие родители.

Ирина снова и снова перечитывала письмо от родителей, чувствовала свою непомерную вину перед ними и дочерью и не могла сдержать слез. Она тихо всхлипывала, утирала тыльной стороной ладони слезы, но они упрямо капали на бумагу, оставляя причудливое кружево водяных узоров.

— Ну, что ты вся изревелась, подруга? Если уж так по родным соскучилась, возьми неделю за свой счет и лети в Москву. Начальница тебя отпустит. (Все равно перед Рождеством у нас в лаборатории — мертвый сезон. Народ разъезжается, кто куда.) Там и Новый год встретишь, — рассудила Лана. — А я пока куплю маленькую елочку с игрушками и позвоню в брачное агентство. Может,

сыщется и для меня какой-нибудь приличный человек. Как говорила моя мама, «такой, с которым можно не только лечь, но и встать...» Встречать Новый год одной — плохая примета.

* * *

Ирина летела в Москву, окрыленная предстоящей встречей с родителями и дочерью. Договорились по телефону, чтобы они ее не встречали в аэропорту, так как это сопряжено с дополнительными физическими трудностями и затратами. Она уж как-нибудь сама доберется до дому. Какого же было ее изумление, когда она увидела Алексея с букетом пионов. У него было счастливое и одновременно растерянное лицо.

— Алёшка? Вот не ожидала! Я... я так рада тебя видеть.

— А я-то как рад! Ты классно выглядишь, Ира! Ну, просто высший пилотаж! Одно слово — американка. У меня там на парковке машина. Мы с приятелем по очереди подрабатываем извозом. Представляешь, я водилой стал. Вокзалы, аэропорты. Зарабатываю очень даже неплохо, скоро куплю в кредит собственное такси на паях с другом. Давай чемоданы, подвезу до дома.

— Спасибо, Алёшенька! — как-то само вырвалось ласкательное имя.

— Да не за что! Мне тебя увидеть и подвезти только в радость.

Пошли к машине. Помолчали.

— Значит, ты на меня не сердишься, что я вот так уехала, не простившись?

— Сначала я злился ужасно, потом впал в депрессию, потом все понял, както нашло просветление, успокоился. Ты не могла поступить иначе. Ты сделала правильный выбор. Я тогда тебе создавал одни проблемы своим нытьем, неприспособленностью к новым неписанным законам жизни и беспричинной ревностью. Усложнял твою и без того нелегкую жизнь. Ты же сидела без зарплаты. А на шее — дочка и родители-пенсионеры без пенсии.

— Умный ты, понимающий...

— Я многое передумал, изменился... Ты вспоминала обо мне?

— Да!

— Что же не писала и не звонила?

— Я хотела позвонить или написать. Но не могла собраться с духом, все откладывала на потом. Я же не знала, что ты меня понял и простил. Боялась трудного разговора.

— Ты вспоминала обо мне, когда тебе было плохо или когда хорошо?

— Когда было... плохо, вспоминала чаще. Мне тебя не хватало.

— И часто тебе там было плохо?

— Бывало по-всякому. Не хочется говорить о плохом. Вот увидела тебя, и мне так хорошо стало.

— Ирочка, солнышко! Можно я тебя поцелую? Я так соскучился по тебе!

— И я.

Она молча прижалась губами к его губам. Вдыхала знакомый запах...

Алёша, мой Алёшечка! Вот глупая! Как я могла не звонить ему! Полгода без любви в погоне за химерой американского счастья. А он действительно здорово переменился. Вот что значит, мужчина стал зарабатывать. Приоделся, похорошел, даже помолодел, в разговоре и жестах появилась уверенность, в глазах вместо тоски, которая наводила на меня уныние, радостные огоньки. Наверное, завел себе герлфренд. Нормальный мужчина долго не может быть один. Впрочем, если бы завел, не приехал бы меня встречать. Хороший, милый мой Алёшка, такой свой, родной! Недаром я его любила! Да я и сейчас его люблю. Зачем себя обманывать? Если он позовет, я хоть завтра...

Наступило завтра, и он позвал. Изголодавшись по любви, они жадно, каждую ночь наверстывали упущенное. Перечеркнули период ссор обид и сомнений. Когда любовь — на волоске от разлуки, сладость обладания, смешанная с горьким привкусом обреченности, чувствуется острее. Кажется, что приторность и пресыщение никогда не наступят.

— Что с нами будет, Ирочка? Я — здесь, ты — там. Ты, ты когда-нибудь выйдешь за меня замуж?

— Будем считать, что ты мне наконец-то сделал предложение, да?

— Да, сделал. Завтра же куплю кольцо. Так ты выйдешь за меня замуж?

— Выйду! Мы будем звонить друг другу, писать. Я скоро снова приеду в отпуск, вот тогда, если ты не откажешься от своего предложения, подадим заявление. И… я жду кольцо.

* * *

Ирина провела в Москве десять дней. Новый год — на даче. Живая елка, увешанная зеркальными шарами и присыпанная настоящим снегом, не кусочками ваты. Родители, такие дорогие, еще не старые, заботливые, хлопотливые. Взрослеющая дочь, которая за полгода вытянулась, приобрела мягкие, женственные формы и успела влюбиться в старшеклассника. Продолжение романа с Алексеем, на новой фазе с планами на будущее:

Приеду весной — распишемся… А потом, может, удастся вытащить его в Америку. Сначала по гостевой. И я, конечно же, буду подавать на гринкарту, как нужный Америке специалист. И это чистая правда. Я — действительно нужный Америке специалист, раз меня взяли на работу по контракту на целых четыре года.

Ирина встретилась с некоторыми одноклассниками, однокурсниками и поехала в свой НИИ. Раздала всем дешевые сувениры — шариковые ручки с американским флагом, магнитные нашлепки на холодильник, открытки с видами Нью-Йорка. Испугалась завистливых, растерянных глаз и повсюду сопровождающего ее рефрена: «Повезло тебе, Ирка! Какая ты счастливая!» В НИИ зарплату по-прежнему не платили. Поговаривали, что институт совсем закроют. Дескать, нерентабельное учреждение.

Волшебные московские каникулы пролетели стремительно, на подъеме и адреналине! Но за два дня до отъезда Ирина вдруг скисла, почувствовала себя обесточенной, утомленной, измотанной от постоянной беготни, суеты, поцелуев, объятий, слез радости и печали, непослушания дочери, назойливой родительской опеки, вечерних посиделок с друзьями, их жалоб на жизнь и бессонных ночей с любимым и любящим Алёшей. Она, как свеча, горела слишком ярко и скоро превратилась в огарок. Вот-вот погаснет.

Ее натура требовала отдыха от страстей. Ирина чувствовала себя растерянной без организованности и упорядоченности времени, без каждодневной рабочей занятости в рамках расписания. С удивлением поняла, что ее тянет обратно в Нью-Йорк, где она, несмотря на злоключения последних месяцев, ощущала себя самостоятельной (без родительского надзора), востребованной, успешной с перспективами на будущее. В Москве как научный работник она была по-прежнему не нужна, не востребована. Жаль было оставлять Алёшу! Отношения только-только восстановились. Пришлось оборвать. На время. Алёша — не вещь, в чемодан не упакуешь. И Танечку жаль было оставлять без материнского ока. Дед с бабкой ее избаловали, и она совершенно отбилась от рук. Скатилась на «тройки», а прежде была отличницей. По дому не помогает, даже тарелки и чашки за собой не вымоет, целыми вечерами болтает по те-

лефону с подругами. Выкрасила волосы в какой-то дурацкий ярко желтый цвет. Влюбилась в старшеклассника, первой, надрывно-безнадежной любовью, сочиняет сентиментальные стихи и плачет по ночам.

* * *

По мере приближения к Нью-Йорку родные, друзья и Алёша постепенно отдалялись в воображении и памяти Ирины, превращаясь в меленькие, словно игрушечные, фигурки, которые нельзя ни потрогать, ни переставить по-своему.

Нью-Йорк встретил Ирину мокрым снегом, нахмуренным небом и пронизывающим ветром. В добавлении к плохой погоде на Ирину обрушился неприятный сюрприз: Лана призналась подруге, что от тоски и боязни отмечать Новый год в одиночестве позвонила Владу. Они встретились и неожиданно понравились друг другу. Свидания продолжаются и возможно перейдут в роман.

— Вот такие дела. Надеюсь, ты не возражаешь?

— Что? Ты захомутала Влада? — Ирина опешила. — Не ожидала я от тебя такой прыти. Шустрая ты, Ланка. Не успела я за порог, как ты увела моего потенциального бойфренда. Так подруги не поступают.

— Но ты же сама не захотела ему звонить и улетела в Москву. У тебя в Москве снова Алёша объявился. Ты же мне сама по телефону рассказала, что у вас с ним роман по новой. Вот я и подобрала Влада. Хорошие кадры на дороге не валяются. Или возрождение Алёши — просто миф, нужный тебе для самоутверждения?

— Миф это или нет, не твоя забота. Пиши свои, как ты говоришь, мифы, без моих героев, пожалуйста! Плагиат — это грех. К тому же Влад не соответствует твоим запросам. Он — не бизнесмен, небогат, обычный инженер. Спокойный, интеллигентный мужчина. Ты же любишь страсти-мордасти и мешки с деньгами.

— Так! Полегче, пожалуйста! Я отменила свои прежние запросы. Не хочу больше наступать на те же грабли.

— Ой ли! Не обманывай себя! Уверена, Влад тебе быстро наскучит.

— Как ты можешь меня знать и что-то предрекать? Мы даже сами себя не знаем. Столько в нас всего намешано. Вот ты, например, хочешь одной жопой сидеть на двух стульях. Один стул в Москве, другой — здесь.

— Грубо, Лана! Очень грубо! Но, если посмотреть правде в глаза, может, ты и права! Может, и хочу. Но это мои стулья! Заведи себе свои и сиди на них, — кипятилась Ирина.

— Послушай, Ирка, отпусти Влада с миром и успокойся, а то поссоримся.

— Еще чего не хватало — из-за мужиков ссориться! — Ира испугалась, одумалась и уже спокойнее произнесла. — Ссориться нам с тобой никак нельзя. Мы же руммейтс. Если будем ссориться, придется разъезжаться. Я сдаюсь! Твоя взяла. Забирай Влада! Дарю! — Ирина выставила вперед ладонь и дунула на нее, символически перемещая Влада из своего пространства в пространство Ланы. — Проехали! Поставим на этом точку! — Сказала она, а на душе заскребли кошки. Вот ведь какой казус получался:

Совсем я запуталась. Зачем мне нужен этот чужой, неизвестно еще какой, Влад, когда я собираюсь замуж за любимого, такого родного Алёшу. Запретный плод нам подавай. Опять эта раздвоенность. Москва-Нью-Йорк. Как написал Эфраим Севела: «Остановите самолет! Я слезу!» Кончаю рефлексировать! Завтра на работу. Заждались меня мои дрожжи. Начну делать опыты, и все встанет на свои места. А до весны не так уж и далеко. Январь, февраль, март...

* * *

Прошло три года. Ирина все-таки вышла замуж за Алексея. Танечка и Алёша уже два раза приезжали в Нью-Йорк по гостевой визе. Ира и Лана давно разъехались, но не рассорились. Они иногда перезваниваются и болтают всласть по душам, обмениваются новостями. Лана бросила Влада и выскочила замуж за весьма состоятельного шестидесятилетнего американца ирландско-итальянского происхождения. Он ревнует Лану ко всему и ко всем, заставил ее уйти с работы, запретил танцевать в клубе go-go dancing и, когда прикладывается к виски, а делает он это достаточно регулярно, в сердцах поколачивает жену, так, для профилактики. Лана пока все это терпит, но говорит Ире, что как только получит американское гражданство, сделает «старому козлу» ручкой и уйдет к другому. Кое-кто уже есть на примете.

Ирина по-прежнему работает в NYU, проводит опыты с любимым объектом. Через полгода закончится ее трудовое соглашение. Она наняла адвоката, подала документы на гринкарту и надеется получить статус иностранки, постоянно проживающей в США. Иногда ей звонит Влад, который, потеряв Лану, снова переключился на Ирину и предлагает встретиться. Ведь обе женщины, хоть и разные по характеру, но обликом так похожи! Влад и Ирина уже пару раз ходили в Метрополитен-опера и в ресторан. Пока это были лишь невинные свидания, но страсти разгораются — с его стороны — и неизвестно, чем дело кончится…

Ирина ежегодно ездит в Москву в отпуск — навестить родных. Танечка в восторге от Америки и мечтает поступить там в колледж и остаться навсегда. Алёша пребывает в сомненьях. Английского языка он не знает, и вообще иностранные языки ему даются с большим трудом. Чем он будет заниматься в Нью-Йорке? Работать шофером такси можно и в Москве. Заработок вполне приличный. Ирины родители не хотят и слышать об Америке. Они вошли во вкус натурального хозяйства и развели настоящую маленькую ферму, добавив к курам еще гусей и поросенка. К тому же в России пенсионерам стали снова выплачивать пенсию. Пенсия, хоть и небольшая, но «заслуженная, своя. Не какие-нибудь там подачки от американского государства!»

— Твой контракт через полгода закончится. Что ты будешь делать, если его не продлят и откажут в гринкарте? Возвращайся в Москву. У нас открываются для научных работников новые возможности, — умоляет Ирину Алексей.

— Да, давай возвращайся обратно на Родину! Если не найдешь в Москве работу по специальности, так хоть поможешь нам в хозяйстве, — вторят родители.

— Господи, как же мне надоели ваши уговоры! Отстаньте от меня, наконец! Приезжаю в Москву отдохнуть, а тут сплошная трепка нервов, — упрекает родных Ирина. К концу отпуска она мечтает только об одном — поскорее вернуться в Нью-Йорк, к своим опытам с дрожжами. Влад ждет, не дождется ее приезда…

Август 2016 года

Лилия ГАЗИЗОВА

О РАЗНЫХ ОТТЕНКАХ НЕБА

* * *

Домом называю отель,
В котором живу сегодня,
В который въеду завтра
И на следующей неделе —
Сложилось так.
Не *sweet home*,
Просто дом —
Где платья любимые,
Перчатки и кремы.

Быть гостьей любимой
В жизнях чужих —
Спокойней и проще.
Надо чаще на воду смотреть.
Может, она унесет
Беспокойства мои и тревоги,
Что старят лицо мое.
Мысли скручиваются в жгуты,
Степень отстраненности от жизни
Повышать и усиливать,
Повышать и усиливать
Способами любыми.

Я И НЕБО

Если бы я занималась
Художественной фотографией,
То фотографировала бы небо
В разных городах мира.
Выходила бы в полдень
На главную площадь города
И направляла бы объектив
Перпендикулярно вверх.
И критики писали бы
О концептуальности
Моего искусства.
Меня приглашали бы
В разные города
Делать снимки небес.

Я бы писала эссе
О разных оттенках неба.
А под конец жизни
Стала бы главным специалистом
По небу.

* * *

Пора придумать, как стареть.
Стратегию выработать.
Можно одеваться ярко —
Чем старей, тем розовей, —
Сказала подружка
И ринулась
В отделы для тинейджеров.
Можно влюбиться в юнца
И пытаться изо всех сил
Соответствовать ему —
Такому упругому
И любознательному.

А можно подружиться с ней,
Неминуемой и неумолимой.
Не строить из себя больше…
Однажды не покрасить
Корни волос.
Смотреть на молодых мужчин,
Уже только как на сыновей своих.
Желать уберечь их от войны.
Прислушиваться,
О чем говорят сверстницы
У подъезда на скамейке
И даже вставить свои…

СТАРОСТЬ — ЭТО НЕ БОЛЬНО

В самолете,
Пока ты рядом,
Напишу стихотворение
О том, как скучаю,
Точнее, тоскую по тебе.
О том, что погоды в моем городе
Стоят ужасные —
Снег вперемешку с дождем.
На работе меня ценят.
И дадут Почетную грамоту.
Я никак не могу решить,
На какой руке носить браслет,
Купленный в этом городе.
Самолет идет на посадку.

Все так и будет…
На самом деле
Все будет намного хуже…
Но это все потом.

* * *

Несовершенные люди
Живут на несовершенной улице
Несовершенного города
Несовершенной страны.
Они думают несовершенные мысли
И делают несовершенные дела.
Ставят памятники
Несовершенным людям
И читают несовершенные книги.
Но их несовершенные дети
Не берут с них пример,
Они же несовершенные.
Вся надежда — на несовершенных детей…

Семён КАМИНСКИЙ

ЧЬЯ-ТО ПРОШЛАЯ ЖИЗНЬ

(РАССКАЗ)

Просторный двухэтажный дом был выстроен из красного кирпича на одной из уютных боковых улочек в центре города лет сто назад. Даже молодым он выглядел не шикарно, но приятно и солидно, как и его хозяйка — всеми уважаемая Фейга Юдковна, повивальная бабка, акушерка — краснолицая, большезадая, с коротковатыми полными ногами, уверенно стоящими на земле старого украинского «міста». Она безотказно пользовала и евреек, и русских, и украинок, а однажды принимала роды у таборной цыганки, которую привезли ночью на двухколесной бричке прямо к Фейге во двор. Видно, какие-то уж чересчур трудные роды случились, раз цыгане не решились принимать их в таборе сами. Тут же во дворе цыганские роды были оперативно и благополучно приняты, только Глашка, которой пришлось таскать кастрюли с горячей водой по деревянной лестнице со второго, хозяйского, этажа, крепко умаялась.

Помогать-то Фейга Юдковна всем помогала, но цену себе знала, и деньги за помощь брала немалые, особенно с тех, у кого они были. И деньги, и золотые-серебряные украшения, и камушки. Поэтому и дом такой серьезный смогла построить на месте квелого, старенького, доставшегося от родителей, когда-то державших скромную мацепекарню. Свежую ломкую мацу к празднику Фейга, конечно, любила, но родительское дело казалось ей неинтересным. Собственное занятие было гораздо важнее и денежнее мацы, и спрос на ее умения оставался непреходящим, так что пекарню она продала. Ее муж, тихий и не больно удачливый коммивояжер, слушался супругу во всем беспрекословно.

А тайны ей были известны самые страшные и не подлежащие разглашению даже за давностью лет. Все знали, что она не только роды принимает, но и другие услуги оказывает, изредка помогая грустноватому доктору Лукацкому, тоже жившему неподалеку, но об этом никто не распространялся. Фейга Юдковна — персона нужная, кто знает, может, ее помощь когда-нибудь понадобится, чего ж зря болтать.

И бабкой ее тогда, конечно, никто не звал: когда дом построили, ей, может, лет тридцать всего было. Близкие называли ее Фаней, а кое-кто из русских и украинских знакомых — Феней.

В общем, достойная была женщина, но надменная, характер имела весьма скандальный, и всерьез рассорилась со своими соседями: с одной стороны вплотную к ее дому стоял домик грека-бакалейщика, а с другой, чуточку подальше, — дом какого-то местного чиновника средней важности. Что именно они не поделили, история умалчивает, но нетрудно предположить: как раз эти самые не подлежащие разглашению тайны и сыграли свою роль. Потому что и жена немолодого грека, и жена неприветливого чиновника были женщинами не работающими, не шибко красивыми, но весьма и весьма любвеобильными. И кто-то якобы видел их неоднократно посещавшими умелую соседку... Хотя, может, они к ней просто по-соседски заходили, одолжить луковицу или немного постного масла? Однако факт есть факт. Назло акушерке обиженные мужья, по-видимому, сговорившись, так надстроили свои одноэтажные

дома, что со стороны грека во всех окнах ее дома навсегда наступил полумрак. А со стороны чиновника, где между домами был узкий проезд во двор Фани, если и заглядывало солнышко, то ненадолго, поутру, на несколько часов. Надо же — и денег не пожалели! И оказался ее хороший дом нелепо зажатым между двумя глухими, уродливо высокими кирпичными стенами.

Впрочем, тогда уже некому было особо обращать внимание на красоту или удобства. Потому что вскоре понеслись мимо (и слава богу, что мимо!) малахольные конники бандитского вида, направляясь к главному городскому почтамту. Пошли рядами на митинги и парады красные товарищи с бодрящими песнями и под веселым хмельком. А потом, почти не глядя по сторонам, проехали черные оккупанты в огромных грузовых автомобилях. Этих Фанина семья, правда, не видела (опять же, слава богу!), так как успела эвакуироваться, но самому дому все это, без сомнения, было отлично видно. Например, как недалеко упал сбитый самолет, и улица, спустя несколько лет, стала называться именем Героя Советского Союза — погибшего в нем летчика.

Затем жизнь чуть наладилась, но дому было нехорошо. В каждой, даже самой тесной комнатушке селились в большом количестве новые люди и тараканы, а растущая семья Фейги Юдковны — муж, сын, невестка, внуки — после эвакуации стала помещаться всего в двух комнатах, да и то с соседями.

В доме и во дворе противно запахло старым борщом и какой-то совершенно неописуемой дрянью. Стены поросли плесенью, кирпичи кое-где выпали, так что зрелище и вовсе перестало быть приятным и, тем более, солидным. В окнах стало еще темнее.

Хотя возраст настойчиво брал свое, какое-то время Фаня еще служила фельдшером в больнице скорой помощи, но домашнюю практику прекратила — это было нынче строжайше запрещено и грозило ужасными бедами, о которых даже шепотом говорить не стоило. Возможно, случаи такие в обстановке особой секретности все-таки были: кто ж, как не Фаня, выручал самых разнесчастных, одиноких и покинутых? И теперь почти за символическую плату... Но кто это докажет? Глашка из нижнего этажа ей помогает? Да нет, нет, боже упаси! Глаша просто приходила по старой дружбе варенье варить в глубоком медном тазу.

Как-то раз в сумерки к Фане на веранду поднялись две посетительницы. Одна из них была хозяйке знакома — учительница в соседней школе.

— Вот, Фанечка Юдковна, дочка моя, Ленка... — тихо вздохнула гостья, присаживаясь на краешек табурета в Фаниной прихожей, превратившейся в тесную кухоньку, — неполных пятнадцать — и уже... Помогите непутевой.

Фаня оглядела непутевую дочку учительницы, стоящую перед ней.

— Косу с детства, выходит, еще не резали? — поинтересовалась Фаня, взвешивая на руке толстую черную девчачью косу.

— Не, — не поднимая глаз, еле слышно проговорила щуплая девушка, — не резали.

— И кто ж этот герой? — ехидно продолжала Фаня, наклонив голову и пытаясь заглянуть Ленке в глаза.

— Не говорит, — опять вздохнула учительница после короткой паузы. — Ревет, но не говорит...

— Вы, Тамара Борисовна, подождите здесь минутку, мы в столовую пройдем, — Фаня увела девушку в комнату. Учительница так и осталась сидеть на табуретке, глядя перед собой в растрескавшуюся побелку кухонной стены и не решаясь встать.

— Вот что, — сказала Фаня, возвращаясь минут через двадцать, — худая она, поэтому на ней не видно, но делать уже поздновато... и я не хочу. Нужно оставлять.

— Да что вы говорите?! — громко всхлипнула учительница, тут же прикрывая себе рот рукой. — И никак нельзя?..

— Никак, — отрезала Фаня, — но думаю, что все будет хорошо. Я в больнице договорюсь: есть надежные доктора, и я сама при том обязательно буду. Только надо в другую школу перевести, чтобы разговоров было поменьше. А самым ретивым мы рты позакрываем: и у них бережно хранимые секреты найдутся. Я подноготную у половины города знаю. И в гороно есть нужные люди... Про своего героя она мне рассказала, гоняться за ним не стоит, без него справитесь. И не донимайте эту дурынду вопросами. Не она — первая, не она — последняя. Такая жизнь...

И снова с флагами и транспарантами мимо регулярно двигались хорошо организованные трудящиеся массы, так же организованно и массово заходя облегчиться во двор, попавшийся им по дороге в коммунистическое далеко и к трибунам центральной площади. И хотя в глубине двора виднелся туалет из серых шлакоблоков, мужчины поливали стены дома, а дамы присаживались под той самой деревянной лестницей, ведущей на второй этаж. Транспаранты и флаги ожидали в некотором отдалении, прислоненные к стенам. Запах усиливался.

— Как там ваш наследник непутевый? — спрашивала Фаня у Тамары Борисовны, приходя в школу за своей младшей внучкой.

— Толик очень даже путевый! — расцветала учительница. — Умный мальчик растет. А Ленка устроилась работать в домоуправление. Замуж вышла, муж хороший, Колей зовут, Толика усыновил. Сейчас Лена второго ждет, сильно поправилась. Про вас она с таким уважением всегда вспоминает. Толик, говорит, вырастет, непременно про Фанечку Юдковну ему расскажу, он поймет.

— Да бросьте, ничего он не поймет, — махала рукой Фаня, прощаясь, — что они понимают?

С годами дом сильно просел: первый этаж, в котором когда-то хранилась утварь и обитала прислуга, а теперь квартиросъемщики, частично ушел под землю. Полы из длинных крашеных досок прогнулись; когда их мыли, к центру комнат стекала вода, туда же скатывались катушки с нитками, детские мячики и машинки. Щели поглощали не только самые мелкие предметы — булавки из рук пришедшей на дом модистки, бусинки рассыпавшегося перламутрового мониста и монетки, но даже карандаши, ручки и расчески, а иногда что-то покрупнее, и все это уже никоим образом не получалось достать. Может, именно там незаметно потерялись и долгие годы, наполненные однообразными хлопотами? Притаились тревожные шорохи и заглушенные стоны от нестерпимой боли? Спрятались неясные воспоминания?

Фаня — теперь уже, бесповоротно, баба Феня — тоже сдала, совсем не практиковала и мучилась настырным в своем постоянстве радикулитом, согнувшим ее в три погибели. Мужа давно не было, дети не шибко ее почитали, переселив в самую темную комнату, да она и сама не хотела занимать светлое жизненное пространство. Она начала путать имена своих внуков и правнуков и перестала слышать, когда у нее что-то просили, особенно когда просили деньги. А молодое поколение, уже не скрывая, смеялось над тем, как она говорила «бирлянды» вместо «бриллианты», рассказывая о прошлой жизни, о каких-то тайнах и своем деятельном участии в судьбах разных — счастливых и несчастливых — людей. Да и кто вообще верил в эту прошлую жизнь бабы Фени? Разве что почти такая же древняя Глашка, которая все эти годы так и жила в двух каморках нижнего этажа. Она и ее муж Яким по-прежнему называли бывшую хозяйку Фейгой Юдковной и не забывали приносить на пасху освященную сладкую пасочку собственной выпечки. Баба Феня целую неделю ела ее маленькими кусочками вместе с мацой, запивая чаем.

Ровно через двадцать лет, день в день после смерти бабы Фени, дом, наконец, признали аварийным и должны были снести, а жильцов переселить. Фенин сын и его уже женатые дети очень радовались получению квартир (правда, в дальнем-дальнем рабочем микрорайоне), а никчемный дом, так ужасно надоевший всем своими старческими проблемами, постарались забыть навсегда. И он остался пустовать в центре города, на одной из уютных боковых улочек имени Героя Советского Союза.

А потом флаги, транспаранты, парады, хорошо организованные трудящиеся массы прекратились, и про дом забыли еще лет на десять. Он был уже так страшен, что даже появившиеся бомжи боялись туда забираться — вдруг обвалится. Впрочем, соседние дома, по-прежнему закрывающие его от солнца, выглядели не намного лучше.

* * *

Правление банка размещается в двухэтажном доме из красного кирпича. Дом древний, еще и плывуны под ним обнаружились, правление кучу денег ухлопало, чтобы не только привести его в порядок, но хорошо укрепить фундамент и достроить в глубь двора. Земелька тут теперь ох как дорого стоит — центр города!

Анатолий Николаевич, президент банка, мужик прижимистый. Даже кондиционеры поставили всего по одному на отдел — экономят на чем могут. Но вот что удивительно: два соседних одноэтажных дома приказал выкупить и высокую кирпичную кладку, что торчала на их стенах, почти примыкающих с двух сторон к зданию правления, обязательно разобрать. А зачем эти странные, намного выше крыш надстройки были сделаны — никому не известно. Кто-то слышал, что так от пожара в прошлом защищались, другие говорят, что только шеф настоящие причины знает, что-то личное у него связано с этим домом, где сейчас правление, хотя он в нем никогда не жил.

Как-то раз подкатили к нему на корпоративной вечеринке с вопросом, как бы между прочим. А он смеется, говорит, если бы не было этого дома и его хозяйки, и меня, может, не было. И надстройки, мол, с соседних домов он убрал не только для того, чтобы в правлении было светло, а чтобы восстановить справедливость за всю прошлую жизнь. Шутит, наверно, или был навеселе — перед этим одну грандиозную сделку провернули…

В общем, толком никто и не понял: что это за справедливость такая? Что за хозяйка? И чья прошлая жизнь?

Чикаго, 2009–2016

Лео БУТНАРУ

ОРФЕЙ

(РАССКАЗ)

Даже мы, дети, понимали, что Орфей — не его настоящее имя, а скорее прозвище. Удивительно было только, что в этом прозвище вроде не было ничего уничижительного в том смысле, что одному человеку оно приносит одни страдания, вызывая у окружающих усмешку. Слишком уж оно было кроткое, красивое и какое-то необычное.

Орфеем называло его все предместье Мелестеу хотя бы потому, что мало кто знал его настоящее имя; которое я, может быть, и слышал, но теперь, через двадцать с чем-то лет, забыл.

Своим детским умишком я догадывался, что такое прозвище слишком уж красиво для человека с искромсанным, перекошенным (мы называли «помятым») ртом. Губы были сдвинуты одна к другой двумя глубокими шрамами, напоминающими следы подков; такие шрамы не смогли бы скрыть ни усы, ни борода, даже если бы Орфей вдруг вздумал их отрастить.

Я встречал его в нашем предместье, пока не настала пора и мне отправляться в школу. Правда, видел я его только тогда, когда он проходил мимо наших ворот, но так и не узнал, где он живет, потому что мать, отец, старшая сестра, бабушка и еще не помню кто не спускали с меня глаз, поочередно присматривая, чтобы я не ушел далеко от дома и не попал в сети «порченой психологии» (формулировка принадлежит моему отцу, который по тем временам работал на Ильинском рынке) маленьких или уже взрослых беспризорников, которые в первые послевоенные годы наводнили кишинёвские предместья.

Итак, некоторое время я не видел Орфея — то ли он покинул Мелестеу, то ли мы в ту пору переехали на новую квартиру в другой район Кишинёва — Рышкань. Да и вряд ли кто через столько лет мог упомянуть высокого мужчину с обезображенным ртом и неизменным черным футляром под мышкой. Может быть, я был одним из последних, кого интересовала эта фигура.

И вот, когда я с отличием закончил среднюю школу, родители взяли меня с собой на море. Это было что-то вроде премии за отличную учебу и своеобразный аванс к вступительным экзаменам в Мединститут, которые предстояли недели через три-четыре. Жарясь под крымским солнцем, я увидел человека с изуродованным ртом, которым живо напомнил мне Орфея.

— Мама, кто же он все-таки такой, Орфей? — дрогнувшим голосом спросил я.

— Какой Орфей?

— Трубач, — отозвался отец из-за газеты, которую он не то читал, не то использовал как защиту от мух.

— Тру-у-у-бач? — протянула мать.

— Ну, у которого рот был изуродован, — уточнил отец, складывая газету.

— А-а! Который на свадьбах играл?! — справилась мать.

После чего, припоминая детали, родители поведали мне историю об Орфее из Мелестеу. А я, новоиспеченный выпускник средней школы, знал, разумеется, легенду о непревзойденном аэде древности.

* * *

— При рождении мать пролила на его язык три капли росы, оделив его даром сладкозвучия. Приемным отцом стал сам Аполлон. И лира несравненного Орфея, посетившего, говорят, и наши края, укрощала диких зверей, с морд которых еще капала кровь растерзанных жертв. От звуков его песен шатались горы, докатывая глыбы до самых ног рапсода и подставляя их в виде кресел…

* * *

Но что могло быть общего у достославного аэда с этим изуродованным человеком, носящим черный футляр под мышкой? Наверное, прозвище Орфей придумал какой-нибудь злопыхатель с архаичным, лицейским образованием. Он окрестил в насмешку несчастливого музыканта, который, казалось, носил черный футляр как зловещий талисман, напоминающий о жестокости судьбы, о жестокости давно закатившихся времен.

— Что же у него было в футляре? — спросил я тогда родителей.

— Труба… Сладкозвучная труба, — помедлив, добавил отец, с некой театральностью и вместе с теми с искренним волнением, вспомнив, видимо, юность, вызолоченную душераздирающим ностальгическим танго, которое танцевалось страстно и самозабвенно.

И я узнал у него, что в ту далекую пору Орфей был неподражаемым трубачом (отец прибавил еще несколько эпитетов, которые то и дело мелькают в рецензиях заштатных журналистов). Я несколько скептически отнесся к этому определению, потому что не мог представить, как может человек поднести мундштук трубы к таким исполосованным твердыми рубцами губам. Еще я узнал, что у этого неподражаемого и несчастливого музыканта было немало недоброжелателей, и один из них, а именно трубач Мунтя, которого Орфей затмевал своим искусством, просто видеть его не мог. И трагическое столкновение между ними произошло на свадьбе, которую играли во дворе Максима Саву, одного из самых справных и добрых хозяев послевоенных Мелестеу. Я с трудом представил свадебных гостей, мужчин, женщин, детей, представил, как они глазеют из-за плетня, а потом толпятся вокруг Орфея-трубача, который откинул голову на спинку стула, и и издавал ужасающие всех крики, когда мать невесты касалась его окровавленного рта смоченным в спирте домотканом рушником. Отец невесты Максим Саву потерянно ходил по двору и ругался на чем свет стоит, дожидаясь милиции, за которой побежал кто-то из родичей. На улице парни яростно избивали виновника несчастья Мунтю. Тот тоже ревел во всю силу легких, и в его реве можно было разобрать лишь несколько слов, которые он повторял как в бреду: «Я, я, а не он… Он ничтожество!..»

* * *

В разгаре свадьбы Мунтя подступился к музыкантам. Настроение у него было хоть куда, а это означало, что он слегка навеселе.

— Слышь, Орфей, — сказал он, потянувшись к трубе. — Дай дунуть. Эх, закачу я вам «дамеш», который не то, что вы, но и все Европы только от меня и могут услышать.

— Нет уж, сегодня тебе танцевать под мою трубу, — ответил Орфей и беспечно засмеялся.

— Ну, ну, удивляй народ, — так же весело ответил Мунтя и скрестил руки на груди.

Орфей ничем особенным не удивил. Он стал играть всем известное танго, но заиграл так, словно только что его сам сочинил, и от этой первозданности захватывало дух, и свадебным гостям казалось, что ничего такого они еще не слышали…

…Когда над Мелеству растаяла последняя щемящая нота, Мунтя как-то ненатурально захлопал я ладоши, крича «Браво, трубач!» Правда, прислушайся кто повнимательнее, услышал бы: «Браво, трепач!»

— Эх, брат, чего нам друг дружке завидовать! Ни ты мне, ни я тебе, — еще сказал Мунтя. — Сдаюсь и падаю к ногам. Дай-то нам бог жить в дружбе и братстве. А потому поцелую-ка я тебя крепко, по-мужски!..

Трубачи обнялись, но Орфей тут же почему-то забился в руках Мунти, сдавленно замычал, словно ему заткнули рот кляпом и стали резать. Труба выскользнула из пальцев Орфея, он стал молотить Мунтю кулаками, но музыканты и случившиеся рядом гости не могли взять в толк, что случилось на самом деле. Лишь через несколько секунд кто-то отчаянно закричал:

— Да он его душит, люди добрые! — и тогда несколько человек схватили Мунтю, стали бить его по лицу, в кровь разбивая щеки, чтобы заставить разжать челюсти.

Наконец Мунтю оттащили, и Орфей страшно закричал, и крик его захлестывала кровь, лившаяся потоком изо рта. Но разве это был рот? Живое мясо, раздавленный гранат.

* * *

Смутные воспоминания детства нахлынули на меня в этот вечер. Я сидел в скромненьком кафе «Дачия», расположенном неподалеку от общежития университета, в котором по обыкновению собирались студенты. Зашел я сегодня по причине, которая не стоит вашего внимания. И вот я, почти тридцатилетний мужчина, не сегодня-завтра кандидат медицинских наук, сижу и смотрю на пустые подмостки — музыканты ушли на перерыв. Вместе с ними ушел и старик с изуродованным ртом и темными очками на носу. Это гитарист. Когда он поет, прячет рот за большим микрофоном, но умеет из миллиона песен, заполнивших наше жизненное пространство, выбрать именно ту, созвучную душе. После исполнения старика вызывала на «бис» молодая, восторженная аудитория, завсегдатаи кафе «Дачия». «Воспоминанье, добрый вечер…» — требуют со всех уголков кафе звонкие голоса. И музыкант кротко перебирает струны, и снова прячет за большим круглым микрофоном изуродованные губы, и заводит печальную песню. Голос его ясен и никак не выдает возраста: «Воспоминанье, добрый вечер!..», и меланхоличные студентки опускают головки на плечи своих юных партнеров, и улыбаются в полузабытьи. «Воспоминанье, добрый вечер, добрый вечер…»

* * *

Я предполагаю и даже уверен, что искалеченный Мунтей (трубач) сменил свой инструмент. Он был вынужден пойти на это, но он остался музыкантом. Как бы то ни было, постигнув тайны гитары, он стал еще отзывчивей на требования эпохи. Нет и тени усмешки в этом заключении. Я всей душой со стариком, который прячет губы за большим микрофоном и навевает ностальгию: «Воспоминанье, добрый вечер!..» Я всей душой с этими меланхоличными барышнями, которые опустили головки на плечи своих юных партнеров и улыбаются в сладком полузабытьи. И они, как и я, всей душой с этим кротким и великодушным старым гитаристом.

* * *

Пока музыканты отдыхают, я смотрю на пустые подмостки, словно могу увидеть на них бог весть что загадочное, сокровенное. Я смотрю на пустые подмостки... Почему на пустые? Там, на воображаемой сцене, я отчетливо вижу сына Аполлона и музы Каллиопы. Вижу Орфея, влюбленно глядящего на нимфу Эвридику, и та, в окружении своих сестер, просит его сыграть, и вот они уже танцуют в сладком полузабытьи. Орфей им играет и дивит весь мир... Затем, видя, что Эвридику ужалила немилосердная змея, Орфей, печальный и исполненный отчаяния аэд, взывает к небесам: «О, Зевс, великий Зевс, яви милость и верни жизнь Эвридике!»

Но на высоком Олимпе хранят молчание, тяжелое, как скалы...

* * *

Но вот вернулись на подмостки музыканты. Слабый свет в глубине бросает длинные тени, скрывает их лица. Старик берет со стула гитару, набрасывает ремешок на плечо, садится и прячет губы за микрофон. За столиками кафе раздаются аплодисменты и восклицания: «Просим, Маэстро!»... «Бона сера, сеньорита!»... «Давайте "Добрый вечер сеньорита!..", маэстро!»

И кроткий великодушный старик берет первые аккорды. И раздается его глубокий красивый голос. Тоненькие, грациозные студентки опускают головки на плечи своих юных партнеров, улыбаясь в сладком полузабытьи...

Воспоминанье, добрый вечер!.. Добрый вечер!.. Добрый вечер, Эвридика...

Добрый вечер, Орфей, добрый вечер!..

1984

Перевел с румынского Виталий БАЛТАГ

Татьяна ЯНКОВСКАЯ

ИСКУССТВО В ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ

«Независимое и самодостаточное искусство... силой уводят с его естественного пути и подчиняют служению тем целям, которые ему чужды. В этом заключается трагедия, характерная для художника в современном мире».
***Р. Д. Коллингвуд «Принципы искусства»*[1]**

О ДИКТАТЕ РЫНКА

Раньше искусство финансировалось любителями. Как богатые меценаты, так и почтенная публика платили за то, что им нравилось. Люди творческих профессий, как правило, не были богаты, если они такими не родились. В XIX и XX веках это стало меняться, в значительной степени в связи с накоплением капитала в результате индустриальной революции, распространением образования, развитием науки и т. п. Один за другим открывались музеи, театры, концертные залы, которые создавались и поддерживались правительством или меценатами, чьи ряды выросли; появилась армия профессиональных критиков. В XX веке было уже гораздо больше писателей, художников, актеров, которые неплохо, а порой и очень хорошо себя обеспечивали. Общество стало относиться к ним с бóльшим уважением, и родители уже не прокляли бы дочь, пожелавшую стать актрисой.

Но капиталистическая модель, целью которой является получение и приумножение прибыли, стала постепенно менять отношение к искусству. Меценатов-любителей стали вытеснять «крутые бизнесмены», и деньги стали вкладывать в то, на чем надеялись заработать. Решающим стал не талант художника, не вкус мецената или публики, а «раскрутка» тех, в кого вложили деньги, чтобы получить быстрые дивиденды, т. е., создаются «мыльные пузыри». Искусство и культура стали жертвами процесса индустриализации, который к концу XX века захватил такие сферы, которые не могут и не должны служить получению прибыли. Термин «индустрия здравоохранения» широко вошел в обиход в США в конце 1980-х годов, «индустрия образования» — в начале 90-х. Результаты не заставили себя ждать: цены взлетели, качество упало, доступ ограничился. И вот настала очередь искусства. Сегодня деньги в искусство вкладывают, как в недвижимость или акции. Особенно давлению рынка оказалось подвержено изобразительное искусство, т. к. при его продаже легче задействовать рыночные механизмы. Искусство стало предметом потребления и подчиняется общему механизму действия потребительского общества. Такая модель пустила корни и в России.

Термин «индустрия искусства» еще не стал привычным, но приемы управления корпорациями распространились и на него. За что мы платим деньги

1 *Перевод с англ. А. Г. Раскина под ред. Е. И. Стафьевой (М.: «Языки русской культуры», 1999).*

сегодня? Для супер-богатых это диверсификация портфеля активов. Небогатые платят за посещение выставок, амбициозные стараются прорваться на престижные тусовки. Появились инвесторы и венчурные капиталисты, культивируются потребители — элитный и массовый. Для последнего, не прошедшего специальную информационную обработку и в силу этого не способного увидеть разрекламированное платье на голом короле, создается ширпотреб, требующий не ителлектуальной подготовки, как элитное искусство, а промывки мозгов, учитывающей психологию толпы. Так растят новые поколения с серией заданных условных рефлексов, которые примут правила игры, навязанные им с детства. Это делается с помощью целенаправленного брендинга, подсаживающего детей на иглу рекламы до того, как они выработают собственный вкус.

В октябрьском номере журнала «Нью-Йорк» за 2007 год обсуждался сенсационный уход Лизы Денисон с поста директора музея Гуггенхайма, чтобы заняться бизнес-девелопментом аукциона Сотбис. Мисс Денисон теперь помогает пополнению коллекций тех, в чьих руках скопились огромные деньги, в первую очередь в Азии и в России. Ее новый босс Тобиас Майер сравнивает интерес сегодняшних нуворишей к «иконам» искусства XX века, собравшимся в Америке, с тем, как закупали европейское искусство бароны-грабители (robber barons), сколотившие баснословные состояния сто лет назад — время, которое Марк Твен назвал Позолоченным веком. Денисон раскрыла причину своего ухода: *музеи перестали быть конкурентоспособными* в условиях сегодняшнего рынка, что сделало ее работу слишком сложной, особенно после того, как новый CEO[2] музея изменил его миссию, сделав упор на создание и глобализацию бренда «Гуггенхайм», по аналогии с «Макдональдсом» и «Кока-колой». Денисон пытается убедить себя и других, что ее работа на рынке Сотбис мало отличается от прежней. Но ее коллеги понимают, что если раньше ее работа служила высокой цели и помогала сохранять чувство собственного достоинства, в новом амплуа она этого лишена. Анекдоты чутко улавливают перемены. Есть анекдот и про Сотбис. Новый русский: «Да не аукцион это, говно в натуре! Картину хотел купить — оказалась дешевка, Врубель». Сегодня на аукционах аплодируют не художнику, а покупателю, потратившему бешеные деньги. На гребне ажиотажа вздувают цены и на картины известных художников. Так, картина Климта была продана недавно за рекордную сумму в $135 млн. в немалой степени из-за международного скандала, связанного с возвращением ее австрийским правительством наследнице владельцев.

Новые поколения приучают к тому, что деньги — мерило всего. Слышатся призывы «приравнять деньги к таланту». Те, чья цель — быстрая прибыль на рынке культуры, подчеркивают мастерство, технику. Ремеслу можно научить, таланту не научишь. Как заметил Пришвин, «способность писать без таланта называют мастерством». Думаю, что рынок делает упор на «мастерство» именно потому, что настоящие таланты труднее поддаются манипуляции, а это делает их непригодным товаром для рынка, где предсказуемость облегчает выработку долгосрочной стратегии и помогает застолбить будущие прибыли. Но в конечном итоге, это проигрышный путь, и не только в искусстве: так в 1999 г. аналитики фондового рынка убеждали инвесторов покупать акции компаний, которые обвалились год спустя.

Самые тоталитарные системы — это корпорации. Государство не может «уволить» свой народ, при любом строе ему приходится хоть что-то делать для населения, чтобы сдерживать недовольство. Корпорации недовольных увольняют. Увольнение как решение финансовых проблем стало обычным делом в американских корпорациях. Этот подход возник в 1970-е годы, когда США начали

2 *Chief Executive Officer, глава корпорации.*

постепенно сворачивать промышленность, а опорой новой экономики стали финансовые, страховые компании и недвижимость (т. е., finance, insurance and real estate — FIRE). Новая экономика основана на создании спекулятивно-инфляционной машины, периодически создающей перекос в экономике. Если раньше существовали колебания рынка, теперь он растет в одном направлении — вверх, пока созданный таким образом пузырь не лопается, обрушивая на своем пути финансовые институты и индивидуальные копилки населения. Каждый следующий пузырь значительнее, а потому опасней предыдущего. Американская экономика уже не может функционировать без таких пузырей гиперинфляции. И хотя теоретики новой экономики заявляют, что это признак могущества страны, при закрытых дверях они, конечно, обсуждают, как себя обезопасить и как обеспечить в будущем доступ к *реальным* ценностям[3]. Новое платье короля хорошо до поры до времени, пока доверчивые буратино готовы покупать акции фиктивных компаний и липовых фондов в обмен на реальные товары.

Корпорации давно уже снизили планку в научно-технической сфере. Премии в соревнованиях на лучший проект дают коллективам, занимающимся маркетингом и продажами, а не за изобретения, новые технологии, рационализацию, забывая, что прежде чем продавать товар, его нужно произвести, а потом постоянно усовершенствовать. В 80–90-е годы американскими корпорациями был взят курс на сокращение «мозгов», чтобы не тратиться на их подготовку. «Мозги» все чаще сидят в Китае, Индии, в других странах, а при необходимости импортируются. Сегодня можно наблюдать тревожные последствия такой политики: многие вполне преуспевающие фирмы и целые отрасли в Америке просто исчезли. Согласно экономисту Кевину Филлипсу, к 2006 году производство в США сократилось до 12% от валового продукта, в три раза за 50 лет.

Изучение опыта развитого капиталистического общества убеждает: все, что связано с физическим и нравственным здоровьем человека, его выживанием в современном мире, — медицина, образование, среда обитания, безопасность и культура — не может быть полностью отдано на откуп рынку. Последний мировой кризис это ясно продемонстрировал. Еще Адам Смит говорил о необходимости разумного контроля со стороны государства, чтобы люди не стали жертвой собственной жадности. Как известно, есть множество способов законного отъема денег, и стараниями лобби, с одной стороны, платящих за изменения законодательства в свою пользу, и школ менеджмента, с другой, количество способов изъятия денег из карманов почтенной публики постоянно растет. Запретят одно после очередного скандала — тут же придумывают другое.

В сфере искусства и культуры место почтенной публики сегодня занято массовым потребителем культурной продукции. Это важнейшее изменение означает, что у нас стало меньше прав. Помните — «заказчик всегда прав»? А слышали вы такое про потребителя? В одной из крупнейших корпораций США, где я работала в 1990-е годы, нам заменили привычный лозунг «удовлетворять заказчика» на «ублажать (delight) заказчика». Потому что в индустрии как продавцами, так и покупателями (заказчиками) являются компании, а не индивидуумы. Именно последние являются потребителями. Отношение же к потребителю — лопай, что дают. Нью-Йоркскому мэру Блумбергу приписывается фраза, которую он сказал в бытность свою бизнесменом (даю смягченный вольный перевод): «Потребитель должен думать, что он что-то поимел, когда на самом деле поимели его». О таком раскладе заботится реклама, а захват рынков монополиями оставляет потребителю мало выбора. По мере укрупнения корпораций и возрастания их влияния на структуры государственного управления свободная конкуренция все больше становится мифом.

---

3 После выборов Дональда Трампа президентом США в 2016 г. противоречия стали более очевидными.

Нам уже не просто предлагают ненужный товар, доказывая, что «оно нам надо». «Новый наряд короля» проник в сферу эстетики — и многие, как взрослые зеваки из сказки, не смеют не только вслух, но даже себе признаться, что произведения, назначенные шедеврами, им не нравятся. Раньше этот прием использовался в основном в политике, религии, экономике. Пожалуй, никогда еще он так цинично не применялся в искусстве. Критик Джерри Солтц пишет в статье «Погубили ли деньги искусство?»: «У многих в мире искусства появился "как скажете" подход к искусству: все так боятся пропустить следующего модного художника, что никогда не ясно, нравится ли людям работа потому, что она им нравится, или потому, что она нравится другим»[4]. Образование не защищает от стадного инстинкта. Напротив, образованному человеку часто труднее признаться, что он чего-то не знает или не разделяет восторга перед последним писком культурной моды. Неслучайно именно маленький мальчик произнес: «А король-то голый!»

Происходит сознательная манипуляция обществом: людям навязывают то, что самим манипуляторам не нравится, что они не покупают для себя. Теперь не короли носят несуществующий наряд, проданный мошенниками: нынешние короли рынка рекламируют и продают «новое платье» одураченной публике, самым бессовестным образом выдавая ничто за нечто. Мир все шире и шире вовлекается в покупку этих нарядов, расхваленных проходимцами, приберегающими шедевры для себя. И. Кулик восторженно писала в газете «Коммерсантъ» 16 сентября 2006 г. об открытии в Киеве центра современного искусства PinchukArtCenter, самого большого частного музея на Украине: «Открытие обещает быть весьма эффектным… В Киев уже пожаловала экстравагантная парочка, известная в арт-мире как Ева и Адель. Без присутствия этих живых "произведений искусства" — бритых наголо трансвеститов в женских платьях — не обходится ни один серьезный международный вернисаж». Пинчуку «удалось собрать весьма представительную, фактически музейную коллекцию современного искусства. *Для своей личной коллекции украинский предприниматель собирал искусство, выдержанное во вполне традиционном духе — русская живопись XIX века, импрессионисты. Но для просвещения публики в арт-центре представлено только наисовременнейшее*» (курсив мой. — ***Т. Я.***). «Новое собрание строится не по привычному для начинающих музеев принципу второстепенных работ хрестоматийных классиков <…>, а включает свежие произведения… зажегшихся звезд», среди которых «очень модный индус Субодх Гупт» и британский художник Чарльз Сэндисон, предлагающий «помедитировать в темных "Гостиных", по стенам которых кружатся светящиеся буквы, складывающиеся в основные понятия человеческого существования — "food", "dead", "old", "male", "female", "child"». Американские «бароны-грабители» и их наследники — например, братья Стивен и Стерлинг Кларк, Изабелла Гарднер — были честнее: что любили сами, тем и делились. Основали при жизни или оставили после себя прекрасные музеи. То же самое можно сказать и о П. М. Третьякове. Не то Пинчук: что любит — себе, а американскому куратору позволяет дурачить украинцев.

Это пример того, как целый народ отлучают от прошлого, от традиций, от лучших достижений мирового искусства, навязывая продукцию, имеющую весьма спорную художественную ценность. Легко предвидеть, что эти «шедевры» не выдержат проверки временем, но за это время вырастут поколения, лишенные доступа к своему и мировому наследию, к классике, которая столь важна для воспитания полноценных членов общества. Как верна парадоксальная на первый взгляд мысль Гилберта Честертона: «Главная польза от чтения великих писателей… не связана ни с великолепием стиля, ни даже с воспитанием наших чувств. Читать хорошие книги полезно потому, что они не дают

4 *Здесь и далее перевод с английского журнальных публикаций автора.*

нам стать "истинно современными людьми". Становясь "современными", мы приковываем себя к последнему предрассудку; так, потратив последние деньги на модную шляпу, мы обрекаем себя на старомодность... Литература — вечная, классическая литература — непрерывно напоминает нам о немодных истинах, уравновешивающих... новые взгляды».

Возникновение и развитие в ряде западных стран паразитической культуры, паразитического искусства свидетельствуют о политической и идеологической несостоятельности нынешних моделей общества, об оскудении духовных ценностей. Опыт прошлого учит, что за этим неизбежно последует обновление. Каким оно будет, зависит и от нас, сегодняшних жителей планеты. В эпоху масскультуры недостаточно одного, пусть весьма авторитетного, голоса в защиту культуры от культа формата, от диктата денег, от безвкусицы, предствленной как неизбежность рыночного подхода, от рабского подражания модному стилю. Нужно многоголосие — критиков, писателей, артистов, зрителей, читателей. И чем нас больше, тем больше нас будут воспринимать как заказчиков, которых выгоднее «ублажить», чем «поиметь».

Дж. Солтц приводит слова главы отдела современного искусства в Сотбис: «Лучшее искусство самое дорогое, потому что рынок умный». «Это совершенно неверно, — возражает Солтц. — Рынок не компьютер, а съемочная камера, которая настолько глупа, что верит почти всему, что поставишь перед ней. Он самовоспроизводится: если рынок видит, что работы одного художника хорошо продаются, он покупает у него больше, взвинчивая цены. Отсюда возникает спешка, с которой *скупаются третьесортные работы второсортных художников*». Вот они, мыльные пузыри, создаваемые по типу пузырей на американском фондовом рынке, лопнувшем в 2000 году, и на рынке недвижимости, лопнувшем в 2008-м. Валентин Берестов точно передал суть рыночной экономики в стихотворении о мальчике, копившем фантики: сначала обертки-картинки стали для него важней начинки, потом оказалось, что «богатства подлежат обмену, а не то они теряют цену»; начав же меняться, мальчик вдруг обнаружил, что «важней начинки и картинки оказалось сам не знаю что».

Путешествуя по Франции в 1929 году, С. Эйзенштейн заметил, что одна и та же фирма выпускала открытки с изображением святых и порнографические открытки, и, будучи «хозрасчетно разумной», использовала одни и те же фотомодели. Это наблюдение режиссера символизирует одну из важных характеристик рынка: для получения прибыли все средства хороши. Думаю, что для большинства людей во всех странах есть разница, каким путем зарабатывать деньги — если, конечно, это не вопрос выживания. Нельзя ставить культуру, свое национальное достояние, во многом определяющее самоидентификацию народа, на грань выживания. Она нуждается в поддержке. Книга К. Филлипса «Дурные деньги. Безответственные денежные отношения, обанкротившаяся политика и глобальный кризис американского капитализма» имеет два эпиграфа. Один из них, т. н. закон Грешэма, гласит, что «дурные» деньги вытесняют «хорошие», но хорошие деньги не могут вытеснять плохие. Второй эпиграф расширяет сферу приложения закона: на глобальном свободном рынке «плохой» капитализм имеет тенденцию вытеснять «хороший». Так как искусство все больше становится частью глобального рынка, закон Грешэма может быть распространен и на него: плохое искусство вытесняет хорошее, но обратной силы это правило, увы, не имеет. При этом «плохие» деньги оплачивают плохое искусство.

Режиссер-документалист Джин Серчингер снял по заказу музея Метрополитен фильм «В ярком свете» об арльском периоде Ван-Гога — по-моему, лучший из посвященных ему фильмов, дань одного художника другому. Но магазин при музее больше не продает его: они предлагают фильм о Ван-Гоге, где текст читает Кристофер Рид, сыгравший Супермена. Вот пример того, как «плохое» искусство вытесняет «хорошее», хотя оба фильма могли бы сосуще-

ствовать, если бы целью было удовлетворение разнообразных потребностей покупателей, а не нажива дельцов от культуры и приведение потребителей искусства к наименьшему общему знаменателю.

Хорошее искусство, чтобы оно не исчезло, а продолжало развиваться рядом с плохим, необходимо постоянно создавать заново (ведь только плохое легко «нарисовать» по шаблону), сознательно поддерживать его деньгами, исходящими из «хороших» рук. Если даже щенка или котенка стремятся отдать в хорошие руки, почему воспитание новых поколений отдается в руки кого попало? Необходима полноценная система воспитания и образования молодежи, в том числе научного — ведь без полноценных «физиков» захиреют и «лирики». В последнее время научно-технические специальности в университетах США получают в основном иностранцы, прежде всего, китайцы. Та же тенденция существует в других развитых странах. В Китае и в Индии продолжают выпускать хороших инженеров, но будет ли это продолжаться по мере роста благосостояния в этих странах? Если на американскую модель перейдут повсеместно, кто будет готовить талантливых специалистов? То же самое относится и к искусству. Многие музыканты, певцы, солисты балета, сделавшие карьеру в США, — иностранцы, получившие образование за рубежом. Может быть, новые яркие таланты начнут приходить из тех стран, где их растят вне рыночных отношений? Может быть, это уже происходит: среди новых музыкальных звезд — молодой дирижер Густаво Дудамель, «продукт» Системы — специальной программы бесплатного обучения музыке школьников Венесуэлы. Доступная программа обучения способных детей музыке в Советском Союзе произвела в свое время многие поколения музыкантов мирового класса.

Рынок отнюдь не стихиен, за ним стоят люди, которые им умело манипулируют. Не всегда дальновидные, обладающие хорошим вкусом, имеющие благородные цели, задумывающиеся о пользе своей деятельности. Зачем безумные скачки и падения, если можно обойтись без великих потрясений? От создания мыльных пузырей на любом рынке выигрывают только те немногие, кто их создает и прокалывает, предварительно реализовав свою прибыль. Так осуществляется перекачка денег от менее богатых к супербогатым. Недаром в последние годы разрыв между богатыми и бедными в ряде стран, включая РФ и США, заметно возрос. Манипулируют и рынком культуры, как массовой, так и элитарной, только бренды разные и масштаб оборота другой.

О КУЛЬТЕ ФОРМАТА

Формат коммерческих изданий отражает вкусы и установки спонсоров, рекламодателей, медиа-владельцев, в меньшей степени редакторов и определяет содержание и идеи, жестко ограничивая авторов. Известность избавляет некоторых от необходимости подделываться под чей-то формат. Но вот я читаю интервью с популярной актрисой Евгенией Симоновой: «Не знаю, кто увидит нашу новую картину, потому что зрелище получилось очень изысканное и жутко несовременное… Я этим летом была в жюри фестиваля "Кинотавр"… и поняла, что "Событие" Набокова не впишется в этот, как теперь говорят, формат». Василий Песков, ведущий передачи «В мире животных», стал жертвой культа формата: «Я вел передачу пятнадцать лет и хорошо знаю: ее очень любили… Передача несла людям знания, в ней было место для слова о нравственности, о сбережении всего, что нам дорого в природе. Это были уроки доброты, здорового патриотизма… И вот уже нет передачи — "не вписалась" в какие-то новые форматы».

Кому же нужны такие изменения «формата»? И если в советское время многие не боялись отстаивать на худсоветах и в министерствах то, во что верили, что им мешает делать то же самое сейчас? Интересно высказывание Л. Улиц-

кой на встрече с читателями в Нью-Йорке в 2004 году: «Чувство дилетантизма дает свободу. Когда человек перестает быть начинающим художником, он перестает быть художником вообще». Частично над причиной такой метаморфозы приоткрыл завесу Фрэнсис Коппола в интервью 2007 года: «Я всю жизнь, страшно сказать, любил снимать фильмы больше, чем получать за них гонорар… ["Крестный отец"] поставил мою жизнь с ног на голову… Я был вынужден идти той дорогой, которую отчасти выбрал сам, отчасти мне указали».

Если бы Чехову пришлось продолжать укладываться в формат «Антоши Чехонте», мы бы имели еще одного Аверченко, а не гениального писателя, покорившего мир своими рассказами, написанными не по готовым формулам, которыми пользовались на Западе, — даже такие мастера, как Генри Джеймс, Мопассан, Эдгар По. «Была страна, где формула эта не имела хождения, — пишет С. Моэм в «Искусстве рассказа». — И когда авторы, а с ними и читатели, убедились, что модный рассказ выродился в скучный шаблон, тут-то и спохватились, что есть рассказчики, которые пишут по-другому». «Навязанные рамки размеров и жанра начали его тяготить», и Чехов начал писать более длинные и серьезные рассказы, где избегал драматизации, а описывал обыкновенных людей, ведущих заурядное существование. В принятой формуле: «обстановка — персонажи — что они делают и что делается с ними — чем дело кончилось», Чехов опускает первый и последний компоненты схемы, что оказалось плодотворным и новым *без желания поразить*. Замечу, что примерно в это же время Сезанн в живописи отказался от переднего и заднего плана, и зритель сразу погружался в средний план, что позволяло острее почувствовать изображаемое.

Отчасти формат связывают с формой произведений, и одно из главных требований, предъявляемых «элитным» авторам, относится к экспериментам в области формы. Пусть это лишь обертка, прикрывающая пустоту. На самом деле, и в традиционную форму можно вложить новое содержание. Так, Г. Дудамель поразил искушенную нью-йоркскую публику свежим, оригинальным исполнением Пятой симфонии Бетховена. А ведь, казалось бы, что нового можно добавить к тому, как судьба стучится в дверь… А что предлагает Пинчук, изгнавший из своего центра шедевры прошлого и под видом нового в искусстве предлагающий трансвеститов в женском платье, головы коров в формалине или панно из мертвых мух? Искусство должно выдерживать проверку маленьким мальчиком, который не читал статей о модных направлениях в искусстве, но «голого короля» увидит сразу.

Требование уложиться в формат, быть современным бессмысленно. Сколько художник говорит о времени, сколько о себе, определяется масштабом и особенностями таланта. Автопортреты Рембрандта, «Звездная Ночь» Ван Гога, двадцатый концерт Моцарта, пушкинское «Не дай мне бог сойти с ума» — все это портреты души авторов в момент творения. Свое парение они воплотили в звуках, красках, словах, и на мгновение — а может, и на всю жизнь — эти переживания становятся частью нас самих. И неважно, какой век на дворе. А картина «Тихие дни» Болдини — это портрет времени. Изящно одетая женщина на диване вяжет, кокетливо закинув ногу на ногу. Перед ней на полу играет мальчик в нарядном костюмчике, небрежно брошена в стороне виолончель. Много оттенков серого, несколько ярких пятен — и мы чувствуем ритм той жизни, негромкое счастье повседневности. Такое невозможно было бы увидеть ни за сто лет до этого, ни сто лет спустя, это кусочек жизни на стыке XIX и XX веков.

Не так давно в Нью-Йорке проходила выставка, посвященная Барселоне начала прошлого века. Рамон Касас, Сантьяго Русиньоль, Евсебий Арнау. Какое счастье, что они есть! Как ими, должно быть, наслаждались их современники! Они создавали атмосферу, в которой появились новаторы и революционеры от искусства Пикассо и Дали. Они не опережали свое время, а шли вровень с ним, отражали его. Их искусство вызывает глубокой отклик в душе. Алексей Макушинский пишет в эссе «XX век»: «Может быть, самое подлинное лежит

не на «магистральной линии века», но в решительной стороне от нее… Двадцатый век не сводим к модернизму и производным от оного измам». И как знать, как рассудит будущее? При жизни Бах был «нераскрученным» церковным органистом, Боннара лишь недавно подняли на высоту, которой он не знал при жизни. Его новаторство куда более скромное, незаметное, чем у более прославленных его современников, ломающих привычные формы. Когда возникло новое искусство, продолжала существовать и «середина», которая передавала дух времени, но не порывала с традициями. Как бы ни были интересны Берг и Веберн, сердца слушателей принадлежат их современникам Шостаковичу и Рахманинову, которые в своем творчестве отталкивались от музыкальных традиций, но не отвергали их. У Антониони в «Приключении», одной из вершин мирового кинематографа, режущей глаз новизны нет, в каком-то смысле он даже вернулся к традициям немого кино, сведя к минимуму диалог, но при этом отказался от музыкального комментария, атавизма сеансов немого кино. Оставаясь реалистом, он усиливает визуальную и ассоциативную составляющие в развитии сюжета и показывает внутренний мир героев, психологическую мотивировку их поступков средствами кинематографии.

Иногда формат диктуется требованиями времени. Когда в 1930-е годы СССР переживал коллективизацию и репрессии, а США — Великую депрессию, в обеих странах оказалась востребованной «лакировка действительности». В одном случае это вызвало к жизни соцреализм, в другом — голливудский гламур и рисунки Нормана Рокуэла. Рокуэл, по его словам, изображал Америку, какой она должна быть. Он «немного приукрашивал» то, что видел в маленьких городках Америки, и стилизовал в той манере, которая продавала его работы, которыми пестрели обложки журналов. В это же время Эдуард Хоппер, не пытаясь вписаться в формат, отражал в своих картинах отчуждение и одиночество человека в современном мире (ему было бы не выжить, если бы не поддержка Стивена Кларка). Нужно, наверное, и то и другое. Мир Н. Рокуэла, из которого он исключал все «убогое и уродливое», радовал простых американцев-современников, которые были сыты по горло убожеством и уродством своей жизни, а мировое искусство обогатилось работами Хоппера, одного из лучших американских художников XX века. О жизни советских деятелей искусства тех лет хорошо известно.

Но сегодня формат определяется не потребностями общества или требованиями государства, а почти исключительно владельцами мега-медиа и рекламодателями. Корпоратизация СМИ и развитие технологий позволили значительно ускорить оборот вложенных средств. Но если это ведет к выхолащиванию, обезличиванию, отказу от популярных телепередач и проката талантливых фильмов, то мы возвращаемся туда, откуда пришли: к тоталитарному ограничению творческой деятельности, и об искусстве не может быть и речи. За 200 лет Россия добилась огромных успехов в искусстве, признанных во всем мире. Как можно с такой легкостью *добровольно* от этого отказаться? Сегодня как никогда важно не дать разрушить связи с прошлым. Американский журналист и историк Льюис Лэйпам предлагает нам обратиться к «мудрости авторов, чьи слова пережили крушения времен» в качестве «лекарства против амнезии». Он считает знание истории не целью, а средством, которое нужно использовать, как природные ресурсы и прикладные технологии, утверждая, что у нас *нет иного материала для построения будущего*. Он говорит об изменении гражданственности, интеллектуальной жизни и культурном удушье нации, контролируемой телевидением. Коммерческие СМИ обращаются со своей аудиторией, как с детьми, которые захотят купить рекламируемую игрушку. Это очень серьезно, потому что с помощью СМИ *«мы формируем инструменты, а потом эти инструменты формируют нас»*.

Статья А. Минкина «Под властью маньяков» проливает свет на то, как это делается. «Все соцопросы показывают: людям осточертели скандалы, опротивели похабщина и жестокость, кровь, пошлость, идиотский юмор, извращения.

А все рейтинги… показывают, что людям нравится именно это. У людоедства огромный рейтинг, у педофилии зашкаливает». Журналисту удалось раздобыть анкеты, с помощью которых всемирная организация «Гэллап Медиа» подбирает группы для изучения рейтингов (эти сведения засекречены). Первичный отбор кандидатов идет по экономическому статусу, привычкам, уровню потребления. Большинство сразу отсеивается, а из оставшихся выбирают тех, кто соглашается установить на свои телевизоры «пиплметры», чтобы организация могла контролировать, что и когда домочадцы смотрят. При этом следят, чтобы никого не забыть, от пенсионеров до «детей с нуля лет». «Интересно, какие каналы смотрит грудной?» — иронизирует Минкин. И напрасно: учет младенцев с нуля лет вполне серьезен! Сюзан Джакоби, автор книги «Эпоха американской неразумности», с негодованием говорит о том, что теперь широко рекламируются телевизоры, которые рекомендуется вешать над кроваткой ребенка начиная с шестимесячного возраста. Таким образом, обработка будущего потребителя начинается до того, как он произнес свое первое слово. Мне кажется, что в России, очень еще молодом капиталистическом государстве, ошибочно верят, что в условиях потребительского общества кто-то заботится о том, чтобы изучить вкусы и потребности населения и дать людям то, что им нужно. Цель совершенно другая: убедить человека потратить деньги на то, что ему, скорей всего, не нужно, и заставить его поверить, что в этом счастье. «Ничего неизвестно о морали этих экспертов, чьи предпочтения формируют телепрограмму. Об их доброте, любви к детям. Все вопросы анкеты тупо материальны… По сути — эти люди воспитывают наших детей. Они определяют, **что** показывать народу с нуля лет. Их отбирают по деньгам, а потом они формируют духовность, — пишет Минкин. — Статистика стабильна (и в России, и везде): несмотря на все приманки и подарки, только 5 процентов опрошенных соглашаются поставить у себя пиплметр. Только среди них выбираются "эксперты", которые нажимают кнопки, а мы узнаем, что нравится "народу"».

Опросы и рейтинги проводятся не затем, чтобы узнать, что нравится народу, а чтобы выяснить, какие передачи популярны у тех, кто принимает в семье решения о покупках, какие предпочтения у разных возрастных групп, в какие дни и часы они смотрят телевизор. Дело не в том, что выборка оказывается непредставительной, а в том, что методика специально так разработана, чтобы изучить вкусы таких вот «особых» потребителей, не возражающих против постоянного мониторинга их личного времени, вкусов и привычек, а потом использовать эту информацию для составления программ, которые постепенно превратят население в управляемых «пипл», не возражающих и даже одобряющих постоянный контроль над своей жизнью. В Америке этот процесс зашел уже очень далеко.

Лэйпам приводит слова президента телекомпании CBS Ларри Тиша, который был по совместительству председателем совета директоров Нью-Йоркского университета (!): телевидение рассчитано на людей, которые «слишком бедны, слишком ленивы или находятся в состоянии слишком глубокой депрессии, чтобы заниматься чем-то другим». «Хлеб и зрелища для пролетариата» организуют те, кто знает цену и этому хлебу, и этим зрелищам, а потому сами находят пищу, в том числе и духовную, в другом месте. Лэйпам считает, что все это ведет к свертыванию демократии и к такой форме государственности, которая не требует участия народа. Он вспоминает, как ему пришлось подчиниться «формату», когда он писал текст телепередачи о внешней политике Америки в XX веке: «Простые, декларативные предложения. Подлежащее, сказуемое, дополнение и больше ничего… Ни иронии, ни риторических приемов… Слова длиннее, чем два-три слога — враги государства».

Простые фразы застревают в мозгу. На этом основан брендинг. Первоначальное значение этого слова восходит к выжиганию клейма на мордах или боках крупного рогатого скота — так владельцы метили скотину. Современный

брендинг выжигает клеймо в мозгу потребителя, чтобы не отбился от стада других таких же, приученных к продукции определенной фирмы. Безжалостное промывание мозгов — прямой наводкой, как душ Шарко.

О РАБАХ СТИЛЯ

В 2007-м году вышел сборник рассказов американских авторов под редакцией Стивена Кинга. На форуме газеты «Нью-Йорк таймс» развернулась дискуссия, спровоцированная утверждением писателя, что среди присланных рассказов оказалось много таких, которые были «скорей показушными, чем увлекательными <…>, осторожными и неловкими, чем восхитительно искренними, и хуже всего, *написанными скорее для редакторов и преподавателей,* чем для читателей». Добавлю: и для критиков. Так, к сожалению, пишут многие, кто стремится прорваться на интеллектуальный, элитный рынок. Массовую продукцию нельзя обвинить в осторожности и показушности, но ее запрограммированность на насилие, порнографию, скандальность и занимательность любой ценой тоже исключает искренность. Как и культ формата, рабская приверженность определенному стилю помогает тем, кто диктует законы рынка, сделать творческих работников и потребителей их продукции управляемыми и предсказуемыми орудиями получения прибыли и вызвана желанием повторить прошлый коммерческий (или критический) успех.

Любопытны комментарии к высказыванию Кинга. Участники дискуссии пишут о «триумфе стиля над сутью», о том, что большая часть сегодняшней литературы «страдает нехваткой страсти, искренности и честности». Причина не в том, что никто не пишет хороших рассказов, утверждает один автор, а в том, что существует *система*, включающая в себя престижные вузовские программы, где студентов обучают «стилю», который критикует Кинг, а решения о публикации принимаются выпускниками тех же программ, которые писателями не стали и работают теперь в издательствах и журналах. Так что получается заколдованный круг. Еще Борхес писал о последствиях этого: «Нищета современной словесности, ее неспособность по-настоящему увлекать породили суеверный подход к стилю, своего рода псевдочтение с его пристрастием к частностям. Страдающие таким предрассудком оценивают стиль не по впечатлению от той или иной страницы, а на основании внешних приемов писателя… Подобным читателям безразлична сила авторских убеждений и чувств. Они ждут искусностей… Они подчиняют чувства… общепринятому этикету. Упомянутый подход оказался столь распространен, что читателей как таковых почти не осталось — одни потенциальные критики».

В кругах элиты можно нередко услышать — как можно писать сегодня так, как будто не было Кафки (Джойса, Пруста и т. п.)? В этом есть противоречие: с одной стороны, требуют подтянуться до Кафки или Пруста, с другой — следование в чьем-то фарватере тут же назовут эпигонством. Законодатели мод в мире искусства ждут от всякого автора новизны на уровне глубоко оригинальных писателей, художников, не понимая, что тем самым обесценивают их индивидуальный стиль. И, пожалуй, особенно резко отличается стиль тех, кто страдал депрессией, маниями и другими расстройствами психики, физическими недугами, сексуальными отклонениями, злоупотреблял алкоголем и наркотиками. Когда художнику становится трудно держать в руке кисть из-за артрита, когда он теряет зрение или подвержен приступам психической болезни, его стиль, образный язык и способы выражения меняются (например, вырезывание аппликаций Матиссом в старости). Эпилептик Достоевский считал, что Магомет был эпилептиком, ибо только в припадке болезни мог он увидеть образ магометанского рая. Появляются исследования на эту тему: на-

пример, написал бы Ван Гог свои картины, если бы принимал антидепрессанты? Некоторые убеждены, что гений всегда безумен, а без страданий не может быть творчества. Питер Крэймер в книге «Слушая патологию» анализирует труды философов, художников, писателей и их личную жизнь, пытаясь доказать, что такие представления ошибочны и опасны.

Не следует отрицать влияния заболевания на творчество, но безумными выглядят требования к вполне здоровым художникам работать так, как будто они больны. Интересно исследовать возможности человеческого разума, с помощью чужого опыта выйти за пределы мира, познаваемого на уровне «нормы», увидеть результат преодоления художником ограничений, накладываемых на него болезнью. Если человек талантлив, то его борьба с «демонами» может расширить наши представления о мире. Письмо Кафки к отцу обнажает необыкновенную ранимость, которой не обладают сыновья куда больших монстров-папаш. Хотя повышенная чувствительность и болезнь могут вести к особой экспрессии, это не значит, что только они и могут быть двигателями творчества. Однако начиная с середины XIX века возникла тенденция провозглашать то, что связано с отклонениями от физической и психической нормы, новым словом, а потом и эталоном в искусстве, а творения тех, кто не порывает полностью с традицией и физически и психически здоров, объявлять вчерашним днем. Это сродни тому, как если бы в спорте существовало требование употреблять допинг для улучшения показателей или признавались только результаты специальных соревнований инвалидов. Вышеупомянутый подход опасен тем, что рынок оказался перенасыщен проходимцами, которые «косят под больных» и заполняют музеи, страницы журналов, городские площади и экраны телевизоров продукцией, которая не радует глаз, не ласкает слух, не будит мысль, а лишь уродует души и засоряет умы. Молодые авторы порой решают для начала подчиниться требованиям тех, кто командует рынком как элитной, так и массовой культуры, чтобы потом иметь возможность заняться своим, тем, чего просит душа. Но «потом» может и не быть. Невозможно безнаказанно предавать свой талант. Раз потеряв невинность, назад ее не вернешь.

Для многих законодателей вкуса и бюджета душевная грубость в искусстве — норма, тепло и доброта — «розовые сопли». Действительно, можно пересластить так же нестерпимо, как и пересолить, но сегодня существует перекос в сторону бравады жесткостью. Между тем именно люди с тяжелыми физическими недугами часто являют собой образцы стремления к свету, добру, преодолению. Инвалид от рождения Рубен Гальего, с младенчества живший в советском детском доме, пишет в предисловии к книге «Белое на черном»: «Уверен, что чернухой жизнь и литература переполнены уже слишком... Мне пришлось увидеть слишком много человеческой жестокости и злобы. Описывать мерзость человеческого падения и животного скотства — множить и без того бесконечную цепь взаимосвязанных зарядов зла. Не хочу. Я пишу о добре, победе, радости и любви». Заболоцкий писал жене из лагеря, что для него «искусство стало атрибутом далекого светлого существования». Может ли таким атрибутом стать то, что сегодня зачастую выдается за искусство?

По-моему, ошибочно объявлять эпигонами тех, чей стиль близок к классическому. Новелла Матвеева назвала классичного В. Берестова человеком столетия. Ее собственные песни и стихи тоже близки к классическим по форме, хотя они разительно отличаются от лирики Берестова. Импрессионисты, экспрессионисты и многие другие новаторы своей эпохи не отказывались полностью от традиций. Верлибр А. Макушинского хорош не потому, что поэт ставит формальную задачу ввести западную поэтическую форму в русскую поэзию, а потому, что эта форма и интонация лучше всего передают его опыт, чувства и размышления. Классическая основа дает возможность бесконечно обнов-

лять и варьировать форму и расширять наполнение ее содержанием, что делает произведение более универсальным и менее подверженным старению.

О БЛЮСТИТЕЛЯХ ЖАНРА

«Я могу сплавить фуэте с фламенко и брейком. Главное, это сильнее выразить чувство». Эта точка зрения Б. Эйфмана приложима не только к балету. Человеческую жизнь трудно втиснуть в рамки кем-то навязанного жанра, стиля, формата. Идея нового произведения искусства вернее достигнет цели, если в той или иной мере использует уже известный язык, и разные жанры, дополняя друг друга, могут сделать произведение более выразительным. Такая эклектика естественна, как дом, в котором жили поколения и к которому обитатели привязаны глубже, чем скоробогатый яппи к обустроенному по текущей моде интерьеру с картинами в тон обивки мебели, который без сожаления будет заменен на другой, когда изменится мода.

Откуда же возникают требования блюсти чистоту жанра? Да все то же: сортировка по жанрам позволяет легче контролировать спрос, рекламировать и продавать «товар». Вписались бы сегодня Толстой и Чехов в реестр востребованных дельцами от культуры жанров — фэнтэзи, женский роман, порно и т. п.? Может быть, Достоевской проскочил бы как автор детективов, после вычеркивания из его прозы всего того, что и делает его Достоевским. Сегодняшние издатели требуют от писателей романов. А 70 лет назад Твардовский отчитал Трифонова за его роман-дебют, сказав, что начинать надо с рассказов. Коммерческие и конъюнктурные соображения не должны определять жанр произведения. Как, по словам Нино Рота, хорошая песня стоит больше, чем плохая симфония, так и хороший рассказ имеет большую ценность, чем написанный по трафарету модный роман. В дискуссии, начатой С. Кингом, опровергается утверждение о маргинализации жанра рассказа и утверждается, что «рассказ идеален в мире, где у людей меньше свободного времени, а их внимание трудней удержать». Евгений Попов заметил как-то в интервью, что жанр рассказа «переживает сейчас нечто вроде расцвета». Думаю, что навязывание рынком искусству и литературе жестких правил мешает их развитию и отваживает подлинных любителей. Многие читатели художественной литературы переключились на биографии, отчаявшись найти что-либо стоящеее в море литературного ширпотреба, скроенного по стандартным лекалам.

Рынок способен и убивать целые жанры. В 50-е годы прошлого века коммерческие компании планомерно уничтожали в Аргентине танго, чтобы отдать рынок вновь появившимся рок-н-роллу и поп-музыке. Фирмы звукозаписи не только перестали выпускать новые пластинки танго, но и уничтожали оригиналы существующих записей, чтобы этот жанр никогда не смог возродиться. Такого рода «геноцид» в искусстве, культуре — ведь танго в Аргентине было образом жизни! — сравнительно новое явление, возникшее в XX веке. Это — следствие рыночно-корпоративного подхода. В то время, когда в Аргентине вытравлялось танго, в США планомерно уничтожался железнодорожный и городской общественный транспорт, чтобы вынудить людей сесть за руль собственных автомобилей. Чтобы избавиться от троллейбусов, трамваев и электричек, для начала пускали по тем же маршрутам автобусы, которые не требуют специальной инфраструктуры, предлагая билеты по демпинговым ценам. Потом закрыли многие автобусные линии, хотя автобусный транспорт во много раз безопаснее автомобильного, да и необходимости в этом не было: в условиях роста рабочих мест увеличивались как транспортные пассажиро-потоки, так и количество автомобилистов-частников. Но в погоне за сверх-прибылями Дженерал Моторс объединился с нефтяной компанией Стэндард Ойл, произ-

водителями резины и автомобильных покрышек, строителями дорог и пригородных домов, риэлторскими компаниями, чтобы полностью перекроить Америку. В дальнейшем вся инфраструктура, особенно в маленьких городах, развивалась в расчете на автомобиль как единственное средство передвижения. Не нужно строить иллюзий: правила игры на современном рынке — не свободная конкуренция, а уничтожение перспективных и успешных конкурентов.

Формат, стиль и жанр — это упряжка, которую рынок надевает на художника. Естественно, что легче взнуздать и погонять нетворческую личность, поэтому уровень произведений, создаваемых под давлением рынка, падает. Коллингвуд писал, что если художник использует свое ремесло, чтобы вызвать у аудитории желаемую психологическую реакцию, искусство подменяется одним из шести явлений, которые он определяет так: развлечение, обучение, реклама либо пропаганда, магия, головоломка и проповедь. «Эта шестерка, по отдельности или в каких-то комбинациях, практически исчерпывает все функции того, что в современном мире по недоразумению удостаивается имени искусство... Если искусство является искусством лишь постольку, поскольку оно стимулирует определенные реакции, то *художник... оказывается просто поставщиком наркотиков, лечебных или вредоносных*». Авангард и масс-культура обычно пользуются названными выше шестью инструментами воздействия на аудиторию, исключая человека из поля зрения. В первом случае его заменяют абстракцией, поставленной на службу воплощению какой-то идеи, во втором единица «массы» перестает быть человеком в глазах тех, кто пытается его этой культурой охватить. Для них это просто «кусочек фарша» с кошельком, пусть и тощим. Главное, таких кошельков много. Потрошителям душ и кошельков все равно, какой товар предлагать: открытки с изображением святых или порнографические открытки. Разбогатевшие люди, отмечал еще Платон, относятся к деньгам так же, как поэты к своим творениям и отцы к детям. Не лучше ли любить детей и искусство?

ЧТО ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ НАМ ГОТОВИТ?

А. Зиновьев писал в 1999 году, что процессы, происходящие в сегодняшнем мире, подчинены глобальному денежному механизму. Но если повсеместно будет ухудшаться качество «человеческого материала», вызванное ухудшением образования, здравоохранения, падением общественной морали, то в конце концов этот механизм рухнет, так как для сохранения уровня жизни, не говоря уж о его повышении, необходимо постоянное обновление технологий и инфраструктуры на фоне все увеличивающегося дефицита ресурсов. Цивилизацию можно сохранить только при условии высокого и постоянно растущего уровня компетенции значительной части населения, что невозможно без доступного для всех серьезного первичного образования, которое поможет выявить таланты. Это включает раннее приобщение к искусству, и в первую очередь — к чтению. В мире потребительской культуры происходит сдвиг от печатного слова к имиджам — так людей отучают независимо мыслить, отличать правду от лжи. Почти треть нынешнего населения США неграмотны или едва умеют читать. Крис Хеджес говорит, что если в 18 веке самой известной личностью был Вольтер, то сегодня это Микки-Маус.

Писательница Урсула Ле Гуин пишет в журнале Harper's, что 43% американцев в 2004 году не прочли ни одной книги, хотя в период с 1850 по1950 читали много, причем качество того, что читали, было несравненно выше. Причины — более высокие, чем сейчас, требования школьных программ, расширение бесплатного образования и публичных библиотек. Главное же, издательское дело не было отдано на откуп корпорациям, которые сегодня поглотили мелких из-

дателей, получавших небольшой, но стабильный доход от продажи книг хороших авторов, и перешли на производство бестселлеров, которые потребители покупают так же, как любой широко рекламируемый товар. Ле Гуин убеждена: книги нельзя продавать как предметы потребления, но усилия крупных корпораций направлены лишь на увеличение прибыли и на то, чтобы книжный рынок непрерывно рос, «как талии американцев». Она сравнивает происходящее на книжном рынке с тем, что произошло с кукурузой: когда в США был полностью удовлетворен разумный потребительский спрос, создали «неразумный спрос — искусственную потребность». Производители добились от государства, чтобы кукурузу «назначили» стандартным кормом для скота, несмотря на вызываемые этим проблемы пищеварения у животных. Кукурузное масло и сахар стали использовать в производстве напитков и фаст-фуд. Такая система распространилась в Америке и на другие области промышленности и сельского хозяйства, а в результате «мы удивляемся, почему в Европе помидоры имеют вкус помидор, а машины хорошо спроектированы».

Забавно, что писательница проводит аналогию именно с кукурузой. Хотелось бы, чтобы те, кто сегодня внедряет американскую культурную модель на российской земле, вспомнили, как Хрущёв, купившись на кукурузный пиар во время поездки в США, пытался засеять «королевой полей» российские просторы. Как скот от навязанной ему кукурузной диеты страдает несварением желудка, так навязанная человеку культурная диета незаметно отучает его от «переваривания» хорошей литературы, кино, музыки. Писатель Дэвид Сирота, поездив по Америке с презентацией книги, был поражен тем, что увидел: «Свеже-гомогенизированная американская культура делает все одинаковым… Америка еще может стать жертвой своего собственного культурного захвата».

Почему столь поспешно, несмотря на протесты многих ученых, перекраивается российская система обучения? Не лучше ли просто усовершенствовать ее? А то получится очередной засев кукурузой полей, где гораздо выгоднее выращивать свои, веками проверенные культуры. В Союзе нас не учили «продавать себя», не учили всех подряд лидерским навыкам. Это не помешало уехавшим на Запад весьма успешно там работать. Думаю, этому способствовала система обучения, поощряющая сообразительность, а не выбор или угадывание правильного ответа. Подготовка к тестам состоит в основном в зубрежке, что убивает творческий дух. Для россиян такой подход был чужд, что не мешало России и позднее СССР иметь выдающихся ученых и сильные научные школы. В Америке я часто наблюдала, что именно наши эмигранты проявляли на работе инициативу, решая проблемы, на которых начальство поставило крест, и коллеги-американцы послушно отказались от поиска новаторского подхода.

Влиятельный и оригинальный мыслитель из Словении Славой Жижек считает, что мы живем в пост-политическое время, когда политика все больше превращается в экспертное администрирование, и все конфликты переводятся в проблемы культуры, образа жизни и т. п. (интервью с Эми Гудман). Те, кто протестует против войны или загрязнения окружающей среды, и их оппоненты взаимно паразитируют: одни довольны, что выразили недовольство, другие, что проявили «демократичность», позволив им высказаться. Но ничего от этого не меняется. «Я не наивный марксист: о, нам нужна новая революция… Я не борюсь с сегодняшним капитализмом, я выступаю против того, к чему этот капитализм медленно ведет, если мы не будем противодействовать. Я думаю, капитализм, как мы его знаем, разрушит сам себя… Например, несмотря на все права человека и проч., мы уже говорим о пытках. Погодите, о чем мы заговорим через десять лет».

То же и с разговорами о глобализации. Жижек считает, что жизнеспособная демократия нуждается в патриотической идентификации, и развитие капитализма угрожает ей не меньше, чем лево-либеральная идея мультикультуриз-

ма: пока товары свободно циркулируют, все больше возникает заборов, разделяющих людей разного достатка. Несостоятельной оказалась и идея, будто капитализм всегда ведет к демократии: пример Китая показывает, что при авторитарном режиме капитализм развивается даже лучше. Уравниловка в распределении матблаг ведет к стагнации, но чрезмерное расслоение общества ведет к снижению уровня жизни для большинства, к нестабильности и неэффективности. Греческая демократия и римская республика процветали за счет рабов, западная демократия — за счет колоний и дешевого труда иммигрантов. Будущее за таким общественным устройством, где паразитирование одних социальных и этнических групп за счет других будет минимальным.

К началу XXI века население Западной Европы достигло наибольшего процветания и свободы в истории человечества. Но более миллиарда людей в мире живут в трущобах, что, по мнению социологов, может привести к постоянно тлеющей гражданской войне во всех развитых странах. Сто лет назад Честертон писал: «Бедные бывают мятежниками, но не бывают анархистами… Им нужна мало-мальски приличная власть. Они вросли корнями в свою страну. А богатые — нет. Богач может уплыть на яхте в Новую Гвинею. Бедные иногда бунтовали против плохих властей, богатые всегда бунтовали против всяких. Аристократы издавна были анархистами». Сегодня мятежных аристократов заменили в своем анархическом порыве жители трущоб, часто выходцы (в т. ч. нелегальные) из других стран, которые, как и транснациональные корпорации, не связаны корнями со страной, куда их занесли ветры глобализации.

Льюис Лэйпам высмеивает тех, кто считает, что Америка создала «полную и совершенную цивилизацию» и что нам теперь можно просто «играть с гаджетами» и ничего не делать, «кроме как тратить интеллектуальное наследство». Необходимо и в России заботиться о сохранении своей культуры и истории. Иначе я не удивлюсь, если мир, включая молодежь РФ, скоро будет черпать сведения о городе-герое Ленинграде из романа о блокаде «Город воров» Дэвида Бениоффа, по сценарию которого был снят псевдоисторический боевик «Троя», с успехом шедший в России. Лэйпам считает, что культурная среда — это часть нашей окружающей среды. «Можно сравнить библиотеку или музей с рекой или лесом. Это экологическая система, состоящая из слов и идей вместо папоротников и жуков-водомерок». Уничтожение культурной экосистемы приведет к умиранию человечества так же, как избыток токсичных отходов, недостаток чистой воды и воздуха. Голод на идеи ведет к тому, что люди забывают о целях цивилизации и начинают убивать друг друга.

Идеи эпохи Просвещения изжили себя. Но идеи, которые могли бы удовлетворительно объяснить соотношение между материей и разумом в терминах сегодняшнего дня, еще не появились. Изобретатели новых технологий обычно не те же самые люди, которые умеют их применить для прорыва в искусстве и философии. Но Лэйпам не настроен пессимистично: как издатель и редактор он видит активно мыслящих людей, видит, что в настоящем пробиваются ростки будущего, а будущее обещает новые возможности.

СПАСЕНИЕ УТОПАЮЩИХ

В 1982 году Вим Вендерс снял документальный фильм «666», в котором приехавшие на Каннский фестиваль режиссеры высказывали свое мнение о современном состоянии и будущем кино. Многие считали, что конкуренция с Голливудом и телевидением губит кинематограф. Самым большим оптимистом оказался старейший из участников — Антониони. Он предсказал, что «кино войдет в каждый дом благодаря новым технологиям. Люди должны приспособиться, вот и все». Однако приспосабливаться — это не значит бездумно

подчиняться отрицательному давлению, это значит разобраться в ситуации и активно создавать положительное давление — и по вертикали, в том числе снизу, и по горизонтали на всех уровнях.

Многие изменения в управлении и манипуляции рынком стали возможны сегодня в результате развития коммуникационных технологий. Но и наши голоса стали слышнее. Многое упростилось благодаря интернету. Происходит демократизация критики, анонимные рецензенты интернета оказывают все большее влияние на то, что люди покупают, смотрят, читают, куда едут отдыхать. Люди находят единомышленников, поддерживают культуру, которая им близка, не дают кануть в Лету «отжившим» жанрам. Будущее за теми, кто способен не только к конкуренции, но и к коллаборации: так, при резких изменениях природных условий на Земле всегда выживали те группы организмов, которые научились сосуществовать, взаимно используя друг друга.

Необходимо расширять доступ широких аудиторий к «хорошему» искусству, а для этого нужно упорство. Весной в Нью-Йорке с успехом демонстрировался документальный фильм «Селия Круз» о легендарной кубинской певице. Десять лет ушло у его создателей на обивание порогов в поисках денег, но фильм сделан! Игнасио Варшавский потратил три года, чтобы убедить министерство культуры Аргентины выделить средства на оплату проекта школы-консерватории, куда привлек в качестве педагогов старых мастеров танго, с уходом которых могли навсегда исчезнуть секреты этого жанра. Среди энтузиастов и пропагандистов танго в США бывшая ленинградка Эльмира, создавшая радиопрограмму, поражающую знаниями и глубиной. Бывшая свердловчанка Татьяна Зуншайн основала детское книжное издательство, начав с перевода сказки «Репка», которая пользуется у американцев большим успехом. Это примеры того, как люди создают желаемое жизненное пространство для себя и для других. «Человек живет тогда, когда может помогать другим, это, по существу, та же старая формула самоотдачи в искусстве», — писал Варлам Шаламов. Если в СССР энтузиасты создали движение КСП, которое живет и здравствует до сих пор, то теперь и карты в руки всем критикам прошлого зажима.

Из интервью Марины Влади: «В иерархии человеческих ценностей самое главное для меня — ум, культура, свобода сердца и духа — качества, которыми обладала настоящая русская интеллигенция… Россия, где было так мало свободы и так много цензоров, имела удивительную культуру, какой не было ни в одной другой стране… Ну а в современной России меня больше всего удивляет то, что деньги стали для людей главной целью». Подвижничество и искренняя любовь к искусству были в России традицией. Директор Пушкинского музея И. Антонова рассказывала, что «музей никогда, ни на один день не закрывался для публики. Даже когда крыша его была разрушена при бомбардировке и в залах лежал снег». Евгений Кисин говорил в интервью, что нигде в мире не встречал такой аудитории, как в России. Почему-то в последнее время стало модным называть русскую публику самой читающей в мире не иначе, как с иронией, а ведь это действительно так, и нужно это не разрушать, а поддерживать. Те, кто любят искусство и к тому же богаты и влиятельны, могут сыграть в этом важную роль. Необходимо и привлечение государства к финансированию искусства, как сделал Игнасио Варшавский и его сподвижники.

Человек несовершенен и идеальное общество невозможно. Но если ставить перед собой достойные цели, то, как мудро сказал Окуджава, может быть, когда-нибудь к среднему придем. Большинство изменений в обществе рукотворны, поэтому не надо опускать руки. Рынок в его сегодняшней форме нередко является тормозом, а не стимулом в развитии общества, и не нужно воспринимать его как нечто незыблемое, данное свыше. Будущее решают не только магнаты и властные структуры, а миром правят не только деньги, но и идеи, и знания, и любовь. Все великие религии, философские учения,

психологи и педагоги учат личной ответственности. Мы можем повлиять на *формирование инструментов культуры*, которые сформируют новые поколения, и отказаться от тех из них, которые ограничивают, порой целенаправленно, сознательное участие большинства людей в построении общества, в котором им хотелось бы жить.

Маленький мальчик, герой книжки Руфь Краус, посадил семечко моркови и стал ждать, когда оно прорастет. Мать, отец, брат по очереди подходили к нему и говорили — брось, все равно не вырастет. Но малыш упорно поливал и пропалывал землю вокруг своей посадки, и в один прекрасный день выросла большая-пребольшая морковка, как репка в русской сказке. Не тот ли это малыш, который крикнул, что король голый? Но чтобы вырастали такие дети, нельзя позволять заражать их бациллой ТВ-асфиксии с нуля лет. А чтобы вытянуть репку, нужны усилия многих. Хочется убедить читателей, зрителей и слушателей больше верить себе и поддерживать то, что искренне нравится — пусть не признанное, не укладывающееся в формат, не пропиаренное до оскомины — не забывать тех, кто составляет гордость мировой культуры, и помнить, что «можно так полюбить свою землю, что все земли полюбят ее» (В. Берестов) Каждый может быть тем гвоздем, который не даст упасть подкове.

Нью-Йорк

Елена ДАНЧЕНКО

МОЙ ПРАПРАДЕД ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

24 декабря1844 года родился мой прапрадед Василий Иванович Немирович-Данченко, поэт, автор текстов романсов, военный журналист и путешественник-очеркист, прозаик, сценарист и автор нескольких пьес (его часто путают с прообразом памятника в Камергерском переулке, но там угнездился младший брат моего предка — Владимир, с коллегой).

Немного предыстории. Мало кто знает, что дворянский род Немировичей-Данченко происходит от войскового товарища Данилы Немировича (Niemirowicz), польского дворянина, храбро сражавшегося на стороне Богдана Хмельницкого. За отличную службу гетман пожаловал Даниле титул малороссийского дворянина и поместья в Черниговской и Казанской губернии, в числе которых было сельцо Данковское. Непонятно, то ли сельцо получило название от имени Данила, то ли оно было уже так названо (интересное совпадение, в таком случае), но наш род приобрел двойную фамилию и стал называться родом Немировичей-Данченко.

Удивительно, что народную песню украинских казаков «Ой на горі тай женці жнуть…» я слышала в раннем детстве, в качестве колыбельной. Ее пел мой отец и вся отцова семья, необычайно одаренная музыкально. Песня эта про другого гетмана — Сагайдачного, но тоже украинского гетмана. Должна сразу оговориться: я принадлежу к роду Немировичей-Данченко по материнской линии, и у меня был незнатный украинский отец. Коренной уроженец Сумской области, интеллигент-гуманитарий в первом поколении, он хорошо знал историю Украины, украинский язык, фольклор, песни, и я росла в полу-украинской культуре. Про гетмана Богдана Хмельницкого, во всяком случае, кое-что знала. Мне никогда не говорили, чья я потомица по матери. Сказали только на моем 19-м году жизни, когда я уже была студенткой факультета журналистики, и я опустилась на стул с пересохшим горлом. Как-то так, в легкую сказали, накрывая на стол к завтраку. Дело было в Орше. Смутно дошло, что мать и дед Василий не шутят.

— Что ж вы столько лет молчали? — прохрипела я маме и деду.

— А нельзя было говорить. Дед работал начальником уголовного розыска и молчал про свое происхождение всю жизнь… Могли запросто арестовать, потом дать 10 лет без права переписки — а это значило его и, вероятнее всего, всю семью под расстрел подвести, и тебя бы не было.

Дед молчал десятилетиями, хотя в его доме доживала свой век его родная бабка, прабабушка моей мамы — первая жена Василия Ивановича Немировича-Данченко Екатерина, давшая жизнь его единственному ребенку, дочери Екатерине-младшей, Екатерине Васильевне… И она, я уверена, молчала. И моя бабушка, пепиньерка института Благородных девиц, молчала… И дочери деда и бабушки — Галя (моя мама), Ася и Катя всю жизнь молчали.

В интернете можно найти много ошибок, связанных с годом и датой рождения моего предка. Исходя из справки, выданной мне в Росархиве (Федераль-

ная архивная служба России) — и этой справке можно верить — прапрадед родился 24 декабря 1844 года. День замечательный. В этот день родился Иисус Христос, Иоанн Безземельный, английский король из династии Плантагенетов, известный иезуит Игнатий Лойола, Нострадамус, Адам Мицкевич, Александр Фадеев. Еще родился актер Леонид Филатов. По интересному совпадению, 24 декабря родился один из двух моих крестных детей — Павел Воробьев, сын талантливого российского журналиста, и моего большого друга Алексея Воробьева и еще — добрый знакомый по Венскому фестивалю — одаренный фотограф Саша Лысенко, и много-много других хороших людей.

Родился мой предок в Тифлисе, в семье командира Кавказского Линейного № 32 батальона майора Ивана Васильевича Немировича-Данченко и дочери коллежского асессора Каспара Якубяна, армянина по происхождению, Александре. Всего в семье было пять детей, и мой предок быль первенцем.

Раннее детство Василия прошло в походных условиях — его отец находился на Сунежской линии (стоял против Шамиля), в экспедициях в Большой Чечне, в Северном Дагестане, в Нагорном Дагестане. Впечатления детства легли в основу его произведений о кавказской войне (роман «Забытая крепость»: В 2 т. — Спб., 1895; повести «Гаврюшкин плен». — 14-е изд. — Спб., 1917, и др.).

С 10 лет, после недолгого обучения в Тифлисской гимназии, мальчика определили в Московский кадетский (Александровский) корпус. Через девять лет, в 1863 году он вышел из корпуса, не захотев стать военным (а был он довольно своевольным молодым человеком), и поехал в Петербург. Еще в корпусе он увлекся литературой, начав с поэзии, и даже написал письмо Некрасову, вложив в конверт свои стихи. Некрасов помог талантливому юноше и напечатал его вирши в «Отечественных записках». Отличный дебют! Автора-новичка заметили, стихи начали публиковать в других питерских, в то время столичных, журналах. В 1867 году Немирович-Данченко поехал в Москву. Судя по всему, юность предка была бурной, чтобы не сказать авантюрной. Чрез год, в 1868 году он был арестован за «разные мошенничества» и помещен в питерскую тюрьму. От 93-летней тети Нонны, двоюродной сестры матери знаю, почему так вышло, а она в свою очередь узнала это от своей бабушки, дочери Василия Ивановича. Он был голоден и что-то украл, то ли в лавке, то ли в магазине, чтобы поесть. То были сущие гроши, или даже продукты, но он был схвачен полицией и осужден. Нет-нет, я его не оправдываю, но… у откуда у литератора деньги? — а голод не тетка. Выйдя из тюрьмы, устроился на работу. Ему не повезло, через год, в 1869 году осудили за растрату. Виноват был не Немирович, в том темном деле на него свалили вину, что было легко сделать из-за первой судимости, но у предка начался совершенно новый период жизни. Он был снова осужден, лишен всех дворянских прав и преимущества и выслан в Архангельск под гласный надзор полиции с воспрещением всякой отлучки из места, «назначенного ему для жительства». А было ему в те поры всего 24 года. Жить в Архангельске ему предстояло пять долгих лет.

В сведениях архангельского полицмейстера были записаны довольно комплементарные вещи: «поведения очень хорошего». Василий усердно трудился: занимался частными работами, письмоводством, литературным трудом, поскольку содержания от казны не получал и рассчитывать мог только на себя. Служил при Архангельском губернском статическом комитете (бывшем, между прочим, лучшим среди губернских комитетов России) и очень хорошо себя зарекомендовал. Уже в 70 году его приписали к мещанскому обществу, без участия в выборах и торговли по купеческим свидетельствам, зато с предоставлением льгот по платежу казенных сборов и городских повинностей, а также освобождения от рекрутской повинности сроком на 20 лет. Повезло предку!

В статкомитете работали лучшие умы края — ученый-этнограф П. С. Ефименко, краевед Герард Минейко, географ и полярный исследователь П. П. Чубинский, писатель–этнограф А. О. Подвысоцкий.

И снова повезло молодому человеку! Немирович полюбил службу, потому что по роду деятельности ему приходилось ездить по краю, а путешествия были его самой большой страстью. Он побывал на Соловках, в Кеми, на острове Вайгач, на Валааме, посетил Лапландию. Уже в 1874 году в «Вестнике Европы» в двух номерах подряд появились его очерки о Соловецких островах. Еще через год очерки вышли отдельной книгой и послужили началом большому циклу увлекательных произведений о русском Севере: «За Северным Полярным кругом» (1874), «Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами» (1875), «У океана. Жизнь на Крайнем Севере» (1875), «Страна холода. Виденное и слышанное» (1876), «Лапландия и лапландцы» (1877), «Святые горы. Очерки и впечатления» (1880), «Крестьянское царство» (1882).

27 февраля 1874 горда архангельский губернатор Н. П. Игнатьев уведомил архангельского полицмейстера о том, что «государь Император ... всемилостивейше повелеть соизволил: смягчить участь осужденного Немировича-Данченко тем, чтобы, не восстанавливая утраченных им по суду прав состояния, дозволить ему повсеместное в империи жительство». Милость государя не была случайной. Немирович-Данченко написал обстоятельное письмо в Министерство юстиции. До сих пор факт о его выдворении в Архангельск не имеет достаточного объяснения. Важно то, что молодой человек получил то, что ценил больше всего на свете: свободу.

А теперь делаю маленький шаг вперед — к деду, матери и к себе. Северный город Архангелов, где никто из нас, потомков Василия Ивановича так и не побывал, сыграл главную роль в нашем появлении на свет. Именно там прапрадед нашел себе жену. Звали ее Екатерина Андреевна Фёдорова, ей было 24 года, и была она дочерью умершего в 1866 году от чахотки титулярного советника Андрея Ивановича Фёдорова. Жениху на момент венчания было 25 лет; женился он по тем временам рано. Венчание состоялось 13 ноября 1870 года в Рождественской церкви города, а накануне государевой милости — 14 февраля 1874 года у молодых родилась дочь Екатерина. И совсем уж забегая вперед, расскажу, что моя тетка Катя, родная мамина сестра, имея скудные представления о нашей общей родословной, называла и называет себя в шутку «Екатерина Третья», имея в виду двух русских императриц. Но она Екатерина Третья и есть! Первая — жена писателя Немировича, вторая — их дочь, а тетя Катя — третья. Есть еще и четвертая и пятая — две моих племянницы, дочь двоюродного и троюродного братьев... Имя стало родовым, излюбленным, и наш женский род, как никем, богат Екатеринами.

Больше у Немировича детей не было, а чадо единственное — Екатерина, выйдя замуж, кстати, за Василия, родила четверых и среди них — моего деда Василия. Магия имен... Не знаю почему, но в нашем роду наиболее популярны три имени: Василий, Владимир, Екатерина. Специально не ища, мы находим себе мужей, жен с этими именами, рожаем детей и называем их то Володей, то Катей. Что это — колесо сансары? Судьба?..

Фотографии Екатерины Андреевны, первой жены Василия Ивановича, у нас нет. Не сохранилась даже ее фотографии в старости, хотя доживала она свой век все в той же захолустной Орше, давшей приют потомкам Немировича и сохранившей им жизни при советской власти — а каково было быть потомками эмигранта в 30-е годы в сталинской стране, люди моего поколения понимают. У деда Васи был фотоаппарат, и свою бабушку он мог сфотографировать, но почему-то этого не сделал. Дедов фотоаппарат со мной, это часть его наследства. Прапрабабушка была похоронена на оршанском центральном кладбище, еще до войны 41 года, как рассказала мама, слева от главного входа. Мама водила меня туда и показывала место захоронения. На могиле стоял православный крест и была табличка с именем. Во время войны в ту часть кладбища попала бомба, уничтожив все довоенные могилы и могилу моей прапрабабушки. В Оршанский архив ЗАГСА тоже попала бомба: все документы —

об умерших и выживших — сгорели. Круг замкнулся. Мама помнит старенькую прабабушку. А вот своей бабушки по отцу она не видела никогда. Но ощущала время от времени ее дыхание.

Фотографии Катеньки Второй у нас тоже нет. Есть документ о законном браке Немировича-Данченко и Екатерины первой и рождении Екатерины второй. Есть копия письма-прошения Немировича-Данченко государыне-императрице Марии Фёдоровне о приеме дочери в Мариинский институт. И есть отрывочные сведения о ней. Была она девочкой смышленой и красивой. Получив лучшее женское образование в Российской империи, стала домашней учительницей. Прекрасно говорила на трех иностранных языках, прежде всего и виртуозно — на французском, который знала чуть ли не лучше родного языка. До конца своих дней читала романы по-французски, предпочитая их почему-то русской прозе. Родила и воспитала четырех детей, трех мальчиков: Николая, Василия, Александра и девочку Антонину. Замуж вышла по молодости за моего прадеда Василия Тихоновича Тихонова, крайне неудачно. Был он красивым, высоким, умным человеком, хорошей социальной позиции, сумел сделать карьеру, опираясь только на себя и свое трудолюбие, ибо был сиротой безродной. Он ведь вырос в детском доме, и в церкви крестили его чужие люди. Будучи математиком по образованию, работал в Главном управлении земельных уделов и одновременно стал профессором астрономии в университете. Хорошо зарабатывал и семью обеспечивал. Но… обладал чудовищно плохим характером. Был грубым и жестоким. Не-вы-но-си-мым. Отвратительно обращался с женой и детьми, бил их. Василий Иванович был, кстати, против брака своей единственной дочери с Тихоновым, и будущее показало, насколько он был прав. Екатерина не выдержала и развелась. Впоследствии, она оказалась в Крыму, уже не знаю, когда и как, и вышла замуж за ученика Айвазовского, художника Юрия Малиновского, моложе себя на 14 лет. Второй брак оказался несколько удачнее первого, но там были свои проблемы, о которых сейчас говорить не буду. Прабабушка Катя доживала в Феодосии, на Дачном переулке, 8, окруженная котами и французскими романами. Котов она называл почему-то Козязиками… После ее смерти, а это случилось, кажется, в 1946 году, мама и тетка могли получить ее дом, но не поехали в Крым — не на что было даже билеты купить, и дом пропал. До сих пор никто — никто! — не разыскал, не навестил ее могилу, а ведь это реально.

Так вот, та самая мамина бабушка Катя отправляла в Оршу посылки с драгоценным плотноягодным зелено-янтарным виноградом, душистой айвой, румяными гранатами — никогда не виденным ею внучкам, детям дорогого сына Васеньки… И внучки, Галя и Ася, а потом Галя и Катя (Ася умерла в 1934 году), знали, что есть такая крымская бабушка, которая пахнет солнечными, невиданными в Орше ягодами и спелой айвой… Та самая прабабушка Катя в оккупации бежала за колонной евреев, ведомых на расстрел, а в той колонне шла ее невестка Фаня и четверо красавцев-внуков — единственную девочку звали Ляля, а как звали мальчиков, никто не знает (и никто уже не подскажет)… семья старшего брата деда Васи, Николая, воевавшего на фронте. Бабушка бежала и кричала охранникам по-немецки: «Освободите моих внуков! Это ошибка, они же русские дети!!!» Не освободили…

Возвращаюсь к писателю и журналисту Немировичу. Получив долгожданную свободу, он много путешествовал по стране и другим странам и континентам: по Уралу (1875 год), по Волге и Каспию, и по Кавказу (1876). Результатом поездки по Кавказу стала книга «В гостях», по Уралу — «Кама и Урал», по Прикаспию — книга «Даль».

Потом начал ездить в дальние страны: в Германию и Голландию (вот бы найти здесь его следы, в стране, куда занесла меня судьба!), Испанию, Латинскую Америку, Малую Азию, Африку. Земной шар с легкостью перекатывался под его ногами, и писал он легко и непринужденно, увлекая читателя рассказами

о нравах, быте народов, о природе точными, запоминающимися характеристиками людей и жанровыми сценками. «Очерки об Испании», «По Германии и Голландии», «Под Африканским небом», «Мурман и Северная Норвегия», «Лапландия. Сказки и песни лопарей» — лишь малая часть его наследия. А наследие его огромно: 250 книг. Столько не сочинил даже Лев Толстой. Салтыков-Щедрин шутил: «Немирович пишет днем, а Данченко — ночью». Написал он великое количество очерковых книг, в которых ясно виден пытливый взгляд на жизнь, действенное, а не созерцательное отношение к ней. Писал он просто, тактично. Был незлобивым и добродушным человеком. Его всегда интересовала тема труда — тема взаимоотношения работодателя и работника. Будучи с юности полностью самостоятельным, он был социально зорок и гуманистичен. Куда бы не забрасывала его судьба, он оставался прежде всего русским писателем, болеющим за свой народ.

В историю русской журналистики он вошел как один из первых военных корреспондентов. В 1976 году в числе добровольцев поехал освобождать Сербию, был ранен (слава Богу, легко). В качестве военного корреспондента участвовал в русско-турецкой войне 1877–78 гг. Он не только писал, но и сражался на Шипке, под Плевной, в других местах, был награжден двумя солдатскими Георгиями, орденом Святой Анны. А военные корреспонденции Немировича-Данченко перепечатывали газеты мира. Позже, в 1884 году он напишет книгу о генерале Скобелеве, которого знал лично.

В качестве военного корреспондента газеты «Русское слово» Немирович-Данченко едет на русско-японскую войну и там участвует в боях и сражениях, например, в Порт-Артуре.

В 90-е годы XIX века обращается к теме кавказских войн. Самые известные его романы: «Горные орлы», «Горе забытой крепости», «Разжалованный», «Князь Селим». Эти романы переизданы ровно 20 лет назад московским издательством «Терра» — в 1996 году. Так мой предок вернулся в Россию, где его тщательно забывали 70 лет и где десятилетиями было известно лишь имя его младшего брата-драматурга...

Я прочитала тот трехтомник. Книги предка полны сочувствия и уважения к горцам, желания понять их психологию, традиции, обычаи, богатую культуру. Показывала книги профессиональным военным, и они отзывались так: «Он очень хорошо знал, о чем писал».

В 1904 году в Москве выходит его новая книга: «На войну. От Петербурга до Порт-Артура». Из писем с дороги». А вот с рукописью следующей книги «Слепая война» ему не повезло: сгорела в типографии Сытина при пожаре. Книги Немировича, возможно, излишне патриотичны, но он и о теневой стороне войны тоже писал. Вот отрывок из письма Горького Екатерине Пешковой от 7 августа 1904 года: «...Немирович патриотически врет, но порой сообщает такие штучки, что сразу видно — плохо у нас все, что только можно себе представить. И уход за ранеными, и обоз, и командование».

В 1908–1909 он жил в Италии. Предок был участником и Первой мировой войны, хотя ему было во время начала войны почти 70 лет. Из-за революции его книги о той войне — «Мировая война», «За огненными завесами» — не были изданы.

Революцию Немирович-Данченко не принял. Нет, его не обижали, даже дали ему какой-то немалый пост в Союзе писателей Петрограда, наверное, дали какой-никакой писательский паек, но... еда была слишком скудной, а квартиру было нечем топить. Кругом — разруха. Где-то прочитала милый анекдот про предка: некий писатель спросил его, встретив на улице зимой:

— Как поживаете, Василий Иванович?

— В доме холодно, но я пишу об Испании и согреваюсь!

А ведь ему на тот момент было 73 года.

В 1922 году (в том самом году родилась — в Орше — одна из его правнучек — моя мама) Немирович получил разрешение на выезд за границу. Сначала жил в Берлине. Потом обосновался в Праге, где и похоронен на Ольшанском русском кладбище.

В 2006 году мы поехали с мужем в Прагу искать его могилу и выбрали не самый подходящий день для посещения кладбища — выходной. Сотрудники были дома, офис закрыт, а я знала только, что могила его неподалеку от русской церкви. Посадила мужа на церковную ступеньку, сама пошла вдоль могил. Русские имена, дворянские титулы, нередко аристократические. Нет предка. Вот, кажется, все ряды прочесала, ан нет. И вдруг слышу голос мужа:

— Иди сюда, нашел!

— Возвращаюсь к русской церкви и вижу — прямо за ней, слева от входа могила с надписью: Писатель («spisovatel») Немирович–Данченко, по-чешски и по-русски. И здесь же, под той же могильной плитой его последняя жена — баронесса Елена фон Тизенгаузен, которая была моложе предка на 31 год, а пережила его совсем не намного. Женщина из рода тех самых знаменитых аристократов Тизенгаузенов, из которых произошел прототип толстовского князя Андрея Болконского. Елену прапрадед вывез из послереволюционного Питера, а больше я ничего о ней не знаю.

Вычитала в интернете, что предок был завсегдатаем пражских кафе «Slavia» и «Deriberka». За особые заслуги в развитии литературы и искусства был награжден югославским орденом Св. Саввы 1-й степени. Сотрудничал в газетах «Сегодня» (Рига), «Эхо» (Каунас), журналах «Воля Россия» (Прага), «Наш огонек», «Для вас» (Рига) и других периодических изданиях. В эмиграции издал романы «Рыцарь гор. Роман для детей старшего возраста» (Берлин, 1922), «Вольная душа (Из воспоминаний художника)» (Берлин, 1923), «Пленница гарема» (вместе с романом «Ироидин», Рига, 1935), «Она: роман моего друга» (Париж, 1938), несколько сборников повестей и рассказов — «Папочка с улицы. В чужой клетке. Повести» (Берлин, 1922), «Две ночи перед казнью и другие рассказы» (Берлин, 1922), «Бедная Инес и другие рассказы» (Берлин, 1923), («Бобков и его сироты» (Берлин, 1923), «Бодрые, смелые, сильные: Повести, очерки и рассказы. Из летописей освободительного движения» (Нью-Йорк, б. г.), сборник воспоминаний «На кладбищах» (Ревель, 1921), также «Край золотого заката. Очерки таинственного Магреба» (Берлин, 1923; путевой очерк о поездке в Марокко в трех томах — «Африканские Афины», «В царстве солнца», «Львиные ночи»). Все эти книги были в СССР под запретом.

Немирович-Данченко предвидел нападение Германии на славян и жалел, что его возраст не позволит ему пойти на фронт. Ведь недаром его называли не только «русским Дюма», но и «королем военных корреспондентов». Умер предок 18 сентября 1936 года. В городе были вывешены траурные флаги, а газеты пестрели крупными заголовками: «Умер великий славянин».

Он все-таки счастливый человек, мой предок. Не принял советскую власть, а получил разрешение на выезд за границу, да еще и молодую жену вывез, писал чуть ли не до смерти и творческий путь его был долог и счастлив, несмотря на неоднозначность критиков. В Праге стал почетным председателем Пражского и почетным членом Белградского союзов русских писателей и журналистов. 6 июня 1929 года Прага отмечала день русской культуры, и от имени русской культуры речь держал именно Василий Немирович-Данченко. Многие писатели русского зарубежья справедливо называли его своим старейшиной. Он очень любил рассказывать более молодым писателям Праги, что его называли и называют «русским Дюма» — за количество написанного и занимательные сюжеты.

Он не сделал больших открытий в области слова, но в русской литературе остался патриотом в самом высоком смысле и гуманистом. А в 96 году вернулся — книгами своими — на родину. И занял по праву свое место в русской литературе.

Екатерина Ратникова, «Орнамент»
Москва, 2016

Есть авторы, стихотворения которых не гремят, как морской прибой, но шелестят, как приветливый летний дождь. Такова Екатерина Ратникова — молодой поэт и критик, выпускница Литературного института (семинар И. И. Ростовцевой). В 2016 году она презентовала свой первый поэтический сборник — «Орнамент».

Любая книга начинается с названия, которое в процессе чтения сам себе объясняешь, разгадываешь. Название хорошего сборника всегда многозначно: это своего рода символ, метафора.

Орнамент — узор, основанный на повторе и чередовании составляющих его элементов — требует от исполнителя кропотливой работы. И, как добросовестный художник тщательно выписывает отдельные детали рисунка (ветки, листья, ягоды), так и наш автор в своих стихах заостряет внимание на мелких бытовых подробностях, ритмично их перемежая. В первом стихотворении читаем: «…изящно ходила кошка,/ Бездельников сторожа…», немного погодя — «дворовая кошка, соски до земли,/ Крадется поесть…», и, ближе к концу сборника — «вот кошка сидит, вот собака сидит/ И поезд зеленый гудит позади». Упоминание любимого цвета автора закольцовывает сборник: первое стихотворение содержит строку — «дом желтый был, двор — зеленый», центральный образ финального — «застывшая зелень, прекраснейшая из картин…» Обложка дополняет содержание: светло-зеленые виньетки на белом фоне. Весна. Торжество жизни.

Даже самые сложные узоры берут свое начало в простых геометрических мотивах. Стихотворения Екатерины Ратниковой складываются как будто из ничего. Картинка, на которую обыватель не обратит внимания, случайный момент, выхваченный из житейской суеты и расцвеченный ее поэтическим талантом, становится одухотворенным. Орнамент не существует сам по себе, в чистом виде, он всегда служит украшением какого-либо предмета и всецело зависит от его назначения. Так и стихи автора — они не абстрактны, но привязаны к настоящему, возникают из состояния «здесь и сейчас». Вот автор идет по улице, видит то же, что остальные, но ей свыше дан особый дар — восхититься, подметить прекрасное в рутинном и воодушевить читателя с помощью простых поэтических приемов:

Вот голубь с выгнутым хвостом
Скользит по льду вокруг подруги,
Как воин в ритуальном круге,
Весь в танце важном и простом.

Как любой узор стремится продлить себя, так взгляд автора — светлый, незамутненный — радуется каждому дню, каждой прожитой минуте, по-детски желает охватить все, чем восхищается. Эти стихи всецело подчиняются закону простоты: максимальной убедительности и выразительности орнаментального образа следует добиваться минимальными средствами при максимальном определении подробностей:

…И все в новинку, как во сне,
пусть каждый год одно и то же, —
И жгучая роса на коже
Руки, сметавшей с лавки снег,

И, ослепительный, как смерть,
Луч солнца в ледяном покое,
И небо — чистое такое,
Что вверх не смею посмотреть.

Поэтический мир Екатерины Ратниковой на первый взгляд, неярок. Казалось бы, что особенного — ну, природа-погода, кошки, собаки… Но кто сказал, что это неважно? Не тот ли, кто замкнут сам на себе? Глобального ему, видите ли, подавай… Между тем, для настоящего поэта последняя международная конференция ничуть не важнее, чем «голубь, ждущий поесть». Так или иначе, взрослые люди временами хотят вернуть детское восприятие мира. Возвратить, они, конечно, не смогут никогда. А вот почувствовать… Эту так редко встречающуюся в людях трепетность аккуратно иллюстрирует московская художница Анна Лапина. Монохромные, динамичные рисунки подчеркивают энергичность поэта, сосредоточенность авторских мыслей, зрения и слуха.

Композиционно эта книжечка разбита на три раздела: «Время и птицы», «Молчаливый вестник», «Поездка за город». Пропорциональные отношения составных частей, плавно перетекающих друг в друга, определяют выразительность композиции. Екатерину Ратникову отличает почтительное внимание к деталям. Собака, бегущая по парку, дарит ей целое стихотворение («Летит собака по прямой…»), а поездка за город — цикл стихотворений. Есть в сборнике стихи о случайном прохожем, о мраморной девушке, украшающей фонтан. Автор составила свою первую книгу, повинуясь закону орнаментального контрапункта — построение орнаментальных мотивов возможно из ряда замкнутых элементов путем соединения их в целостный орнаментальный образ. Как говорится: «Внимание к мелочам рождает шедевры, а шедевры — это уже не мелочь».

Да и в человеческих отношениях нет такого понятия — «мелочь». И, казалось бы, в беззаботную пору бабьего лета, когда воздух уже свеж, но еще полетнему тяжел, чуткая лирическая героиня Ратниковой спрашивает:

Земля в сентябре ненадолго становится раем.
Поселок притих, малолюден и неузнаваем,
Но ветви деревьев еще не сквозят на просвет,
И воздух — как в детстве — сырой, кисловатый и чистый.
Зачем же так странно, так долго и горько молчишь ты,
И книги не в радость тебе, и тепло, и рассвет?

Ирландские и английские монахи использовали орнаменты в ранних христианских рукописях, указывая таким наглядным способом дорогу тем, кто идет по духовному пути. Можно сказать, Екатерина обязана это знать по долгу службы (она работает в Литературном институте методистом на кафедре зарубежной литературы). Однако, «знать» — категория информационно-логическая, тогда как поэт, не располагая сведениями, воспринимает информацию интуитивно:

В промозглую комнату, влагой дыша,
Влетали ветра, чтоб часам помолиться.
…Когда-то я знал, что бессмертны душа
И птица.

По старинному поверью, символы в узорах несли духовную силу, способную заклинать любое зло и несправедливость стихийных сил природы. Эти символические знаки, пришедшие к нам из древних обрядовых праздников, —

с магической символикой. В стихотворениях Ратниковой природе уделяется значительное место. Она не просто живая, она добрее и мудрее человека. По-древнеславянски благоговея перед окружающим миром, лирическая героиня истово просит:

Долго ветви озябшие гладит рука.
С листьев катятся капли досрочного тленья…
Моя самая лучшая в жизни строка,
Стань сиренью!

Эта воодушевленность — секундное замирание доброго сердца — дает ответ на вопрос: что же такое «счастье»? Оно — в простых вещах:

Я помню это мир совсем другим, —
Не пестрым, не бетонным, не железным,
Был лес, и жгли костры, и вкусный дым
По вечерам плыл облаком чудесным.

Екатерина Ратникова принадлежит последнему поколению советских детей, еще заставшему, как в маленьких дворах старики стучали в домино, а молодежь пела песни под гитару. Ее стихи наполнены простой добротой, антагонистичной клиповому сознанию поклонников навороченных гаджетов. Такая поэзия расширяет человеческий дух и делает его восприимчивым ко всему общечеловеческому. Светлой печалью пронизано обращение к прошлому, и сильна тоска по живому, «неоцифрованному» общению:

Но было в этом счастье, может быть,
Без вымысла, без выгоды, без толку.

Было. Есть. И будет.

Ольга ЕФИМОВА

Александр ФАЙН «Кровники»
М:, «Вест-Консалтинг», 2017

С творчеством Александра Файна я как литературный критик встречаюсь уже не в первый раз. Каждая его новая книга — это всегда событие, вызывающее отклик и у литературоведов, и у творческой братии, и даже в Министерстве культуры РФ. Но, конечно, самое важное для любого писателя, чтобы его произведения отзывались в сердцах читателей.

Для того чтобы расширять свою читательскую аудиторию, у прозаика Александра Файна есть все необходимое: выработанный авторский стиль, близкие народному сознанию темы, легкий флер ностальгии по утраченной стране, приметливые детали, создающие атмосферу, необходимую для погружения в текст. Его новый солидный сборник повестей и рассказов соединил в себе произведения, ранее публиковавшиеся в других авторских книгах, но уже в новой редакции: «На пенсии», «Медаль», «Огурцы», «Не оступись, доченька!», «Мальчики с Колымы»... Однако главным подарком для поклонников его творчества, без сомнения, станет не печатавшаяся ранее заглавная повесть «Кровники», которая и открывает книгу. Пожалуй, именно о ней и стоит поговорить подробнее.

Перед нами очередная страница «энциклопедии советской жизни». С первых строк мы попадаем в уже знакомую по другим произведениям автора обстановку зажиточной советской квартиры, где счастливо и спокойно четвертый десяток совместно прожитых лет провожают профессор Сергей Андреевич Хохлов с супругой. Стоит приступить к чтению, и сразу вспоминаешь, что любимый конек Александра Файна — диалоги. Через них прозаик нам рассказывает все о своих героях: об их прошлом, их социальном статусе и национальности, об особенностях характера и уровне образования. Из правильно выстроенных, уверенных и как будто слегка снисходительных обращений Хохлова к супруге мы узнаем всю его судьбу. Детдомовский мальчишка, волею судеб выбившийся в люди, выучившийся, удачно женившийся и в конце концов достигший вершины советской социальной лестницы: доктор наук, лауреат Ленинской премии; то взятку в два миллиона долларов предложат за подпись (не берет!), то в Канаду работать позовут... «С моим послужным списком к империалистам уезжать — это авантюра. Я ведь партбилет так и не сдал. Столько лет взносы платил — пусть память останется...» Но нет, неумолимо в окошко стучится другая жизнь, постсоветская. И Хохлов с супругой начинают-таки паковать чемоданы, чтобы от хорошего поискать лучшего...

Но прошлое бумерангом возвращается к Хохлову прямо перед отъездом. Родной брат, с которым с детдома не виделись, давно пропавший и позабытый, вдруг сваливается, как снег на голову. Успешному и респектабельному Хохлову он полная противоположность: всю жизнь по лагерям, на самом дне преступного мира: даже не вор, «мокрушник». А все потому, что когда-то в детстве заступился за брата, прикрыл его от насильника верной спиной и шальной пулей, и теперь вот, спустя столько лет пришел получить должок. «Сейчас, Хлюпа, выйдем на свет божий... На спусковом крючке палец... Ученый я — и алгебру с геометрией давно постиг. Очко у меня крепкое!.. Не гневи!..».

Цель сумбурного, как будто во сне разыгранного путешествия двух братьев поначалу не совсем ясна. Но здесь важно другое. Перед нами проходит целая череда национальных характеров: деревенская старушка, истосковавшаяся по стоящему мужику простая русская баба, забулдыги, преступники, приезжие из братских республик... Как будто брат намеренно повел Хохлова смотреть ту сторону жизни, о которой тот и думать уже забыл... Меняются в этом путешествии и отношения между братьями. От страха и ненависти переходят к любви, состраданию, раскаянию... Куда бы и зачем не шли братья изначально, только

дорога-то одна — к Богу. В конце понимаешь, что главный герой все это время как бы провожал горемычного брата в последний путь. Жизнь искупается жизнью, долг возвращается через поколение. Как когда-то старший брат подарил младшему шанс на счастливую жизнь, так и младший дарит билет в светлое будущее оставшемуся на его попечение племяннику...

Если рассматривать сюжет как аллегорию, то братья невольно ассоциируются со схлестнувшимися эпохами. Ненадолго отлаженная после всех выпавших ей на долю потрясений советская действительность внезапно сменяется эпохой беспредела и разбоя. Власть над порядочными, законопослушными гражданами захватывают криминальные братки, предавшие даже собственные воровские понятия («Закон слаб... Много лишних звезды накололи, чужие пришли — славы и власти, не заслужив, захотели!..»). Ворвавшись в чужие дома, в чужие судьбы, «братки» силой потащили страну в никуда, в неясное и бесцельное будущее и захлебнулись по дороге собственной кровью. Теперь нам остается самим растить новое будущее. Каким оно будет?.. Зависит от каждого.

Марианна МАРГОВСКАЯ,
кандидат философских наук

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Лео Бутнару — поэт, прозаик, эссеист, историк литературы, переводчик. Родился в 1949 году в Уезде Орхей, Молдова. Дебютировал книгой стихов «Крыло на свету» в 1976 г. Издал в Молдове и Румынии около 80 книг разных жанров. Его отдельные книги вышли в переводе в Москве, Париже, Софии, Казани на русском, французском, болгарском и татарском языках. Составитель и издатель ряда антологий, в том числе антологий русского авангарда (поэзия, проза, драматургия, манифесты), украинского авангарда, отдельными книгами в своих переводах выпустил произведения Велимира Хлебникова, Алексея Кручёных, Владимира Маяковского, Марины Цветаевой, Осипа Мандельштама, Анны Ахматовой, Леонида Добычина, Нины Хабиас, Татьяны Вечерки, Бориса Поплавского, Яна Сатуновского, Геннадия Айги, Вячеслава Куприянова, Александра Ткаченко, Веры Павловой, Евгения Степанова, Леонса Бриедиса (Латвия), Лилии Газизовой (Татарстан) и др. (почти 50 книг). Лауреат литературных премий союзов писателей Молдовы и Румынии, Консилиума Союза Писателей Румынии, Министерства Культуры Молдовы, Национальной премии Республики Молдова. Победитель Всерумынского Турнира Поэтов (2016 г.). Имеет ряд государственных наград Молдовы и Румынии. Является членом Консилиума Союза писателей Румынии, председателем Кишинёвского Филиала Союза Писателей Румынии.

Лилия Газизова — поэт. Окончила Казанский медицинский институт и Литературный институт им. А. М. Горького (1996), ответственный секретарь журнала «Интерпоэзия» (Нью-Йорк). Автор тринадцати сборников стихотворений, изданных в России и Европе. Публикации в журналах «Новый мир», «Знамя», «Арион», «Дружба народов», «Октябрь», «Нева», «Интерпоэзия», «Дети Ра», «Зинзивер» и др. Стихи переведены на двенадцать европейских языков. Лауреат нескольких литературных премий. Переводит тюркскую поэзию на русский язык. Основатель и организатор международных поэтических фестивалей имени Н. Лобачевского и В. Хлебникова (ЛАДОМИР).

Елена Данченко — поэт. Родилась в Кишинёве. Окончила Кишинёвский государственный университет, факультет журналистики. Работала в редакциях газет и журналов, в пресс-центре Министерства сельского хозяйства России и в книжных издательствах. Автор шести книг стихов, стихотворных, переводческих и журналистских публикаций в Молдавии, России, Белоруссии, на Украине, в Узбекистане, Канаде, Нидерландах, Бельгии, Израиле, Чехии, Англии, Германии, в том числе в газетах и журналах «Молодежь Молдавии», «Сельская молодежь», «Модус вивенди», «Москва», «Дружба народов», «Новая юность», «Смена», «День и Ночь» и в альманахах «День поэзии» и «Год поэзии». Член Союза писателей Москвы. С 2004 года живет в Нидерландах.

Ольга Ефимова — поэт, прозаик, литературный критик. Родилась в Москве. Окончила экономический факультет МГПУ по специальности «Менеджмент в сфере образования». С 2014 года посещает поэтический семинар С. С. Арутюнова в Литературном институте им. А. М. Горького. Ранее занималась в литературной студии «Жизальмо» под руководством Т. М. Котенёвой-Громан. Участвовала в фестивале литературных студий Москвы в музее В. В. Маяковского (2014). Публиковалась в альманахах «Пегас», «Золотое сечение», журналах «Дети Ра», «Зинзивер», «Цветные строчки», газетах «Поэтоград» и «Литературные известия».

Семён Каминский — прозаик, журналист, член Международной федерации русских писателей, Объединения русских литераторов Америки и Союза писателей XXI века. Родился в 1954 году в городе Днепропетровске. Образование высшее техническое и среднее музыкальное. Публикуется в периодических изданиях в России, Украине, США, Канаде, Израиле, Германии, Финляндии, Дании, Латвии, в том числе в журналах «Дети Ра», «День и Ночь», «Северная Аврора», «LiteraruS», «Сура», «Ковчег», «Время и место», «Edita», «Веси», «Новый берег», «Южная звезда», «Побережье» и во многих других. Автор книг: «Орленок на американском газоне»: Рассказы и очерки (Insignificant Books, Чикаго, 2009); «На троих»: Сборник рассказов (в соавторстве с В. Хохлевым, А. Рабодзеенко; Insignificant Books, Чикаго — СПб., 2010), «30 минут до центра Чикаго»: Рассказы (М., «Вест-Консалтинг», 2012). Редактор-составитель литературного раздела еженедельника «Обзор» (Чикаго), член редколлегии газеты «Наша Канада» (Торонто). Живет в г. Чикаго (США).

Елена Литинская — поэт, прозаик, литературный критик, общественный деятель. Родилась и выросла в Москве. Окончила славянское отделение филологического факультета МГУ. Занималась поэтическим переводом с чешского. В 1979-м эмигрировала в США. Вернулась к поэзии в конце 80-х. Издала четыре книги стихов и прозы: «Монолог последнего снега» (Нью-Йорк, 1992), «В поисках себя» (Москва, 2002), «На канале» (Москва, 2008), «Сквозь временную отдаленность» (Бостон, 2011). Стихи, переводы и рассказы Елены можно найти в периодических изданиях, сборниках и альманахах Москвы, Нью-Йорка, Бостона и Филадельфии, а также в интернете. Живет в Нью-Йорке. Она основатель и президент Бруклинского клуба русских поэтов, а также вице-президент объединения русских литераторов Америки — ОРЛИТА. Член Союза писателей XXI века.

Марианна Марговская — писатель, журналист, кандидат философских наук. Родилась в 1987 году в Москве. Окончила факультет журналистики и аспирантуру философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Публиковалась в журналах «Наука и религия», «Знамя», «Дети Ра», «Зинзивер», «Зарубежные записки», «Телефорум» и других изданиях. Под псевдонимом Марианна Рейбо опубликовала роман «Письмо с этого света» (2015).

Эдуард Просецкий — прозаик. Окончил ВЛК при Литературном институте им. А. М. Горького. Автор многих книг и публикаций. Живет в Москве.

Евгений Степанов — литератор, кандидат филологических наук. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института, Университет христианского образования в Женеве и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Президент Союза писателей XXI века. Автор книг стихов, прозы, многих публикаций в периодике. Живет в Москве.

Татьяна Янковская — филолог, литературовед, прозаик. Родилась в Ленинграде. Окончила химический факультет Ленинградского государственного университета. С 1981 года живет в США. С 1991 года публикуется в журналах «Слово/Word», «Вестник», «Чайка» (США), «Время искать» (Израиль), «Континент» (Франция) и др. Автор книги «Детство и отрочество в Гиперборейске, или В поисках утраченного пространства и времени» (2011). Живет в Нью-Йорке.

Заказ № 17
Тираж 500 экз.
Отпечатано
в ООО «Вест-Консалтинг»,
109193, г. Москва,
ул. 5-я Кожуховская, д. 13.